Уилфред
Бэрчетт

ВНОВЬ ХИРОСИМА

Уилфред
Бэрчетт

ВНОВЬ ХИРОСИМА

Wilfred
Burchette

HIROSHIMA MAINTENANT

Messidor/Temps Actuel
Paris
1984

Уилфред
Бэрчетт

ВНОВЬ ХИРОСИМА

Послесловие *Мадлен Риффо* и
Ивана Щедрова

Москва
«Прогресс»
1987

ББК66.4(0)
Б 97

Перевод с французского В. К. Вадимова
Редактор Л. И. Двинина

Бэрчетт У.

Б 97 Вновь Хиросима: Пер. с фр./Послесл. М. Риффо и И. Щедрова.— М.: Прогресс, 1987.— 9 л.— Париж, 1984.— 168 с.

Книга известного австралийского журналиста У. Бэрчетта (1911—1983) создана на основе личных впечатлений. Он приехал в Хиросиму в сентябре 1945 года, спустя месяц после атомной бомбардировки, и позднее, в 70—80-х годах бывал там. Написанная в последние месяцы жизни автора книга изобличает американский империализм, готовящий человечеству атомное побоище, и содержит страстный призыв остановить надвигающуюся угрозу, предотвратить катастрофу, нависшую над планетой.

Б $\frac{0801000000—305}{006(01)—87}$ 44—87 ББК66.4(0)

Художник А. В. Разумов
Художественный редактор О. А. Барвенко
Технический редактор В. Ю. Никитина
Корректор Т. А. Шустина

ИБ № 14685

Сдано в набор 30.07.86. Подписано в печать 12.03.87. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура журнально-рубленая. Печать высокая. Условн. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 9,14. Уч.-изд. л. 8,9. Тираж 50 000 экз. Заказ № 266. Цена 40 к. Изд. № 41384.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП Москва, Г- 21, Зубовский бульвар, 17.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л- 52, Измайловский проспект, 29.

К читателям

Писать о Хиросиме вновь, когда прошло столько лет, может показаться странным. Меня порой спрашивали, почему я, свидетель тех трагических событий, так долго не брался за перо. Тому есть много причин. Из города, пораженного атомной бомбой, тогда я писал страницу Истории. Однако, что это именно так, я понял не сразу. Я не успел закончить работу, как меня отправили в Западную Европу. Затем были разные «горячие точки» планеты. В Хиросиму довелось вернуться лишь в 1971 году — через четверть века после испытания первой атомной бомбы на людях.

В 70-е годы угроза ядерной войны как будто отступила. Более того, мне казалось — какое заблуждение! — что о Хиросиме рассказано так подробно, что писать на эту тему уже невозможно. Когда же на горизонте вновь возникла ядерная угроза, я в ужасе понял, что, придав прошлое забвению, люди с какой-то безотчетной самонадеянностью воспринимают эту опасность. И тогда я решил, что пришло время вернуться к теме Хиросимы, поведать о событиях, ей предшествовавших, проследить логику их развития вплоть до самого конца, который в какой-то степени можно было предвидеть.

Анализируя мои поездки в Хиросиму в 1970—1982 годах, вникая в судьбы тех, кто выжил, изучая всевозможные документы и материалы, я пришел к выводу, что фактически многое из того, что связано с Хиросимой, долгое время оставалось мною не понятым. Так, не понимал я истинного значения инцидентов, возникавших между американскими оккупационными властями, и нами, газетчиками, когда в своих журналистских поисках мы слишком близко подошли к происшедшему.

О том, что произошло в Хиросиме в августе 1945 года, сегодня должны знать все люди. Ибо все мы, сколько бы нас ни было, очень реально рискуем превратиться в пепел или погибнуть от радиации, как это

случилось с 40 тысячами из 300 тысяч жителей Хиросимы, которых, по официальным данным, не стало еще до окончания 1945 года!

«То, о чем я пишу, должно послужить предостережением всему человечеству» — с таким аншлагом через первую страницу лондонская «Дейли экспресс» опубликовала мой первый репортаж из Хиросимы. Разве мог я тогда предположить, что в сравнении с нынешними бомбы, уничтожившие Хиросиму и Нагасаки, можно было бы уподобить бильярдным шарам?! И эти «шары» полностью уничтожили два города! А современные бомбы могут стереть с лица Земли целые страны! Если же сложить все эти бомбы вместе, то их мощности окажется более чем достаточно, чтобы разорвать Землю несколько раз. Вы скажете — преувеличение. Отнюдь! Это подлинная, страшная правда!

Когда в марте 1983 года Рейган выдвинул план ведения «звездных войн», виднейший американский ученый, советник по научным вопросам при нескольких президентах США, директор Массачусетского технологического института, доктор Джером Визнер заявил следующее: «По мнению большинства специалистов, действительные свойства противоракетных космических систем не вселяют уверенности. Даже если предположить, что они окажутся высокоэффективными, считать, что они могут обеспечить подлинно непроницаемую защиту,— значит выдавать желаемое за действительное. У каждой из сторон ныне накоплено более 10 тысяч ядерных зарядов. Если даже система обороны сможет обезвредить 90—95 процентов зарядов — что само по себе было бы чудом,— то и тогда оставшихся боеприпасов окажется вполне достаточно, чтобы полностью уничтожить человеческую цивилизацию...»

Мысль о том, что судьба Хиросимы, свидетелем которой я был в последние дни второй мировой войны, может стать судьбой тысяч городов уже в первые минуты третьей мировой войны, побудила меня обратиться с настоящим предупреждением ко всему миру.

В те первые послевоенные годы вряд ли кто-либо представлял себе реально масштабы угрозы! Хочу также сказать об одном моменте, которому тогда я не придал значения. Передать репортаж в «Дейли экспресс» стоило мне огромных усилий: американские

власти в Токио отнеслись ко мне с холодностью, которую правильней назвать враждебностью. Зачем понадобилось в спешном порядке отправлять меня в военный госпиталь? Не для того ли, чтобы изолировать от коллег по профессии? Почему по выходе из госпиталя я лишился фотоаппарата «Контакс», который «украли» вместе с пленками, отснятыми в Хиросиме? Почему Макартур постарался выдворить меня из Японии? В тот момент я это воспринимал как бюрократические перипетии военного времени. Что касается фотоаппарата, то, видимо, объяснял я себе, солдаты в упоении победой «охотились за сувенирами». И все сходило с рук! А мне и в голову не пришло заявить о пропаже.

Позднее подобные объяснения утратили этот «идиллический» налет, стало ясно, что это были лишь мелкие детали официальной политики Вашингтона, направленной на усиленную маскировку всего, что касалось ядерной войны. Прежде всего было очевидным стремление администрации США преуменьшить действительный характер последствий атомной бомбардировки. Камуфляж начался заранее, до того, как атомное оружие было произведено и применено. Такой дезинформацией общественного мнения в США занимаются и поныне. Поскольку я неоднократно на себе испытал конкретные проявления этой политики, в книге ей отводится определенное место.

Угроза ядерной войны стала главной проблемой современности. Движением протеста против атомной бомбы охвачены огромные массы людей на всей Земле. Истории не известны равные по масштабам проявления общей для человечества воли, не признающей ни географических, ни идеологических, ни политических, ни классовых барьеров.

Я считаю своим долгом внести в это движение посильный вклад и сожалею, что не сделал этого раньше.

Уилфред Бэрчетт

София, 15 мая 1983 года

«ЯКОБЫ ИМЕВШАЯ МЕСТО БОМБАРДИРОВКА»

11 августа 1945 года дипломатическая миссия Швейцарии в Токио, осуществлявшая представительство интересов Соединенных Штатов в Японии в связи с тем, что эти государства находились в состоянии войны, направила государственному департаменту США ноту, содержание которой стало известно лишь через 25 лет. В ноте говорилось:

«Швейцарская дипломатическая миссия, представляющая интересы Японии, получила от японского правительства срочное сообщение с просьбой немедленно довести его до сведения государственного департамента. Ниже следует его перевод:

«6 августа 1945 года американские самолеты сбросили над жилыми районами Хиросимы бомбу нового типа, в результате чего было мгновенно убито и ранено огромное количество гражданских лиц и уничтожена бóльшая часть города.

Хиросима представляет собой обычный город, не располагающий средствами обороны и не имеющий ни в черте города, ни в прилегающих к нему районах каких-либо специальных военных объектов или сооружений, которые можно назвать военными*.

Как заявил президент Трумэн, такие бомбы будут использоваться для разрушения доков, предприятий и разного рода транспортных объектов**. Сброшенная бомба обладает разрушительной силой большого радиуса действия, поскольку, удерживаемая парашютом, она взрывается, не достигнув поверхности земли. Следовательно, технически невозможно ограничить ее действие отдельными объектами, о которых говорится в заявлении президента Трумэна. И американское правительство полностью отдает себе в этом отчет.

---

* В действительности в Хиросиме было расквартировано командование южного района Японии, штаб и несколько военных объектов второстепенного значения, в основном транспортных.

** Имеется в виду заявление Трумэна от 6 августа 1945 года, сделанное после бомбардировки Хиросимы.

В действительности, как установлено на месте, разрушениям подверглась обширная зона города и все пострадавшие — будь то мужчины или женщины, военные или гражданские лица, старики или дети — стали жертвами взрывной волны и воздействия, вызванного взрывом теплового излучения. Из вышеизложенного следует, что данная бомба является самым жестоким из известных средств поражения как по колоссальным масштабам производимых разрушений, так и по причиняемым страданиям.

В соответствии с принципами международного права воюющие стороны ограничены в выборе средств ведения войны и не могут использовать снаряды, оружие или любые другие средства поражения, способные причинить врагу излишние страдания. Бомбы, использованные американцами, по своей жестокости и устрашающему воздействию намного превосходят химическое и другие виды оружия, применение которых запрещено международным правом...

Подвергая бомбардировкам территорию Японии, Соединенные Штаты разрушали ее города, убивали стариков, женщин и детей, уничтожали синтоистские и буддистские храмы, школы и больницы, жилые дома и т. п. Одно это свидетельствует о том, что они действовали в нарушение элементарных законов человечности и общепринятых международных норм. В данном случае была применена бомба, разрушительная сила которой не поддается контролю и неизмеримо превосходит мощь всех до сих пор известных видов оружия. Это — новое преступление против человечества и цивилизации. Настоящим правительство Японии от своего имени и от имени всего цивилизованного мира обвиняет правительство Соединенных Штатов Америки в использовании крайне бесчеловечного вида оружия и со всей настоятельностью требует прекратить его дальнейшее применение».

Совершенно очевидно, что этот документ был составлен еще до 9 августа, когда на Нагасаки была сброшена вторая атомная бомба. Потребовалось время на перевод и пересылку, только 11 августа нота поступила в Вашингтон. Государственный департамент оказался в затруднительном положении: он мог бы игнорировать протест непосредственно от японского правительства, но не ноту правительства Швейцарии. Соответству-

ющее сообщение было направлено в Особое военное управление, которое в свою очередь поставило в известность координационный комитет военно-морских сил, где проблема рассматривалась 5 сентября 1945 года. Обсуждению подверглись следующие вопросы:

— следует ли отвечать на протест японцев,

— если ответ необходим, то каков должен быть характер ответа.

Координационный комитет рекомендовал:

а) ограничиться простым подтверждением получения швейцарской ноты;

б) в связи с событиями, происшедшими после получения ноты, на японский протест не отвечать;

в) **не придавать никакой огласке получение протеста со стороны японского правительства.** (Выделено автором.— *Ред.*)

Координационным комитетом эти рекомендации были одобрены 24 сентября 1945 года, а 24 октября, или спустя полтора месяца после получения швейцарской ноты, американское правительство дало следующий ответ:

«Государственный департамент подтверждает получение ноты от 11 августа 1945 года, направленной швейцарской дипломатической миссией, представляющей интересы Японии в Соединенных Штатах Америки (за исключением Гавайских островов) и содержащей текст сообщения японского правительства о **якобы имевшей** место 6 августа 1945 года бомбардировке города Хиросимы американскими самолетами». (Выделено автором.— *Ред.*)*.

Почему государственный департамент не колеблясь поставил себя в смешное положение, сказав о «якобы имевшей место бомбардировке» Хиросимы? Почему ответ был дан только спустя полтора месяца? И почему в течение последующей четверти века этот эпизод скрывали от мировой общественности?

Все это произошло потому, что в своем более чем сдержанном заявлении японское правительство говорило о последующем воздействии атомного взрыва на людей, а это никак не устраивало Вашингтон, кото-

---

* См.: Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1945. Vol. VI. United States Government Printing Office, Washington, 1969, pp. 472—474.

рый, подчеркивая колоссальный разрушительный эффект атомной бомбы, умалчивал о ее воздействии на человеческий организм. Теперь приходится признать, что американские стратеги достаточно хорошо представляли себе характер реакции мирового общественного мнения спустя десятилетия, когда станет известно, что на крайний случай они уже тогда приберегали возможность всеобщей ядерной войны. Факты свидетельствуют о том, что ничего случайного не было, что все детали были частью продуманного плана.

К замалчиванию прибегали и в дальнейшем, когда в результате ядерных испытаний в пустыне Невада гибли американские солдаты, когда от атомной радиации в районах, прилегающих к испытательным полигонам, погибал скот. Издающаяся в Париже газета «Интернэшнл геральд трибюн» 8 августа 1982 года поместила по этому поводу разоблачительную статью: «Махинации американского правительства в процессе о радиоактивных осадках: разоблачения судьи». Вот что сообщалось из Солт-Лейк-Сити (штат Юта):

«Федеральный судья заявил, что во время процесса 1956 года о радиоактивных осадках американское правительство преднамеренно фальсифицировало улики, оказывало давление на свидетелей и прибегало к разного рода махинациям. Тогда на процессе группа фермеров из штата Юта не смогла доказать, что падеж принадлежавших им животных наступил как следствие наземных атомных испытаний. Судья А. Шерман Крестьянсен, 26 лет назад решивший дело в пользу правительства, пересмотрел свое решение и распорядился начать новое расследование в защиту интересов фермеров, с 1953 года безуспешно добивающихся возмещения убытков за 4 тысячи погибших овец.

Судья Крестьянсен признал — и, по мнению информированных людей, такое случается чрезвычайно редко,— что со стороны правительства имело место злоупотребление доверием суда. В частности, во время первого процесса свидетели и государственные служащие, чтобы запутать и ввести суд в заблуждение, давали заведомо неточные либо сфабрикованные показания, старались оказывать давление на других свидетелей, искажать факты.

Судья Крестьянсен заявил, что в настоящее время он еще не в состоянии решить, действительно ли ра-

диоактивные осадки явились причиной падежа овец, но совершенно очевидно, что в 1956 году в результате обманных маневров правительства он не располагал доказательствами, необходимыми для вынесения правильного решения...

Кроме упомянутого процесса о падеже скота, с аналогичными просьбами обратились также 900 жителей штата Юта. Федеральный суд штата приступит к пересмотру этих дел в ближайшие недели. Вот уже четыре года, как эти люди требуют возмещения ущерба, нанесенного им самим и членам их семей вследствие заболеваний (в том числе раком), вызванных радиоактивными осадками. Добиться возмещения пытаются также много солдат, пораженных в зоне атомных испытаний в пустыне Невада».

На протяжении всех 37 лет, отделяющих эти события друг от друга — я имею в виду протест японского правительства и процесс о падеже овец в Неваде,— самые высокопоставленные американские деятели неоднократно прибегали к бесстыдной лжи и фальсификациям. В свое время к этому большому обману, к этому камуфляжу, призванному скрыть воздействие на живые организмы атомных взрывов, осуществленных над Хиросимой и Нагасаки или в пустыне Невада, я, того не ведая, имел прямое касательство. Мои настойчивые попытки уточнить и выяснить некоторые факты привели к серьезному столкновению с теми, кто в США на самом высоком уровне отвечал за пропаганду политики Вашингтона. Эти коллизии не смягчились со временем. Когда я писал первый репортаж о Хиросиме, я и понятия не имел, во что я вмешиваюсь. Но если бы и знал, то это не изменило бы моих действий.

Я первым из журналистов приехал в Хиросиму после 6 августа. Этот факт отражен даже в таком неполном документе, как отчет комиссии по сбору материалов о биологических, медицинских и социальных последствиях атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки*. В приложении к этому отчету приводится перечень событий, привлекших внимание комиссии, среди которых упоминаются и мои действия.

3 сентября 1945 года в Хиросиме проведено со-

* Hirosima et Nagasaki. Les Effets Physiques, Médicaux et Sociaux des Bombardements Atomiques. Iwanami Shoten, Tokjo, 1979.

вещание о характере атомной болезни; состоялась пресс-конференция японских врачей Масао Цудзуки и Масаси Майякэ (впоследствии опубликовавших фундаментальные исследования в области лучевых поражений.— Автор). В Хиросиму прибыла группа корреспондентов, аккредитованных при оккупационных войсках. Австралийский журналист Уилфред Бэрчетт, приехавший в Хиросиму самостоятельно, отправил в газету свой первый репортаж с места событий.

6 сентября журналист из «Чикаго дейли ньюс» Джордж Уэлер приступил к сбору информации в Нагасаки.

9 сентября группа специалистов, работавших над «проектом Манхэттен»*, приступила к изучению положения в Хиросиме.

12 сентября в заявлении для печати руководитель группы Томас Ферелл опроверг появившиеся в японской прессе материалы о бесплодии как результате лучевой болезни.

3 сентября, то есть спустя четыре недели после испытаний первой атомной бомбы на людях, я приехал в Хиросиму. Конечно, я не думал, что и моя жизнь, и моя профессиональная деятельность, и мое мировоззрение претерпят коренные изменения.

«Группа корреспондентов, аккредитованных при оккупационных войсках», прибывшая в Хиросиму, состояла из американских журналистов, прошедших тщательный отбор. Они приехали прямо из Вашингтона и должны были подготовить материалы о разрушительном действии изготовленного американцами принципиально нового оружия. Отбор производился с учетом их авторитета, влияния и определенной осведомленности в данной области, чтобы благодаря их участию обеспечить престиж тому подлинному заговору молчания, которым были окружены атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Некоторые из журналистов, видимо, и не отдавали себе в этом отчета. Прибывших в город журналистов заверили, что как представители прессы они попадут в Хиросиму первыми, намного раньше остальных, в том числе и военных корреспондентов, все это время освещавших операции по пе-

* Кодовое название программы исследований, завершившихся созданием атомной бомбы.

реброске войск на ближайшие к Японии острова, партизанские действия и др. В этой группе были и маститые репортеры. Большинство из них воспринимали поездку как некую компенсацию за добросовестное изложение сообщений американского генштаба в Вашингтоне. Конечно же, они были откровенно раздосадованы, когда, прибыв в Хиросиму, обнаружили на пепелище конкурента. Сопровождавшие группу офицеры из службы по связи с общественностью проявляли по отношению к журналистам подчеркнутую предупредительность, меня же они третировали с холодной подозрительностью. Можно было их понять — ведь было обещано исключительное право на сенсацию... Кроме того, здесь что-то было не так...

Для меня попасть в Хиросиму (об этом я еще расскажу) было очень нелегко и даже сопряжено с множеством опасностей. Я поэтому обратился к руководителям группы, прибывшей в Хиросиму специальным военным самолетом, с просьбой захватить меня на обратном пути в Токио. Мне весьма сухо отказали. Я попросил хотя бы отвезти копию моего репортажа и передать ее в пресс-службу генерального штаба для моего коллеги из «Дейли экспресс». В этой просьбе мне также было отказано. (Впоследствии мне говорили, что ряд журналистов, в частности те из них, с кем мы работали как военные корреспонденты во время операции на Тихом океане, выразили протест против подобного обращения со мной.) Однако в ответ на отказ я внутренне улыбнулся: как раз в тот момент самый обычный аппарат Морзе буква за буквой уже отстукивал мою статью в Токио. Я не знал, правда, сколько потребуется времени, чтобы она попала по назначению. Мне тем более не приходило в голову, что мой репортаж явится вызовом для высших представителей политической и военной власти Соединенных Штатов Америки.

Самым авторитетным среди журналистов был Уильям Лоуренс, который уже несколько лет работал в «Нью-Йорк таймс» в качестве корреспондента по научной тематике. Тогда в Хиросиме он выполнял две миссии — специального корреспондента «Нью-Йорк таймс» и члена совета по контролю за национальной программой атомных вооружений, отвечавшего за связи с общественностью по «проекту Манхэттен». Он

был единственным журналистом, допущенным в Лос-Аламос во время испытаний прототипа атомной бомбы, взорванной над Хиросимой, и, по слухам, находился на борту самолета, сбросившего на Нагасаки плутониевую бомбу. Эту бомбу в честь корпулентного руководителя «проекта Манхэттен» Лесли Гровса назвали «Толстяк» (на Хиросиму была сброшена бомба под названием «Малыш»). Лоуренс подчинялся генералу Лесли Гровсу как руководителю «проекта Манхэттен» и его заместителю, бригадному генералу Томасу Фереллу. Л. Гровс возглавлял группу специалистов, направленную в Японию, и Лоуренс буквально смотрел ему в рот, а порой даже исхитрялся предупреждать его желания. В этих обстоятельствах было естественным, что репортажи Лоуренса в «Нью-Йорк таймс» были диаметрально противоположны тем, которые для «Дейли экспресс» писал я, так как я писал о том, что видел и слышал, а Лоуренс посылал заранее подготовленные статьи, отражавшие официальную точку зрения. По крайней мере такое впечатление создавалось при их чтении.

АТОМНАЯ ЧУМА. «То, о чем я пишу, должно послужить предостережением для всего человечества». Врачи падают от усталости. Опасность смертоносных испарений. Все носят маски. (*От нашего специального корреспондента Питера Бэрчетта* *).

Таким аншлагом через первую полосу «Дейли экспресс» открывала мой репортаж из Хиросимы. В то время словосочетание «атомная радиация» было не известно ни мне, ни большинству моих читателей. Но я знал, что ужасная, неизвестная болезнь уже поразила тех, кто пережил этот страшный взрыв, что это постыдное массовое убийство, потому что в больнице в Хиросиме, вернее, в том, что от нее осталось, я разговаривал с врачами, видел больных.

В «Дейли экспресс» за 5 сентября 1945 года мой репортаж занимал почти всю первую страницу и большую часть еще одной полосы. Лоуренс предпочел укрыться за широкой спиной Ферелла. По необъяснимым причинам его первая статья в «Нью-Йорк таймс» появилась только 13 сентября. Крупным шрифтом было набрано: «**НА РУИНАХ ХИРОСИМЫ НИКАКОЙ РАДИОАКТИВНОСТИ. Специалисты отмечают полное отсутствие следов остекленения почвы. Разрушено 68 тысяч строений**». (*От нашего специального корреспондента У. Лоуренса, Токио, 12 сентября*). «Бригадный генерал Т. Ф. Ферелл, возглавляющий комитет по проблемам атомного оружия при Военном министерстве, сегодня вечером после осмотра разрушений Хиросимы заявил, что сила взрыва секретного оружия превысила ту, на которую рассчитывали его создатели, но он решительно отрицает, что бомба могла вызвать опасную радиацию, якобы излучаемую руинами города, и что за взры-

---

* Для оформления аккредитации я послал в «Дейли экспресс» из Чунцина, столицы Китая в 1937—1943 годах, телеграмму, в которой мое имя было передано как «Питер». Обнаружилось это лишь спустя несколько месяцев, когда меня уже узнали под этим именем. Некоторые коллеги впоследствии так меня и называли.

вом последовало образование смертоносного облака. Он указал, что 9 сентября, когда началось расследование, группа специалистов не обнаружила в разрушенной зоне никаких убедительных доказательств остаточной радиоактивности и что, по его мнению, люди, находившиеся там, не подвергались никакой опасности...

На всем пространстве, определенном в качестве цели, по сути уничтожено все, представляющее собой материальную часть. Как заявил генерал Л. Гровс, местность представляет собой картину полного разрушения. Количество уничтоженных и разрушенных зданий достигает 68 тысяч, то есть 80—100 процентов всех городских строений».

Накануне, 12 сентября, в «Нью-Йорк таймс» появилась статья Лоуренса из Лос-Аламоса, где 16 июля 1945 года было взорвано первое экспериментальное атомное устройство. В этой связи в газете говорилось о принадлежности Лоуренса к «проекту Манхэттен» в качестве советника комитета по проблемам атомного оружия при Военном министерстве. Вот как выглядело это сообщение: «**АТОМНЫЕ ИСПЫТАНИЯ, ПРОВЕДЕННЫЕ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ, ОПРОВЕРГАЮТ ВЫМЫСЛЫ ТОКИО.** (*От нашего специального корреспондента Уильяма Лоуренса. Зона атомных испытаний Нью-Мексико, 9 сентября. Задержано доставкой.*) События в этой исторической зоне в штате Нью-Мексико, ставшей местом первого ядерного взрыва на Земле и колыбелью новой эры в истории человечества, не оставляют камня на камне от измышлений японской пропаганды. Японцы утверждают, будто бы атомная радиация явилась причиной смерти людей даже спустя сутки после взрыва и что те, кто попал в Хиросиму на следующий день после бомбардировки, страдают загадочными заболеваниями, вызванными остаточной радиоактивностью. Чтобы опровергнуть эти утверждения, в зону испытаний, до сих пор абсолютно секретную, военными властями впервые была допущена группа журналистов и фоторепортеров. Таким образом, они собственными глазами смогли увидеть показания счетчиков радиоактивности, а также выслушать квалифицированные объяснения видных ученых, участвовавших в проекте создания бомбы.

Во время поездки журналистов генерал Лесли Р. Гровс, с самого начала возглавивший осуществление

этого проекта, дал убедительные ответы на целый ряд вопросов, возникших в то историческое утро, в понедельник 16 июля 1945 года, когда впервые была взорвана атомная бомба».

Поскольку, считает Лоуренс, было доказано отсутствие радиоактивности на полигоне, где экспериментальное атомное устройство было взорвано на 30-метровой стальной вышке, то и вовсе маловероятно, чтобы радиоактивность могла наблюдаться в Хиросиме и Нагасаки, где, по утверждению Лоуренса, бомбы взорвались «на высоте почти в двадцать раз большей»*.

Далее Лоуренс писал: «Эти выводы подтверждаются также в докладе, представленном заместителю руководителя проекта генералу Томасу Фереллу группой американских специалистов, которые направлены в Японию для изучения последствий взрыва бомбы на месте. Генерал Гровс уточнил, что работа американских исследователей находится на самой начальной стадии. Как сообщил генерал Ферелл, японские представители согласились, что через одиннадцать дней после взрыва уровень радиации в Хиросиме понизился, достигнув допустимого предела, и это означает, что в городе можно жить... Далее генерал Гровс сказал, что в Японии считают, будто все еще имеют место случаи смерти от радиации. «Если это и верно,— сказал он,— то таких жертв немного. Если радиация и была, то только в момент взрыва, а отнюдь не после него... И если кто-то и погиб, то многие жизни были спасены, в частности жизни американцев. Фактически бомба помогла быстрее закончить войну. Этот заключительный удар вывел японцев из строя... Если вникнуть в те заявления, которые сделаны рядом деятелей Японии, то становится ясно, что их авторы преследовали пропагандистские цели, чтобы создать впечатление, будто США выиграли войну бесчестно. Они пытаются вызвать сочувствие и таким образом добиться менее тяжелых условий капитуляции...»**

Сопоставив даты, нельзя избавиться от впечатления, что в высказываниях Ферелла и Лоуренса что-то пробуксовывает, подобно тому как чувствовалась какая-то подтасовка и в американском ответе на ноту

---

* В Хиросиме взрывное устройство сработало на высоте 580 м.

** «The New York Times», 12 September, 1945.

швейцарского правительства. Как получилось, что Лоуренс не отправил свой репортаж из Хиросимы (или хотя бы из Токио), куда он, по всей вероятности, прибыл 3 сентября 1945 года или, уже во всяком случае, утром следующего дня? Он был в Хиросиме с группой американских корреспондентов, когда там был и я... Почему была «задержана» статья, написанная на атомном полигоне? Вообще-то пометка «Задержано доставкой» означает технические неполадки. Однако трудно поверить, что между Лос-Аламосом и Нью-Йорком не работали телефонная связь или телеграф. И почему в статье, якобы отправленной из Лос-Аламоса 9 сентября, Гровс ссылается на сообщение Ферелла с места событий, тогда как Ферелл в тот самый день лишь выехал в Хиросиму, чтобы через три дня быть вновь в Токио? В конце концов зачем столько усилий? Чтобы ввести в заблуждение общественность, заставить поверить, что в испепеленном атомной бомбой городе отсутствует остаточная радиоактивность? Без ложной скромности скажу, что причиной этому отчасти был я...

Из Хиросимы я вернулся утром 7 (возможно, 8) сентября. Я вышел в Токио из поезда полуживой от усталости с единственной мыслью — найти гостиницу, забраться в постель и выспаться, впервые за последние пять дней.

Возвращение из Хиросимы было, мягко говоря, непростым. В Киото — он находится примерно на полпути от Токио до Хиросимы — я встретил австралийских военнопленных, исхудалых, бледных, полуживых. Я заметно отличался от них загаром и крепкой наружностью. Когда я подтвердил, что война действительно кончилась — а до сих пор до них доходили только слухи,— они стали настойчиво просить меня сойти с поезда, пойти в их лагерь и сказать всем заключенным, что войне конец (я — в качестве вещественного доказательства) и что вскоре они смогут вернуться домой. «Там умирают наши товарищи,— говорили мне.— Надо, чтобы они вас только увидели, чтобы вы повторили им все, что сказали нам, и многие из них будут спасены».

Я не смог отказать, хотя еще предстояло обрабатывать много материалов по Хиросиме. В Киото я прежде всего разыскал местное бюро агентства «Домэй» (в то время официальное телеграфное агентство

Японии) — хотелось узнать, попала ли моя статья в Токио, так как корреспондент «Домэй» в Хиросиме отправил ее по аппарату Морзе. Вежливый служащий заверил меня, что в агентстве статью получили и передали ее моему коллеге из «Дейли экспресс». За последующие дни и ночи — сколько времени это длилось, я сказать не могу — я объехал все лагеря военнопленных в районе Киото — Цуруга. Я говорил, что война действительно кончилась; я рассказывал, как это произошло, я убеждал, что нужно продержаться еще немного, когда завершатся формальности, их освободят и они смогут вернуться домой.

Один из американских пленных, державшийся очень активно, сказал, что было бы хорошо, если бы обо всем этом узнали и в большом смешанном лагере в районе Кобет — Осака. Я отправился туда. Прежде всего оказалось необходимым дать вздрючку начальнику — с него взял обещание немедленно заняться улучшением условий жизни в лагере. Я посетил еще полдюжины лагерей и везде заставлял наводить порядок. В Иокогаме журналист из «Дейли экспресс», сопровождавший генерала Макартура, отдал мне свой пистолет. Сунув его за пояс, я выдавал себя за эмиссара Макартура, контролирующего выполнение условий капитуляции. В конце концов, немытый, небритый, с покрасневшими от угольной пыли и бессонницы глазами, я все-таки добрался до Токио. Я был поражен происшедшей переменой. Казалось, прошла вечность с тех пор, когда японская столица еще не была оккупирована. Основные соединения армии Макартура были расквартированы в Иокогаме, а Токио вскоре после моего отъезда в Хиросиму был объявлен «закрытой зоной». Теперь город был буквально набит весьма элегантными американскими офицерами и солдатами.

С вокзала я побрел к гостинице «Даи-Иси», где провел ночь (нелегально, как я понял позднее) перед отъездом в Хиросиму. По дороге я встретил коллегу-журналиста. Он тоже был в безукоризненно отглаженной униформе.

— Бэрчетт, как кстати! Поехали со мной. Я еду в гостиницу «Империал». Там собралось все начальство, они занимаются отчетом о Хиросиме.

— Невозможно! Посмотри только, в каком я виде.

Единственное, чего я хочу,— забраться в ванну и отоспаться...

— Но они собрались специально, чтобы подготовить опровержение на все, что ты написал о лучевых заболеваниях в Хиросиме.

Я, конечно, поехал с ним. Мы пришли, когда совещание уже заканчивалось. По дороге коллега мне рассказал, что «Дейли экспресс» не только опубликовала на первой полосе мой репортаж, но и распространила его бесплатно во всех странах, что и привело американские ядерные власти в ярость. В книге «На баррикадах», которая вышла в 1980 году одновременно в США и Англии, я описал это событие следующим образом:

«Совещание подходило к концу, но цель его была очевидной — речь шла об опровержении моего репортажа, отправленного из Хиросимы и рассказывающего об умирающих от последствий атомной бомбардировки... Какой-то ученый в форме бригадного генерала* объяснял, что он категорически не согласен с описанными мною симптомами, поскольку-де бомбы были взорваны на расстоянии от земли, специально рассчитанном, чтобы исключить всякую опасность «остаточной радиации».

Я встал, обстановка была накалена до предела. Я понимал, что на фоне этих офицеров, увешанных медалями, затянутых в ладно пригнанную форму, мой растерзанный вид был не в мою пользу. Первый вопрос я задал офицеру, делавшему доклад. Я спросил, был ли он в Хиросиме. Нет, он там не был (очко в мою пользу). Я рассказал о том, что видел, и попросил объяснений. Мне их дали сначала очень вежливо, в суховатой наукообразной манере, рассчитанной на профанов. Мол, люди, которых я видел в больнице, пострадали от взрывной волны и пожара, что вполне естественно, учитывая силу взрыва. Японские врачи, видимо, недостаточно компетентны для оказания помощи, им де просто не хватает соответствующих медикаментов. Я возразил, сказав, что болезнь поражала людей, приехавших в Хиросиму после взрыва. Офицер оставил мои слова без внимания. Наш диалог стал заходить в тупик, когда я попросил объяснить мне, почему до сих

---

* Потом я узнал, что это был Томас Ф. Ферелл, заместитель директора «проекта Манхэттен».

пор в речке, протекающей через центр города, дохнет рыба.

— Совершенно очевидно, что это результат взрыва и перегрева воды.

— Спустя месяц?

— Этот рукав реки подвержен морским приливам и отливам: следовательно, мертвая рыба, унесенная отливом, возвращается с приливом.

— Но я был на окраине города, и как раз в этом месте можно видеть, как еще живая рыба вдруг всплывает животом вверх. Течением ее доносит до определенного места, и там через несколько секунд она дохнет.

Докладчик принял крайне сокрушенный вид. «Боюсь, что вы стали жертвой японской пропаганды»,— сказал он и сел. Присутствующих поблагодарили, и совещание закончилось. Опровержение по поводу всего, что я написал из Хиросимы, было опубликовано, однако город был немедленно объявлен «закрытой зоной», меня же с ходу отправили в военный американский госпиталь на обследование. Там я узнал, например, что у меня в крови крайне низкое количество лейкоцитов».

Эта подробность просочилась в прессу. Вскоре от заведующего международным отделом «Дейли экспресс» Чарльза Фолея я получил телеграмму. Он журил меня за неосторожность и иронизировал по поводу того, что конкурентам не удастся лишить его газету сенсационной новости о моей собственной «дезинтеграции». Госпитальное начальство объясняло падение лейкоцитов «воспалением колена» и предписало лечение антибиотиками.

Как мне объясняли потом, любой воспалительный процесс, напротив, должен был бы повысить содержание лейкоцитов, необходимых для борьбы с микробами, падение же уровня лейкоцитов было типичным проявлением лучевой болезни. По выходе из госпиталя я узнал, что лишился и фотоаппарата, и пленок с уникальными кадрами, сделанными в Хиросиме. Я узнал, что по указанию генерала Макартура меня лишили специального удостоверения об аккредитации в Японии, и вообще мне грозило лишение работы за нарушение границ «его» оккупационной зоны. Ограничения, введенные для всех журналистов союзных войск, были очевидным следствием допущенных мною «на-

рушений». Может, это просто совпадение? А может, у меня мания преследования?..

На следующий день, после того как был передан мой материал из Хиросимы, «Нью-Йорк таймс» получила из пресс-службы при оккупационной армии в Иокогаме подготовленную там информацию. Эта информация появилась в прессе стран Запада уже после того, как мое сообщение из Хиросимы облетело весь мир. В информации говорилось:

Япония, Иокогама, 5 сентября (по радио). В момент, когда американские бронетанковые войска готовились войти в Токио, был распространен приказ всем журналистам покинуть столицу. Приказ вступал в силу немедленно.

Офицеры и другие служащие генерального штаба американских войск проверили все гостиницы, в которых жили корреспонденты. Гостиницы были реквизированы, а для корреспондентов выделили одну, третьеразрядную. Все новости распространялись из Токио, куда переместился центр информации, японским агентством печати «Домэй». Американским журналистам предписывалось держаться на расстоянии 1—2 километров от города. Вынужденные жить в Иокогаме корреспонденты получали материалы с опозданием, так как нужно было переводить сообщения местной прессы, которая тщательно их обрабатывала и отбирала, неукоснительно проводя в жизнь официальную линию Японии: «Мы проиграли войну, но мы надеемся, что американцы будут столь же корректными победителями, сколь мы — побежденными...»

Журналисту, обратившемуся за разъяснениями, представитель генерала Макартура ответил: «В планы военных не входит включение журналистов в передовые отряды оккупационных войск».

Как выяснится, это нарочитое сумасбродство Макартура подчинялось определенной логике: организовать для союзных журналистов нечто вроде гетто и таким образом поставить их в зависимость от японских источников информации.

Чему, как не замалчиванию, сокрытию от общественности, служила эта мера, распространявшаяся на все то, что могли написать журналисты или японские ученые о судьбе людей, переживших атомную бомбардировку в Хиросиме и Нагасаки?!

ДОРОГА В ХИРОСИМУ

Как все-таки я оказался в Хиросиме, что же я там увидел и каким образом спустя два дня моя статья появилась в «Дейли экспресс»— история длинная и сложная. Я немного уже рассказывал обо всем — в предыдущих книгах, в ряде фильмов, снятых в Англии, Австралии, Италии, Японии, Швеции и т. п.

Однажды через много лет, собирая материалы для очередного фильма, я вдруг отчетливо понял, кому, делая, казалось, обычную репортерскую работу, я тогда бросил вызов. Надо сказать, сначала я не придал никакого значения той панике, которая в результате появления моего материала возникла среди поборников ядерной войны в Вашингтоне.

Когда происходят экстраординарные события, я всегда поступаю согласно принятым в среде журналистов правилам: побыстрее, желательно опередив собратьев по перу, прибыть на место, и все, что увидел и прочувствовал, наиболее точно передать читателям. Около 600 журналистов, тучей бросившихся в тот момент в Японию, считали сенсацией официальную церемонию подписания капитуляции, которая должна была проходить на американском линкоре «Миссури». Это была их точка зрения. Что касается меня (не считая группы журналистов, которую отобрали в Вашингтоне и специальным самолетом прислали в Хиросиму), то я счел атомную бомбардировку несравнимо более существенным событием. И это была моя точка зрения. Их взоры были обращены в прошлое — я хотел видеть будущее. Кому сегодня вздумается перечитывать ярко написанные статьи о капитуляции Японии, пусть даже под ними стоят подписи самых видных журналистов Запада!

В «Дейли экспресс» я начал сотрудничать, когда газете понадобился корреспондент, который бы давал репортажи о войне Японии против Китая. Я оказался в Чунцине. Чунцин подвергался тогда бомбардировкам,

как никакой другой город мира. Как известно, в декабре 1941 года японцы атаковали Пёрл-Харбор и уничтожили большую часть американского флота. Это событие и определило вступление во вторую мировую войну как Соединенных Штатов, так и Японии. Автоматически ось Рим—Берлин стала треугольником Рим—Берлин — Токио. С этого момента и до конца 1943 года я был аккредитован при союзном командовании в Китае, Бирме и Индии. В качестве военного корреспондента мне пришлось освещать, с одной стороны, вытеснение японцами английской армии из Бирмы, а с другой — контратаки Великобритании, старавшейся удержаться на юго-западе Бирмы. Эта вторая операция, известная под названием «Араканская кампания», закончилась провалом. Лично мне она стоила четырех месяцев госпиталя — я попал под обстрел японского истребителя. Таков был для меня по-своему символический конец этой бесславной авантюры.

В конце 1942 года советские войска остановили под Сталинградом наступление гитлеровцев, а союзники наконец открыли военные действия на севере Африки. Потом пришло время, когда фашистские армии с большими потерями начали отступать на всем протяжении Восточного фронта, а союзники высадились на севере Франции. Победа в Европе была вопросом нескольких месяцев. Стратеги (а также журналисты) сосредоточились на проблемах Дальнего Востока. Как известно, с начала войны Японией были оккупированы все порты и все крупные промышленные центры Китая, включая промышленно развитый район Северо-Восточного Китая (Маньчжурию), вся Юго-Восточная Азия с ее колоссальными запасами сырья. Япония полностью контролировала этот регион. В свое время армии Великобритании, Франции и Голландии вместе взятые не сумели оказать должное сопротивление наступлению японцев, а Соединенные Штаты были позорно изгнаны с Филиппин. Командующий войсками США генерал Д. Макартур оказался одним из немногих, кто остался в живых в этом сражении.

К 1945 году победа на Западе была делом решенным, и союзники переключили все свое внимание на Японию.

Еще в августе 1943 года на конференции в Квебеке был разработан общий стратегический план действий

на Тихоокеанском театре войны. Великобритания брала на себя осуществление сухопутных операций в Юго-Восточной Азии. Новое английское командование возглавил адмирал лорд Маунтбэттен. Соединенным Штатам предстояло выдворить японцев из Китая и с ряда островов в Тихом океане, где были расположены многие базы и гарнизоны Японии. Морскими операциями командовал адмирал Ч. Нимиц, сухопутными — генерал Д. Макартур.

Во время этой передислокации я обосновался в Дели, куда заведующий отделом международной политики «Дейли экспресс» Ч. Фолей прислал мне следующую телеграмму: «ЗАВЯЖИТЕ КОНТАКТ АВСТРАЛИЕЙ ГЕНРИ КЕЙСОМ ЗПТ ПОДЕЛИТЕ ТИХИЙ ЖЕЛАЮ УСПЕШНОЙ ОХОТЫ ФОЛЕЙ ТЧК». Это означало, что я должен ехать в мой родной Мельбурн, познакомиться с неким Генри Кейсом, моим соотечественником, который из своего корпункта в Австралии следил за действиями армий Макартура, и договориться с ним об освещении военных операций против Японии. Все было улажено за кружкой пива. Кейс уже установил контакты со штабом Макартура, я же должен был связаться со штабом Нимица, находившимся на Гавайских островах. Так, в точном соответствии с инструкцией Фолея мы «поделили» Тихий океан...

Несколько взволнованных встреч с родственниками, и на борту гидросамолета американских военно-морских сил я отправился в долгий путь в Гонолулу. В ушах еще звучали прощальные слова Генри Кейса: «Увидимся в Токио».

Начиная с этого момента мне предстояло освещать все операции американского морского флота и морской пехоты. Японские военно-воздушные и военно-морские силы занимали в этот период ряд незащищенных островов в центральной части Тихого океана, которые были превращены ими в мощные базы морской авиации. Эти острова намечалось использовать как перевалочные пункты для захвата Американского континента.

Нимиц подготовил дерзкий план разгрома японцев. Американский флот был к тому времени восстановлен и значительно укреплен. Японские базы должны были послужить для высадки американских сил на основные острова Японии. Девиз операции — «Удар в

сердце». В задачу Макартура входило очистить Новую Гвинею — самый южный бастион японцев на пути в Австралию, затем двигаться к Японии через острова Индонезии и Филиппины. Основная заслуга в успехе этой битвы принадлежала австралийским войскам. Они остановили японцев, отбросили их и освободили Новую Гвинею. В определенный момент этой блестящей в стратегическом отношении операции силы Нимица с востока и силы Макартура с юга должны соединиться и начать совместное наступление на саму Японию. И, конечно, здесь не могло обойтись без существенных потерь.

Моя аккредитация задерживалась из-за бумажной волокиты, и меня не было в тот момент, когда развернулись наступательные действия на острова Гилберта в полутора тысячах километрах от Пёрл-Харбора. Это наступление едва не сорвалось — при разработке операции упустили такой фактор, как сила морских приливов и отливов. Наступление должно было начаться во время отлива, однако десантные баржи попали в плен коралловых рифов и искусственно созданных рогаток. Первый десант был буквально расстрелян японцами из автоматов... Эта ошибка больше никогда не повторилась.

В течение полутора лет мне довелось непосредственно наблюдать за высадкой десантов морских пехотинцев и действиями авианосцев. В канун большой битвы за Окинаву меня взяли на борт броненосца «Король Георг V». Это был флагманский корабль британского флота, который своим присутствием символически поддерживал намного превосходящие американские военно-морские силы. Бои за Марианские и Каролинские острова, высадка десанта на остров Лейте в Филиппинском архипелаге, воздушно-морские бои, в которых был практически уничтожен японский флот, штурм мыса Нодзима, первые рейды бомбардировщиков на Токио и другие города Японии с авианосцев — все это отражено в моих репортажах «С места событий». Во время битвы за Окинаву впервые начали действовать японские самолеты-самоубийцы. Их называли «камикадзе» по имени японского священного ветра. Пилоты этих самолетов направляли свои машины, нагруженные бомбами, прямо на посадочные полосы авианосцев — это была их излюблен-

ная цель — или на палубы крупных кораблей, броненосцев, крейсеров, танкеров. Это было ужасающее зрелище. Без малейшего колебания они бросали свою машину в кипение противовоздушного огня кораблей. Все они, за редким исключением, погибали вместе со своей мишенью. Чтобы это видеть, надо иметь крепкие нервы.

В ходе не прекращавшихся ни на один день воздушно-морских боев перебраться с британского военного корабля на американский, с него на линейный, а затем на десантную баржу оказалось делом непростым. Я поэтому высадился на Окинаве, когда сухопутные бои подходили к концу. И вот в американской военной столовой, стоя в очереди, я услышал по радио обрывки информационного сообщения. Взволнованным голосом диктор говорил о новой бомбе колоссальной мощности, только что сброшенной над населенным пунктом под названием «Хиросима». В громыхании металлических подносов, вилок и ложек, в шуме болтовни о вчерашнем фильме и японском шпионе, захваченном каким-то взводом, я не расслышал подробностей. Я спросил на раздаче, о чем это только что говорили по радио.

«А-а,— услышал я,— это по поводу новой бомбы, которую на них сбросили. Колоссально! Для нас, должно быть, очень здорово!» Так ничего не узнав, я пошел к столику.

Надо сказать, что окинавская операция обошлась американцам дорого — 12 тысяч убитыми, 36 тысяч ранеными, было потоплено и выведено из строя 34 корабля. Всего лишь за три месяца! Однако по сравнению с тем, во что с точки зрения человеческих и материальных потерь мог обойтись штурм самой Японии, это считалось пустяком.

В тот же вечер в офицерской столовой, где было относительно тихо, я узнал, что «над местечком Хиросима» была сброшена атомная бомба. Тогда я и подумал, что Хиросима будет моим первым объектом, если мне удастся попасть в Японию.

Мне это удалось. На борту американского грузового судна «Милетт», переделанного в транспортный корабль. Он был до отказа забит морскими пехотинцами, которые одними из первых высадились в Японии. Они должны были подавить вражескую артиллерию и

обеспечить безопасность для передовых отрядов оккупационных войск.

С Генри Кейсом мы встретились не в Токио, как договаривались в Мельбурне, а в Иокогаме. Он прибыл на самолете с передовой группой штаба генерала Д. Макартура.

Едва прибыв на морскую базу в Йокосука, с помощью нескольких японских выражений, которые я выудил из англо-японского разговорника для американской армии, я узнал, что поезда между Йокосука и Токио ходили регулярно. Вскоре мы с моим верным спутником Билли Макгафином из «Чикаго дейли ньюс» уже сидели в токийском поезде. Пассажиры проявляли удивление, но не враждебность. Один из них на хорошем английском языке подсказал нам, где лучше сойти, чтобы попасть в гостиницу «Даи-Иси» недалеко от центра Токио, вернее, от того, что было центром японской столицы до налетов авиации генерала К. Лимэя.

После небольшой перепалки со служащим отеля нам пришлось заполнить формуляры для туристов: на сколько дней рассчитан визит, домашний адрес и т. п., а также ответить на другие малоуместные в той ситуации вопросы. С помощью сигарет, служивших валютой, мы получили комнату на одну ночь.

На следующее утро Макгафин отправился в город, чтобы собрать материалы для своей обзорной статьи, а я — в информационное агентство «Домэй» (с 1945 года «Киодо Цусин»). Молодой человек в отделе внешней политики принял меня с профессиональной вежливостью. Но когда я объяснил, что хотел бы как можно скорее отправиться в Хиросиму, чтобы описать все, что там произошло, он испуганно возразил: «Но сейчас никто не едет в Хиросиму. Там все умирают». Я настаивал: если это так, мне тем более важно туда поехать. Он вышел посоветоваться с кем-то из сотрудников, затем вернулся и сказал: «Ежедневно в 6 утра из Токио уходит поезд, который останавливается в Хиросиме...».

В конце концов вежливый молодой человек согласился заказать мне билет туда и обратно, если я не откажусь передать его коллеге в Хиросиме Накамуре-сан кое-какие продукты и сигареты. Я поинтересовался, нельзя ли будет через упомянутого Накамуру-сан поддерживать с ними связь. Он ответил: «Ситуация не совсем обычная. У нас в Хиросиме есть не-

большой передатчик Морзе и оттуда можно передать сообщения. Но там нет приемного аппарата, и с Накамурой-сан мы связаться не можем. В Хиросиме нет радио, и туда не ходят почтовые поезда. Однако коллеге Накамуре-сан известно, что мы принимаем его информации, и он неизменно их передает. Если вы хотите, мы можем дать вам рекомендательное письмо с просьбой оказать вам содействие. Я же прошу вас передать Накамуре-сан, что мы благодарны ему за работу».

Я заехал в гостиницу за Билли, и мы вернулись в Йокосука. Макгафину предстояло заняться освещением церемонии капитуляции на «Миссури» и потом сразу же ехать в Чикаго. И не было ничего нечестного в том, что, несмотря на мое к нему уважение, я не раскрыл перед ним своих планов, а рассказал все своему другу из пресс-бюро при генерале Макартуре. Обрадовавшись, что один из «наших» первым приедет в Хиросиму, он достал мне кое-какую провизию, в том числе большой кусок говядины для представителей «Домэй» в Токио. В тот вечер в одном из отелей Токио, где временно расположилось главное пресс-бюро союзников, состоялась встреча журналистов. Именно там я нашел своего соотечественника и собрата по перу Генри Кейса. В шумной многоголосице мы успели рассказать друг другу обо всех перипетиях, из которых чудом вышли живыми. Действительно чудом, если не забывать, что и корреспондентам война стоила жертв. Распределение обязанностей на ближайшие дни заняло еще меньше времени, чем «раздел Тихого океана». Кейс отвечал за церемонию подписания капитуляции на борту «Миссури», а я делал все возможное и невозможное, чтобы попасть в Хиросиму. Договорились, что он будет держать связь с агентством «Домэй» в Токио, и, если вдруг повезет, что вообще-то казалось маловероятным, передаст мои материалы в Лондон, воспользовавшись каналом пресс-бюро, находившегося в Иокогаме.

Ночь мы провели в одном номере, прекрасно понимая, что ни в коем случае нельзя раскрывать наших планов коллегам. К счастью, на следующий день рано утром они должны были уехать на крейсер «Миссури», чтобы участвовать в официальной церемонии окончания второй мировой войны. Утром, зайдя разбудить

нас, они с удивлением увидели, что один из нас корчится в постели, от «приступа», а другой с самым обеспокоенным видом прикладывает ему к животу горячее полотенце. Им ничего не оставалось, как поехать без меня, я же «упустил» возможность присутствовать при «столь важном историческом моменте». Уходя, Генри пожелал мне удачи и сунул в руку пистолет: «Держи, он тебе сгодится. Это сувенир с поля боя». Я взял его без энтузиазма — корреспондентам не разрешалось носить оружие, но война должна была в ближайшие часы закончиться официально, и сомнения не долго мучили меня.

Не прошло и часа, как все уехали, а я поторопился в агентство «Домэй», чтобы обменять кусок говядины на билет до Хиросимы и драгоценное письмо к Накамуре-сан.

Ровно в шесть сотрудники «Домэй» с трудом втиснули меня в переполненный поезд, выразив на прощание надежду, что все будет в порядке. Я, однако, видел, что они мало в это верили.

* * *

Позднее Генри Кейс руководил бюро агентства ЮПИ в Вашингтоне. После выхода на пенсию он возглавил Вашингтонский пресс-клуб.

Тогда, в 1945-м, он сделал невозможное, чтобы мой репортаж из Хиросимы попал в «Дейли экспресс». В то время все иностранные журналисты были отправлены в Иокогаму, а Токио был для журналистов закрыт. Генри Кейс дважды пытался выбраться из «гетто» и дважды был снят с поезда американской военной полицией на первой же остановке после Иокогамы.

К счастью, Кейс был опытным, упрямым и энергичным журналистом, который никогда не пасовал перед трудностями, который никогда не считал отказ окончательным ответом и который практически не уважал бюрократию. Австралийские журналисты пользовались у ответственных работников газет скандальной репутацией.

Не долго думая Генри нанял японского журналиста, снабдил его сигаретами и провизией и велел не покидать бюро «Домэй» до тех пор, пока тот не получит сообщения из Хиросимы.

Поздно ночью 3 сентября наш японец постучал в дверь к Кейсу: чудо! он держал в руках мой репортаж!

Генри снял копию и отправил ее в пресс-центр. Дежурный глянул на заголовок, увидел слово «Хиросима» и сказал: «Это необходимо направить цензору». «Какому цензору?— спросил Кейс.— Война кончилась, больше не нужна никакая цензура». «Да, но это особый случай, мы не можем это пропустить». Кейс вскипел от негодования. Он дрался как дьявол. Он оборвал все телефоны и в конце концов был допущен к телексу. Пока не была передана последняя точка, он ни на шаг не отходил от оператора и дождался, когда аппарат отстучал из редакции «Дейли экспресс»: «Получено».

Джорджу Уэлеру из «Чикаго дейли ньюс» повезло меньше (я узнал об этом спустя 34 года — в 1979 году!). Его статьи из Нагасаки, куда он также прибыл без ведома оккупационных властей, общим объемом в 25 тысяч слов «затерялись» в штабе Макартура, откуда их должны были передать в газету.

ВОПЛОЩЕНИЕ АДА, СОТВОРЕННОГО ЛЮДЬМИ

Меня предупредили, что дорога может занять 15, а то и все 30 часов. Первая треть пути была наиболее рискованной. Поезд был переполнен демобилизованными солдатами и офицерами японской армии. Офицеры с длинными саблями и самурайскими кинжалами занимали купе, солдаты же теснились в тамбурах. Они были без оружия. Работая локтями, я втиснулся среди солдат. Так мы и ехали стоя. Они не знали, что обо мне и думать. Я запрятал в сумку корреспондентскую пилотку, которая придавала мне военный вид. Я был в полевой одежде, но прижимал к груди зонтик: он должен был подтверждать, так я рассчитывал, мое гражданское положение.

Японские солдаты, невысокого роста, коренастые, в обмотках, многие в очках, насупленные, обменивались на мой счет короткими резкими фразами. Трудно было не почувствовать враждебность. Я достал пачку сигарет и пустил ее по кругу. Появились улыбки. Я знал, что после капитуляции сигареты подорожали не то в десять, не то в двадцать раз. Мне предложили глотнуть сакэ из солдатской фляги, куски вяленой рыбы и вареные яйца. Как бывает только на войне, спустя час мы были приятелями. Они радостно гоготали, когда я показывал им шрамы на правом колене с застрявшим осколком и рассказывал, как заполучил его в Бирме во время налета японского истребителя. Я демонстрировал свою пишущую машинку в доказательство того, что я журналист. Они потеснились, освобождая мне место у огромных бидонов. Сакэ полилась с еще большей щедростью. По демобилизации солдатам было разрешено взять с собой личное оружие, а также столько продуктов и спиртного, сколько смогут увезти.

Часов через пять-шесть мои попутчики с раскрасневшимися лицами и замутившимися взорами, сияющие не столько от радости, сколько от сакэ, постепенно начали покидать раскачивающийся тамбур. На станциях кто-то очередной спрыгивал с поезда и удалялся, пока-

чиваясь под тяжестью колоссального рюкзака. Выходившим на тех же станциях офицерам — никаких приветствий, никаких знаков почтения, вообще никакого внимания.

Весь пропыленный, черный от дыма и угля, я протиснулся в купе рядом с тамбуром. Меня встретили враждебно. Подогретый сакэ, я, было, поприветствовал американского священника, но он дал мне понять, что ситуация не располагает к проявлениям чувств. Как раз наоборот... Тогда-то я заметил, что его сопровождали вооруженные люди, сам он явно нервничал. Излишняя улыбка, легкое рукопожатие воспринимались не иначе, как выражение радости по поводу капитуляции, которая как раз в тот момент подписывалась, и могли стоить жизни. Попутчик подсказал мне, что особенно следует остерегаться тех, у кого в руках трости. Сам он возвращался из Токио, где по радио разъяснял солдатам оккупационных войск, как надо себя вести, чтобы избежать столкновений. Теперь его везли обратно в лагерь, куда он попал еще во времена Пёрл-Харбора. Весьма неприятным было то, что бóльшую часть пути, по крайней мере мне так показалось тогда и кажется до сих пор, поезд ехал с притушенным освещением по темным тоннелям. Мы едва плелись, скорость не достигала и 40 километров. (Теперь поезда несутся со скоростью до 220 километров.) Лишиться головы, оказаться выпотрошенным самурайским кинжалом представляло малоприятную перспективу. Мне все казалось, что мои попутчики только и думали, как бы это проделать. Они не спускали рук с рукояток сабель и бросали на меня холодящие кровь взгляды.

Кроме того, меня мучил вопрос, как узнать остановку в Хиросиме. Иероглифы были мне недоступны. Сходя в Киото вместе со своим эскортом, священник сказал, что осталось еще полпути. По разговорнику я выучил фразу: «Коно экива нанто и имасука?» («Как называется эта станция?»). Эта фраза позволяла мне не произносить слово, бывшее, казалось, непосредственной причиной капитуляции. Офицеров оскорбляло само мое присутствие, и я меньше всего хотел подливать масла в огонь. Впоследствии, вспоминая об этой поездке, я понял, что они были из тех фанатиков, которые вопреки решению императора были готовы продолжать войну. Их отправляли подальше от Токио,

чтобы избежать инцидентов во время церемонии капитуляции и в первое время оккупации. Проехав еще 7—8 часов, я повторил свой коронный вопрос. К этому времени офицеров поубавилось, стало больше гражданских. Я ждал, что кто-нибудь скажет: «Коно экива Хиросимаэки десу» («Это станция Хиросима»), и я бы спрыгнул с поезда. Наконец в 2 часа ночи, то есть через 20 часов пути, я услышал долгожданный ответ. Купе было переполнено, люди сидели и стояли, и я смог выбраться только через окно. Мне выбросили сумку.

Раньше вокзал был кирпичным, теперь это был навес на деревянных подпорках. Кое-как сооруженный барьер указывал пассажирам направление к выходу, где проверяли билеты. От эпицентра взрыва это было примерно в двух километрах. Как только я прошел контроль, меня подхватили два охранника в черной форме с саблями. Решив, что я беглый военнопленный, они отвели меня в нечто вроде временной тюрьмы. Мне дали понять, чтобы я не рыпался. Я выехал из Иокогамы почти сутки назад. Тогда ночью было бесполезно вступать в какие-либо дискуссии. Я угостил их сигаретами, какая-то женщина напоила меня горячей водой, и я улегся на лавку поспать. С восходом солнца я предъявил рекомендательное письмо к Накамуре и пишущую машинку в доказательство того, что я был его коллегой. Отношение ко мне изменилось, и мне даже позволили подойти посмотреть, что осталось от вокзала. Через час, может быть, два появился Накамура в сопровождении молодой японки родом из Канады, безупречно говорившей по-английски.

Здесь я хочу воздать должное Накамуре-сан, его смелости и верности общечеловеческому духу. Он принял меня за того, кем я и был,— за журналиста, исполнявшего свой профессиональный долг. С первой же минуты он показал, что не видит во мне врага. Я сказал, что хотел бы убедиться не только в материальных разрушениях — об их размахе можно было судить по состоянию вокзала,— но и увидеть людей, пострадавших от этого чудовищного оружия. Поверив мне, он обещал передавать в токийское агентство все, что будет написано. Скорее всего, он был очень взволнован переданным мною письмом: оно подтверждало получение всех сообщений и высоко оценивало его работу.

Бригадный генерал Томас Ф. Фередл с явным

удовлетворением говорил о полном и частичном разрушении 68 тысяч зданий. Вот по их развалинам, едва возвышавшимся над землей, мы и отправились к тому, что осталось от восьмиэтажного универсального магазина «Фукуя». Там на третьем этаже оставшиеся в живых сотрудники городской полиции устроили штаб. Нас встретили крайне враждебно, и атмосфера лишь накалялась по мере того, как Накамура объяснял, кто я и зачем приехал. Чем дальше он объяснял, тем больше нагнеталась ненависть. Полицейские перекидывались резкими, злыми фразами, и я видел, как каждый раз бледнела переводчица, переводя мои немногословные реплики. Спустя 35 лет, когда я приехал в агентство «Киодо Цусин», Накамура рассказал мне о том, что тогда говорилось. Почти все полицейские считали, что нас — всех троих — нужно казнить. Но в конце концов их начальник выслушал объяснения Накамуры. Явно приняв меня за американца, он сказал: «Хорошо, покажите ему, что они с нами сделали». Нам выделили полицейскую машину и повезли через развалины и груды обломков в больницу «Комьюникейшн» — одну из двух сохранившихся больниц, в которой в меру возможностей оказывалась помощь пострадавшим.

Чтобы передать мои тогдашние впечатления, я приведу полностью репортаж, опубликованный в «Дейли экспресс». На одном дыхании, сидя на груде обломков, возвышавшихся на пепелище, где раньше была Хиросима, я отстукал его на моей старенькой пишущей машинке. Боясь, что не смогу отправить из Хиросимы несколько статей, я изложил все в одной-единственной. Повторяю, я тогда и думать не мог, что́ будет по возвращении. За исключением нескольких технических ошибок и нескольких вставок, сделанных научным редактором, этот репортаж предельно соответствует оригиналу. Его копия «исчезла» в Токио вместе с фотоаппаратом. У меня не осталось ничего, кроме того, что опубликовала «Дейли экспресс» и что вы сейчас сами прочтете.

«В Хиросиме, где тридцать дней назад была взорвана первая атомная бомба, уничтожившая город и всколыхнувшая весь мир, люди, пережившие эту катастрофу, продолжают умирать и сегодня от непонятной, странной, никому не известной болезни, для

которой у меня нет другого названия, кроме «атомная чума». Хиросима не похожа на город, переживший бомбардировку. Скорее она напоминает город, по которому прошелся дорожный каток чудовищных размеров. Он все раздробил и навсегда уничтожил. Я пишу эти слова в полном здравомыслии и с предельной объективностью в надежде, что эти факты послужат предостережением всему миру. На том месте, где была впервые взорвана атомная бомба, я увидел наводящее ужас опустошение. За все четыре года войны я ничего подобного не видел. В сравнении с Хиросимой любой остров в Тихом океане, до основания разрушенный бомбардировками, покажется земным раем. Фотографии дают слабое представление о причиненных разрушениях. В Хиросиме на площади в 30—40 квадратных километрах взгляд, за крайне редким исключением, не остановится на каком-либо строении. Мысль о том, что подобное опустошение — дело рук человеческих, вызывает в груди ощущение бесконечной, смертельной тоски.

От барака, где в разрушенном городе я провел ночь, на юг, на расстояние около пяти километров простирались опаленные развалины: это все, что атомная бомба оставила от сотен зданий, улиц, строений, домов, заводов, тысяч человеческих жизней*.

Ничто не уцелело. Разве только с десяток-другой заводских труб. Сами предприятия исчезли: пять-шесть развороченных строений и потом — опять пустота. Полицейский чин встретил меня с известной предупредительностью — я был первым корреспондентом союзных войск в Хиросиме. Вместе с местным представителем агентства «Домэй» мы прошли через — я бы должен сказать — «город» по направлению к больнице, где пострадавшим оказывалась помощь. В больнице я увидел людей, не получивших никаких ранений в момент взрыва, но, однако, умирающих от его таинственных последствий.

Их здоровье ухудшалось без видимых причин. Они лишились аппетита, у них выпадают волосы, на теле появились голубоватые пятна. У них открывается кровотечение из ушей, носа, рта.

* Из-за тумана, опустившегося на город, было трудно определить расстояние, и поэтому в репортаже несколько преувеличена площадь полного разрушения.

Сначала врачи считали это проявлением общей слабости. Они назначали больным уколы витамина А. Результаты были ужасными. Вокруг укола тело начинало гнить. И каждый раз наступал конец. Это и есть отдаленные последствия взрыва атомной бомбы, сброшенной людьми. И того, что я увидел, мне достаточно.

Мое внимание привлек специфичный, ничто не напоминающий запах. Запах серы? Но не совсем... Я ощущал его среди тлеющих развалин, в которых продолжали копать, чтобы извлечь трупы. Он преследовал меня и там, где уже не было ничего. Вероятно, это был какой-то газ, исходящий от земли вследствие высокой радиоактивности, вызванной расщеплением урана. Люди в газовых масках бродят по этому пепелищу, еще вчера бывшему их гордым и жизнерадостным городом. Я не думаю, чтобы им помогало это физически, но психологически было необходимо.

С того момента, как эта несущая гибель сила обрушилась на Хиросиму, выжившие стали ненавидеть белого человека. Их ненависть сильна почти так же, как сама бомба.

К настоящему моменту найдено 53 тысячи убитых, 30 тысяч пропали без вести, что может означать лишь одно — они тоже погибли. За день, проведенный мною в Хиросиме, сто человек умерли от странных последствий атомного взрыва (из 13 тысяч тяжело раненных). Каждый день уносит новые сто жизней. Очевидно, они все приговорены. Остается еще 40 тысяч легко раненных*.

Число жертв, может быть, было бы меньшим, не произойди трагическая ошибка. Городские службы, когда над городом появился одиночный самолет, подумали, что это очередной рейд «летающей крепости». Самолет пролетел над городом и что-то сбросил на парашюте и исчез... Был дан отбой, и жители города вышли из убежищ. Не прошло и минуты, как сброшенная бомба достигла точки взрыва — на высоте около 600 метров. Почти все уже были на улицах...»

* Это не окончательные цифры. Тогда в репортаже я мог привести данные, сообщенные полицией. Впоследствии они претерпели изменения в сторону значительного увеличения, а в тот момент не существовало никакой возможности определить, сколько людей погребено под развалинами, а сколько — обречено на смерть.

Этот абзац существенно отличается от того, что было мной написано со слов Накамуры. Возможно, Накамура при передаче текста по аппарату предпочел остаться неназванным и умышленно опустил этот отрывок. Так или иначе, но вот то, что он тогда мне поведал: «Первая тревога была рано утром. Появились два самолета. Их приняли за разведывательные и не придали их полету никакого значения. Был дан сигнал отбоя, и многие поехали на работу. Потом в 8 часов 15 минут появился еще один самолет. Я как раз собирался сесть на велосипед, чтобы отправиться на работу. Вдруг ослепительная молния! В тот же момент обжигающая волна ударила мне в лицо, меня подхватил ревущий смерч. Я упал на землю, рядом со мной рухнул дом. В момент, когда меня бросило на землю, раздался оглушительный взрыв, казалось, бомба колоссальной мощности взорвалась где-то совсем рядом. Когда я приподнял голову и осмотрелся, то увидел колоссальный столб черного дыма в форме парашюта. Он поднимался к небу, унося с собой огненно-красную струю. Эта струя расширялась, пробивалась сквозь клубы черного дыма, раскаляя все вокруг. Хиросима исчезла, и я понял, что произошло нечто никогда до сих пор не виданное. Я пытался позвонить в полицию или пожарникам — связь не работала».

Это ценнейшее свидетельство, написанное рукой непосредственного наблюдателя, не было напечатано в «Дейли экспресс». Статья же продолжалась так:

«Сотни и сотни погибших были столь чудовищно обожжены мощной тепловой волной, что невозможно было отличить мужчин от женщин, стариков от детей. Вблизи эпицентра погибли тысячи людей, от них просто ничего не осталось. Они испарились. В Хиросиме объясняют это так: температура при взрыве была настолько велика, что люди молниеносно превратились в пепел. Но ведь не осталось даже и пепла! Тот, кто видел разрушенную Хиросиму, мог бы сказать, что, например, Лондон просто не подвергался бомбардировкам. Величественное здание дворца императора превратилось в груду мусора, едва возвышающуюся над землей. Над ней стоял один-единственный обломок стены. Крыша, потолки — все превратилось в ничто...»

Затем газета дала несколько абзацев, вставленных научным редактором газеты. Никто не станет утверж-

дать, что их написал я. Я, например, никак не мог написать, что «за истекшие три недели в Хиросиму съехались почти все японские специалисты...». На самом деле за день до меня туда приехали два специалиста. Их первое совещание состоялось как раз в тот момент, когда мы были в больнице «Комьюникейшн». Далее в репортаже пишется о Нагасаки. Но там я никогда не был, следовательно, ничего об этом городе написать не мог. Говорилось также о врачах, которые считали, что болезнь «вызвана радиоактивностью». На самом же деле врачи в Хиросиме не имели ни малейшего понятия о том, с чем им пришлось столкнуться. Кое-что проясняется из автобиографичной книги Артура Кристиансена «Во времена службы». Здесь можно найти косвенное объяснение некоторым неточностям и пропускам, исказившим мой репортаж. Так, рассказывая о «сенсации Хиросимы», он пишет: «Бедный Питер (Бэрчетт) был так потрясен всеми ужасами, что пришлось помочь ему отредактировать статью». Как научный редактор, он, очевидно, хотел продемонстрировать свою эрудицию в атомных вопросах, но, сделав это от моего имени, он нарушил элементарную журналистскую этику.

Все, что я знал о воздействии атомной радиации на психику, рассказал мне доктор Кацубэ, ставший временным директором и главным хирургом больницы «Комьюникейшн». Он же описал мне физическое состояние больных, которых я видел. Доктору Кацубэ, как и Накамуре, я обязан очень многим. Он очень рисковал, сопровождая меня по палатам больницы. Его описания симптомов и проявлений лучевой болезни (конечно же, он ее так не называл) выдержали испытание временем. Его диагнозы были прежде всего ценны тем, что не имели прецедента в клинической практике, а также и потому, что в больнице не было никакого оборудования, не было даже микроскопа — все разрушила бомба.

В репортаже я писал о «ненависти к белому человеку». Иначе и не назовешь реакцию со стороны больных и их родственников на мое появление в палатах. Больные лежали, повернувшись к стене на татами (сплетенных из тростника подстилках), а родственники подогнув колени сидели рядом. Согласно обычаю, в японских больницах родственники могут оставаться

при больных, чтобы кормить и ухаживать за ними. В тот момент в больницу брали только тех, у кого были родственники: 93 процента младшего медицинского персонала погибли или были ранены во время взрыва. Я видел эти ужасы своими глазами: гноящиеся раны после ожогов третьей степени, кровоточащие глаза и десны, выпадающие волосы. Во взглядах больных и их родственников я видел лишь лютую ненависть, разрывающую сердце. В какой-то момент доктор Кацубэ сказал мне: «Уходите. Я не отвечаю за вашу жизнь, если вы останетесь дольше». Тем и закончились мое посещение «атомной» больницы и первая встреча с доктором Кацубэ. Надо сказать, что в целом все жители Хиросимы казались погруженными в полную апатию. По-видимому, сказывалось действие шока: люди бродили по одному, по двое, по трое. Никто не останавливался, чтобы перекинуться словом. Даже наша маленькая группа с иностранцем, не носившим газовой маски, не привлекала внимания.

«Я прошу вас,— сказал Кацубэ, когда мы прощались,— расскажите все, что вы видели, и попросите ваших (он думал, что я американец) прислать специалистов по этой болезни и необходимые медикаменты. Если вы этого не сделаете, мы здесь все обречены на смерть».

Несмотря на все неточности, пропуски и вставки, я признателен Артуру Кристиансену за то, что он поместил мое «предостережение всему миру» на первую полосу газеты и не выбросил главного. Однако Запад был настолько захвачен победоносным завершением второй мировой войны и так уверовал в монополию на абсолютное оружие, испытанное в Хиросиме и Нагасаки, что никакому главному редактору никакой самой крупной английской, американской или другой газеты не удалось бы этим предостережением охладить эйфорию победителей.

ГЛАЗАМИ РЯДОВЫХ ЯПОНЦЕВ

В отделе науки и образования министерства просвещения Японии никак не могли уразуметь, ни почему американские власти не проявляют по отношению к жертвам атомной бомбы человеческого интереса, ни почему они отказываются предоставить японским врачам информацию об атомной болезни. Совместно с национальным советом по научным исследованиям отделом была назначена специальная комиссия по расследованию масштабов разрушений, причиненных атомной бомбардировкой. Очень быстро, 21 сентября, первая группа кинооператоров фирмы «Ниппон эйга-ся» прибыла в Хиросиму. Ей было поручено собрать для комиссии фото- и киноматериалы. Однако не прошло и месяца (в течение которого в Нагасаки оккупационными властями был арестован один из операторов «Ниппон эйга-ся»), как все собранные материалы и документы были засекречены. 30 ноября комиссия представила в Токийский университет отчет. Макартур издал распоряжение о том, что всякие расследования последствий атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки могут проводиться только со специального разрешения оккупационных властей.

Поначалу, рассказывал мне доктор Кацубэ, японские научные и медицинские круги все надежды возлагали на помощь Соединенных Штатов. Американцы, рассуждали они, сделали эту бомбу, а значит, должны знать о ее воздействии на человека и должны разработать медикаменты и методы лечения пострадавших. Но проходили дни, недели, и таяли всякие надежды на поддержку, сочувствие или хотя бы интерес к судьбе пострадавших. Доктор Митихико Хатия, главврач больницы «Комьюникейшн», вел дневник с 6 августа по 30 сентября 1945 года. Запись за 20 сентября говорит о том, что в Японии долго питали эти оказавшиеся необоснованными надежды*.

* Во время моего приезда в Хиросиму в 1981 году мне эту запись показал начальник госпиталя Красного Креста и жертв атомной бомбы, доктор Сигэто.

«После обеда я прилег отдохнуть,— писал Хатия,— когда в комнату вбежал, задыхаясь, Сэра и прошептал взволнованно: «Профессор, там американский офицер». От этой новости я на какое-то мгновение лишился голоса и почувствовал приступ страха, смешанного с гневом. Неприязнь взяла верх, и, прежде чем взять себя в руки, я резко бросил: «Сэра-сан, сделайте вид, что вы его не заметили!» «О, не говорите так,— упрекнул он меня.— Он уже входит в больницу. Прошу вас, примите его». Ненависть уступила место страху, и я понял, что не смогу отказаться от встречи. Я был в мятых брюках и видавшей виды сорочке. Чувство душевного смятения явно мешало мне. Я уже слышал шаги по лестнице, и в следующее мгновение передо мной стоял строгого и импозантного вида военный в сопровождении угрюмого телохранителя-переводчика. Последний был вооружен. Я поприветствовал их кивком головы, представился и предложил осмотреть больницу. К тифозным больным офицер проявил интереса больше, чем к жертвам атомной бомбы. Он знал о тайфуне на Миядзиме и все спрашивал, как мы с ним справились. Переводчик плохо владел японским. Поэтому все переводилось весьма посредственно. Закончив обход, мы направились к выходу и здесь встретились с моей женой. Офицер поинтересовался, не пострадала ли она при взрыве. Я сказал, что она получила несколько ранений и у нее малокровие. Я показал также ему шрамы у меня на руках. Он кивнул и ушел. С его уходом у меня началось сердцебиение, я едва не падал — ноги отказывали мне. Я был так потрясен, что забыл проводить его» *.

«Через десять дней,— продолжал доктор Хатия,— госпиталь посетили еще две группы американцев. Они досконально изучали все, на что я обращал их внимание. Во второй группе переводчиком был американец японского происхождения. Его семья была из города Танна. Мы беседовали, один из них стоял у окна и молча внимательно разглядывал руины. В конце беседы он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Под развалинами, наверное, есть еще жертвы. Мне кажется, если расчистить их и извлечь все тела,

---

* Hachija Michihiko. Hiroshima Diary. Chapell Hills, University of North Carolina Press, 1965, pp. 209—210.

то отношения между нашими двумя странами улучшились бы. Что вы на это скажете?

— Я согласен,— ответил я.— Я слышал, что в Курэ вы использовали мощную машину для расчистки руин. Кажется, она называется бульдозер. Не могли бы вы прислать нам такую, чтобы помочь расчистить город? Я уверен, что люди, потерявшие близких и друзей, постоянно видя это напоминание о бомбардировке, не могут не относиться к вам с ненавистью...

— Об этом не может быть и речи,— сказал офицер.— Америка не располагает сейчас средствами для поставки Японии оборудования. Каково ваше личное мнение о бомбардировке?

— Я буддист,— ответил я.— С детства меня учили безропотно переносить несчастья. Я потерял дом, состояние, я был ранен. Но не будем об этом. Я счастлив тем, что я и моя жена остались в живых. Я за это благодарен судьбе, ведь в городе смерть пришла в каждый дом.

— Я не могу с вами согласиться,— сухо бросил офицер.— На вашем месте я бы подал в суд на государство.

Еще некоторое время он смотрел в окно. Вскоре вся группа уехала. Потом я повторял друзьям его слова: «Возбудить процесс против государства! Процесс против японского государства!» Я твердил эти слова, долго размышлял над их смыслом, но так и не понял, что он хотел этим сказать» *.

Это действительно невозможно понять, не зная официальной американской версии. Дело в том, что ответственность за атомную бомбардировку Хиросимы, согласно этой версии, несут не Соединенные Штаты, а руководство Японии и лично император.

Так заканчивается дневник доктора Хатия. До конца сентября 1945 года, то есть за четыре недели после подписания капитуляции, ни один американский врач не посетил больницу «Комьюникейшн». Нельзя не предположить, что среди тех, кто ее посещал, врачи были, но ни одного совета по оказанию помощи пострадавшим они не дали. «В середине октября,— отмечает доктор Хатия в конце записи,— в госпиталь приехала американская комиссия по изучению последствий

* Hachija Michihiko. Op. cit., p. 288—290.

взрыва, ее сопровождал профессор Саса из Токийского университета. Эта группа находилась в Хиросиме около месяца и изучала лучевую болезнь. Но и они не предложили никакого лечения, не дали ни одной рекомендации по оказанию помощи пострадавшим».

* *
*

15 августа 1945 года в дневнике доктора Хатия была сделана запись, которая потрясает воображение западного человека и проясняет то недоумение, которое испытал автор дневника, получив рекомендацию возбудить дело против государства (а значит, императора). Она дает представление о престиже, авторитете, культе личности императора в Японии. «Тому, кто не жил в Японии,— писал Хатия,— трудно представить себе подобный феномен, но с ним вынуждена считаться любая политическая сила, будь то левые, правые или центристы.

Всех попросили собраться в служебном помещении больницы, где был установлен радиоприемник. Когда я пришел, зал был уже переполнен. Через несколько минут радио захрипело, затрещало, среди помех донесся неясный шепот. Время от времени можно было различить только отдельные слова. Я услышал обрывок фразы, что-то вроде: «Принять неприемлемое». Помехи прекратились, передача закончилась. Главный врач больницы Окомото-сан, стоявший у приемника, обернулся к нам: «Это был голос императора. Он объявил, что мы проиграли войну. Я прошу вас продолжать работу до новых распоряжений».

Я-то думал, что император станет призывать нас бороться до конца и выстоять. Такой неожиданный поворот ошеломил меня. Но это действительно был голос императора, и император провозгласил капитуляцию. Рассудок отказывался подчиняться, слезы застилали глаза. Нам объявили, что это был император, и мы встали по стойке «смирно». На минуту все замерли в глубоком молчании: туман плыл перед глазами, зубы стучали, струйки холодного пота бежали по спине.

В душе я осуждал военных: подумать только, в какое положение они поставили императора? Объявили войну, когда им заблагорассудилось, и, пока были перспективы, они важничали. А когда начали проигры-

вать сражение за сражением, то стали всячески это скрывать. И опять их взоры, их упования замыкались на императоре! Они недостойны называться солдатами. Им остается только одно — сделать харакири.

Как бы вторя моим мыслям, кто-то крикнул: «Генерал Тодзио негодяй, пусть вспорет себе живот и подохнет!»*

Именно так Тодзио и собирался поступить, но в последний момент сдали нервы, и он пытался выстрелить в сердце. Я вместе с другими журналистами сопровождал американский военный патруль, который должен был взять его под арест в его доме в Токио. Открывший нам дверь слуга уверял, что генерал вышел пройтись и скоро вернется. Патрульные не знали, что делать, но в это время раздался выстрел. Мы бросились внутрь и увидели Тодзио, рухнувшего в кресло в туче перьев из вспоротой при выстреле подушки. Рядом на столе лежали сабля и самурайский кинжал, приготовленные по ритуалу для харакири. Ему тут же начали переливать кровь. Журналисты у телефона вели рукопашный бой, стремясь поскорее сообщить новость. Жизнь ему спасли, но вскоре он был осужден как военный преступник и в декабре 1948 года казнен через повешение.

Когда я ехал в Хиросиму, меня немало удивило, с каким презрением солдаты относились к офицерству. Когда же я возвращался оттуда, то был поражен еще более суровым отношением всего гражданского населения к военным в целом. Не обходилось и без драматичных исходов. По дороге из Токио солдаты грубо отталкивали простых людей, пытавшихся сесть в поезд. На обратном пути все поменялось местами; гражданские просто оттирали от поезда военных, особенно офицеров. В последующем я понял, что хотя антимилитаризм японцев и не получил четкого выражения, но он, безусловно, проявился в презрении ко всем, кто носил форму.

Но это к императору не относилось.

Из дневника доктора Хатия можно почерпнуть такой пример проявления культа, обожествления императора. В зависимости от того, какую точку зрения принять, следует говорить либо о его крайнем возвы-

* Hachija Michihiko. Op. cit., pp. 83—85.

шении, либо о крайнем унижении. В записи от 13 сентября 1945 года рассказывается о том, как люди пытались найти безопасное место для портрета императора, в то время как Хиросима, объятая огненным вихрем, пылала. Город стал огромной кремационной печью, адом, переполненным мертвыми и умирающими. Запись сделана с опозданием, потому что именно в тот день, 13 сентября, Ясуда-сан, «на которого была возложена трудная обязанность обеспечить безопасность портрета императора», рассказал доктору Хатия о случившемся. Речь шла о портрете из здания городской ратуши.

«Когда взорвалась бомба,— пишет Хатия,— он ехал в трамвае. Мрак окутал улицы, рушились дома. Прежде чем огонь успел добраться до квартала, где расположена ратуша, Ясуда уже был там. Не раздумывая, он бросился наверх, на четвертый этаж, где за железной дверью хранился портрет императора. Вместе с несколькими чиновниками он перенес портрет в кабинет управляющего, и они стали думать, как быть в создавшейся ситуации. В конце концов они решили, что самым безопасным было бы перенести его в хиросимский дворец, который, казалось, лучше других зданий города противостоял пожару. Один из чиновников взгромоздил портрет себе на спину, и все спустились во внутренний сад. Один шел впереди, другой замыкал шествие, двое поддерживали портрет по сторонам. Всем встречавшимся они говорили, что несут портрет императора в безопасное место. Все низко кланялись, и почетный кортеж проследовал через запасные ворота.

Всю дорогу они натыкались на мертвых и раненых. Солдаты толпились у казарм; по мере того как группа приближалась к берегу реки, все чаще встречались военные. Вдоль трамвайной линии вокруг парка было столько раненых и убитых, что пробираться приходилось с трудом. В какой-то момент они вынуждены были остановиться, их стиснули в толпе. Они начали кричать: «Портрет императора! Портрет императора!» И военные, и гражданские — все, кто только мог, вытягивались в приветствии и кланялись. Кто сделать этого не мог, складывал руки и начинал молиться. Толпа непостижимым образом расступилась, и портрет торжественно донесли до реки. «Это было прекрасно! —

восторженно рассказывал Ясуда-сан.— Портрет императора опустили в лодку, оказавшуюся рядом. Какой-то офицер выхватил меч и громко приказал начать переправу. Все солдаты и офицеры, находившиеся на берегу, застыли по стойке «смирно». Гражданские склонились в поклоне. Я не могу передать, что я испытал в тот момент. Я стал молиться, чтобы ничего не случилось с портретом...

Едва портрет был доставлен на другой берег, как покинутый квартал охватило пламя. Неожиданно полил сильный дождь. Река зловеще забурлила и поднялись огромные волны. Огненные шары перекатывались с одного берега на другой, запылал парк Асано. Горели громадные деревья, они раскачивались и рушились. Жара нарастала, стало невыносимо дышать. Огонь пожирал дома, люди, спасаясь от этого ада, прыгали в реку. Тысячи тонули. Ясуда-сан и еще один участник спасения портрета императора вцепились в берег и так избежали смерти»*.

Это рассказ о той трагедии, которую пережили доктор Хатия и другие жители Хиросимы в результате атомной бомбардировки. Он не нуждается в комментариях. Однако трудно от них удержаться, помня о том, что у американцев и мысли такой не было, чтобы оказать медицинскую помощь населению поверженных городов. Они даже пожалели бульдозер, чтобы помочь расчистить руины. Что же касается фанатичного поклонения японцев императору, то о нем речь еще впереди. Президент Трумэн сумел этим воспользоваться. Во время Потсдамской конференции, узнав, что атомная бомба прошла успешные испытания, он выдвинул такие условия капитуляции Японии, которые — и он это отлично понимал — император Хирохито принять не мог. Так он затянул окончание войны, чтобы иметь возможность испытать атомную бомбу на живой мишени.

---

* Hachija Michihiko. Op. cit., p. 183—185.

СПУСТЯ ГОДЫ

В 1945—1950 годах я работал в Западной Германии и печатал статьи по проблемам «холодной войны». Настал момент, когда мне это прискучило и я уехал из Берлина. Моим местопребыванием стал Будапешт. Мне нравилось писать о рождении нового образа жизни в восточноевропейских странах — в странах народной демократии, как их тогда называли. Но память о Хиросиме жила во мне всегда. Каждый раз, когда атмосфера «холодной войны» накалялась, я вновь и вновь думал об участи, уготованной людям и городам, которые я знал, techn прими она характер «войны горячей». А такая угроза весьма реально ощущалась в Германии на рубеже 1948 и 1949 годов, учитывая, что Соединенные Штаты чувствовали себя более чем уверенно от сознания обладания монополией на ядерное оружие. С не меньшей легкостью это могло случиться и во время войны в Корее, когда развязанные против КНДР в июне 1950 года военные действия очень быстро вылились в международный конфликт. Советский Союз уже испытал свою первую атомную бомбу, однако Трумэн по-прежнему был уверен, что только США были способны поразить цели этим чудовищным оружием.

К тому времени, когда в Корее началась война, я уже несколько месяцев работал в Будапеште. Я ушел из «Дейли экспресс» и работал на лондонскую газету «Таймс», как говорится, на сдельной основе, то есть публиковался в ней от случая к случаю. Это было время, когда австралийский Совет мира пригласил меня на первую конференцию в поддержку Стокгольмского воззвания за запрещение испытаний и производства ядерного оружия. Я должен был выступить вместо главного оратора, видного американского общественного деятеля Поля Робсона, которому администрация США не разрешила выезд за границу.

Это был пик моей журналистской карьеры. Заведующий отделом международной политики в «Таймс» Артур Дикин уведомил меня, что не будет никаких проблем, если я захочу изменить тогдашний мой статус

и стать постоянным корреспондентом. Но память о Хиросиме, тревога за судьбы мира решили мой выбор. Я без колебаний распрощался с газетой, хотя в «Таймс» относились ко мне безупречно, и принял приглашение из Австралии. Это был поворотный момент в моей жизни — я включился в активную борьбу за мир.

По прибытии в Мельбурн я стал «предметом интереса» и почитания со стороны властей. Мне оказывали почести как известному журналисту с международным именем и т.д. и т.п. Однако очень быстро тон изменился! Дело в том, что для проведения митинга, посвященного Стокгольмскому воззванию, его организаторы арендовали здание городского муниципалитета. В последний момент власти отменили разрешение, и митинг состоялся на берегу Ярры. Ярра — это маленькая речушка, протекающая через Мельбурн, и по воскресеньям берег ее превращается в арену для выступления импровизированных ораторов. Почти как Гайд-парк в Лондоне. Вскоре мне стало ясно, что премьер-министр Австралии Р. Г. Мензис относился к выступлениям против ядерного оружия почти как к преступлению. Митинг на берегу Ярры прошел успешно, и, насколько мне помнится, я был первым из жителей Австралии, подписавшим это воззвание. На следующее утро делегация отправилась к мэру Мельбурна Губерту Опперману, чтобы добиться разрешения на аренду здания ратуши и чтобы на сей раз принятые обязательства были соблюдены. В ответ на наши требования мэр произнес: «Позвольте, как, будучи председателем комитета по мобилизации добровольцев в Корею, я могу пустить вас в ратушу, ведь вы говорите о мире и запрещении ядерного оружия?!» Так продолжалось четыре месяца. За это время я исколесил Австралию вдоль и поперек, выступая перед людьми и рассказывая о Хиросиме. Одновременно активисты местных комитетов защиты мира собирали подписи под Стокгольмским воззванием. И в крупных городах, и в небольших селениях — всюду повторялась одна и та же картина: мы заранее снимали ратушу, власти прикарманивали деньги, а за несколько часов до митинга, когда уже ничего нельзя было предпринять, запрещали нам выступать. Тогда мы стали проводить митинги на улице, перед муниципалитетами. Люди собирались на ступеньках зда-

ний или на тротуарах. Наступил черед полиции, которая являлась на место и обвиняла нас в помехах уличному движению.

Во всех городах — больших и малых — на митинги сходилось много народу. Тема заслуживала внимания, и люди, затаив дыхание, слушали мои выступления о том, что видел и пережил в Хиросиме. Пресса стала нападать на меня как на возмутителя спокойствия уже после первого митинга в Мельбурне. Тогда я впервые объявил о своем решении не заниматься журналистикой до тех пор, пока будет продолжаться «холодная война». Газеты не поместили о митинге на берегу Ярры ни строчки, хотя в нем приняли участие и некоторые видные деятели. Пусть бы кто-нибудь выступил в защиту «свободы слова», которую традиционно считали одним из демократических завоеваний Австралии. Но как и теперь, газеты хранили молчание, выслуживаясь перед консерваторами и крупными монополиями.

Нас тогда обвинили в том, что мы «перегородили улицу». Помню, меня подхватили чьи-то крепкие руки, отступая, мы обошли здание, в котором арендовали зал. Там я говорил снова, обращаясь к огромной толпе. Люди не расходились вплоть до окончания митинга и даже тогда, когда пошли вопросы, ответы и прочее. Помимо этих вечерних выступлений, у меня были запланированы встречи с рабочими в обеденный перерыв у проходных промышленных предприятий. Сначала меня это изрядно злило: администрация запрещала допуск на территорию. Я говорил, стоя за оградой. Рабочие подходили с сэндвичами, и, так как то, что я говорил, их интересовало, через несколько секунд собиралась целая толпа. Люди внимательно слушали, не переставая жевать. Всегда возникали вопросы, но, как только перерыв заканчивался, все расходились. Пресса обходила эти митинги молчанием, хотя в то же время в газетах печаталось много отвратительного и циничного о войне в Корее.

На митингах рядом со мной неизменно находилось несколько типов, которым определенными кругами поручалось дискредитировать все, что я буду говорить. Так, когда я заканчивал рассказ об ужасах атомной бомбардировки Хиросимы, один из них обычно задавал вопрос: «Значит, как раз это нам и готовят русские?» Сопровождавшие его типы встречали этот вопрос ап-

лодисментами. Мой ответ был простым: «Стокгольмское воззвание требует запрещения ядерного оружия, где бы оно ни находилось. Различие между официальной позицией русских и Запада состоит в том, что Советский Союз твердо поддерживает воззвание, другие же правительства, как, например, наше, считают его чепухой». Здесь следовало несколько негодующих выкриков, но их заглушали возгласы одобрения. То, о чем я говорил, не было пропагандой. Это была правда, о которой австралийский народ, как и народы многих западных стран, не мог ничего знать, пользуясь «свободной прессой».

Это были утомительные четыре месяца, насыщенные самыми различными впечатлениями и сопряженные порой с неожиданными поворотами судьбы. По дороге из Мельбурна на север я остановился в Уолленгонге, недалеко от Сиднея. Там на большом сталелитейном заводе я выступил на очередном митинге. К моему большому удивлению, меня попросили на обратном пути выступить еще раз. «Потрясающе, старик!— сказал мне один из организаторов, встретив меня вновь.— Ну и натворил ты дел в прошлый раз. Ребята до сих пор не могут забыть. Здесь есть один парень, он никогда никуда не ходил, платил профсоюзные взносы — и все. Что с ним стало! Он собрал под воззванием больше всех подписей. Ты знаешь, как он это делает? Сует под нос кому-нибудь лист, ручку и говорит: «Подписывай. Ты слышал, что янки сделали с рыбой в Хиросиме?» Рыбная ловля — самая большая радость в его жизни. Единственная. Твой рассказ про американцев и про рыбу задел его за живое. Все очень довольны, что он стал что-то делать. Становятся к нему в очередь, чтобы подписать воззвание!» Эта история еще раз подтвердила тот факт, который я понял после первого публичного выступления,— никогда нельзя заранее знать, кого и почему заденет твое выступление. Порой об этом узнаешь спустя много лет.

В Австралии движение за запрещение атомной бомбы успешно развивалось, несмотря на обструкцию со стороны официальных властей и бойкот прессы в отношении Совета мира. Консервативное правительство было вынуждено считаться с настойчивыми требованиями широких слоев народа страны. Так, оно оказало поддержку требованию о превращении южной части

Тихого океана в безъядерную зону. Профсоюзы развернули кампанию против добычи и экспорта запасов урановой руды, которыми богаты недра страны. Безъядерной зоной общественность объявила Сидней, он породнился с Хиросимой. За ним последовал Мельбурн, который выдвинул требование о запрещении захода в его воды кораблям с ядерными двигателями или несущим на борту атомное оружие. Австралийское правительство, находившееся в руках консерваторов, не пошло на то, чтобы официально придать двум крупнейшим городам страны такой статус. Теперь, когда к власти пришло лейбористское правительство, еще не известно, пойдет ли оно навстречу стремлениям народа, в частности, поддержит ли оно требование профсоюзов о запрещении добычи и экспорта урановой руды.

Мне привелось вновь побывать в Хиросиме лишь в 1971 году. В предшествующий период мне как журналисту приходилось освещать бесконечные переговоры о прекращении войны в Корее, а также писать о героической борьбе вьетнамского народа сначала против французов, затем — американцев. Ни на минуту — ни в Корее, вплоть до конца переговоров, ни во Вьетнаме, особенно в разгар битвы за Дьенбьенфу,— не отступала опасность применения ядерного оружия.

Я был счастлив увидеть доктора Кацубэ живым и полным сил. Он специально приехал в Хиросиму, чтобы повидаться со мной. Жил он на маленьком островке в Японском море — и, надеюсь, живет там по сей день — вместе с женой, возглавляя крошечную больницу для пострадавших от атомной бомбы. Наша беседа подходила к концу, когда я спросил его, что он все-таки подумал обо мне, когда я приехал к нему в Хиросиму, и что теперь можно сказать о реакции больных.

«Тогда мы виделись с вами очень недолго,— ответил он.— Я спросил, как вас зовут. Вы ответили, но я не расслышал. Спустя годы я открыл для себя ваше имя и узнал о том, что вы написали о нашем знакомстве. Когда вы появились у нас в больнице, первое, что я понял, была разница между нашей превратившейся в лохмотья одеждой и вашим хорошо скроенным костюмом. Обстановка в больнице была очень напряженной, и я откровенно побаивался за вас.

Вы были первым приехавшим к нам иностранцем,

и мы не знали, как вас принять. Естественно, что пострадавшие и их близкие не испытывали к вам ничего, кроме ненависти. Именно поэтому я попросил вас уйти. Я старался избегать малейших инцидентов. Уже потом, когда мне говорили о вас, мы поняли, что вы приехали потому, что хотели что-нибудь для нас сделать, помочь нам в критической ситуации. Но, скажите откровенно, неужели в глубине души вам не было страшно?»

Я сказал, что чувство возмущения тем, что произошло, подавило во мне всякие другие эмоции. Я старался собрать как можно больше материалов и как можно скорее рассказать миру о случившемся. Я спросил его, не пострадал ли он от последствий взрыва.

«Нет,— ответил он.— В момент взрыва я был за городом. И хотя я проработал в Хиросиме в больнице «Комьюникейшн» до 1948 года, мне удалось избежать отдаленного воздействия взрыва. Ах да! Вот еще что. Меня поразило, что вы не были вооружены. Я, конечно, считал вас американцем... Но американцы появились гораздо позже, когда исчезла опасность.

И первое впечатление было верным: они приехали понаблюдать, изучить результаты нашей работы, проследить течение лучевой болезни, а вовсе не затем, чтобы помочь нам в тот страшный период — в первые месяцы».

Об этом шел разговор и во время беседы в редакции самой крупной газеты Хиросимы «Тюгокупресс». С иронией и горечью журналисты говорили о Комиссии по изучению последствий атомной бомбардировки «Эй-би-си-си»*, учрежденной Трумэном в конце ноября 1946 года. Она расположилась в зловещем здании, напоминавшем казарму, на холме Хидзияма над Хиросимой, и приступила к работе в марте 1947 года. Ни у кого не вызывало сомнений, что это был исследовательский центр, а вовсе не больница. Результаты деятельности комиссии не публиковались, не передавались они и в распоряжение японских ученых и медиков. Один из сотрудников редакции сказал следующее:

«Работавшие в центре американцы имели дипломатические ранги, а не дипломы врачей. Говорили, что

---

* Аббревиатура от английского «Atomic Bomb Casualty Commission» (ABCC).— *Ред.*

они являются крупными специалистами в области атомных исследований. Они не разработали никаких методов лечения, никаких рекомендаций. Жители Хиросимы были возмущены: они чувствовали себя подопытными кроликами. Теперь мы знаем, что когда американцы сбросили атомную бомбу, ученые, работавшие над ней, не знали ни о радиации, ни о ее воздействии на живые организмы. «Эй-би-си-си» была создана для изучения этих проблем, чтобы обеспечить безопасность американцев, если им придется участвовать в ядерной войне. Обычно такие опыты проводятся сначала на животных. Мы абсолютно уверены, что США решили испытать атомную бомбу на японцах. К 1960 году американские ученые в основном собрали информацию и были опубликованы некоторые результаты. Только после этого японским ученым предоставилась возможность познакомиться с их исследованиями, перевести их и опубликовать. Комиссия АВСС перешла к следующей стадии исследований: теперь она изучает генетические последствия взрыва и биологический цикл пострадавших. Надо думать, что это направление исследований связано с перспективой массового использования ядерного оружия в третьей мировой войне».

Комиссия АВСС была создана как исследовательский центр, и это со всей очевидностью следует из документов, определяющих направления ее деятельности. Доктор Стэнли Финч, работавший с 1960 по 1962 год главным врачом в центре в Хиросиме, пишет: «Комиссия по жертвам атомной бомбардировки приступила к работе в 1947 году. Основанная Комиссией по атомной энергии, она работала под руководством Национальной академии наук и Национального совета исследований и решала задачу изучения долговременных остаточных последствий радиации в двух городах Японии. Японский институт здравоохранения был официально подключен к ее работе в 1948 году... Для истории науки успешное проведение подобных совместных исследований является уникальным. В ходе этой работы была подтверждена необходимость исследования воздействия на человека отдаленных последствий радиации» *. Не ирония ли?! Американские ученые приз-

* The Final Epidemic. Educational Council for Nuclear Science. Chicago, 1981, pp. 151—153.

нали все же существование того, что так горячо отрицали руководители «проекта Манхэттен», генералы Гровс и Ферелл, а также их главный консультант по связям с прессой Лоуренс. Но и это еще не все. Эти ведущие американские ученые в области атомных исследований не только ничего не сделали для облегчения положения жертв, но и сообщили японским коллегам о результатах своих исследований настолько поздно, что ими уже нельзя было воспользоваться. Более того, для японцев был введен запрет на проведение самостоятельных медицинских исследований, что долгие годы тормозило оказание помощи пострадавшим. Японские врачи и ученые никогда не смогут этого простить.

О деятельности Комиссии по жертвам атомной бомбардировки в Хиросиме известны жуткие подробности. О них, быть может, не следовало упоминать, если бы не американские источники, которые их подтверждают. Специальные бригады сотрудников использовали все способы давления на жителей города, переживших атомное нападение, заставляя прийти в центр «Эй-би-си-си». В памяти по ассоциации возникает надпись над вратами ада у Данте: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Те, кого оставляли в «Эй-би-си-си» для стационарного наблюдения, никогда оттуда не возвращались. Родственникам не разрешалось их посещать. Доктор Финч говорит об этом косвенно:

«Среди жителей Хиросимы и Нагасаки, согласившихся на обследование патологических отклонений биологического цикла, была выделена группа кандидатов на посмертное изучение. Вскрытия, количество которых в начале 1961 года увеличилось на 45 %, дали неопровержимые данные, подтверждающие диагнозы, зафиксированные в свидетельствах о смерти и гистологических анализах опухолей, появившихся вследствие радиации...»*

Это язык вампиров.

Я никогда не писал о том, что слышал в Хиросиме в 1971 году, потому что ничем не мог подтвердить утверждения моих собеседников. Заметки Финча были опубликованы десятью годами позже. «Кандидаты на посмертное изучение» из «группы лиц»! Это наводит на

* The Final Epidemic..., p. 154.

мысль о профессиональных охотниках за трупами, отличающихся от профессиональных убийц лишь тем, что они убеждены в законности своих действий и необходимости пополнения своих «хранилищ» и с изуверством орудуют над обреченными, пока те еще дышат. Содрогаешься при одной мысли, что это тоже были люди!

Группа видных японских врачей и исследователей, обработавших массу материалов по Хиросиме и Нагасаки (о них уже говорилось выше), обратила внимание еще на одну «странность». Принося извинения за отсутствие у них достаточно полных данных (работа была опубликована в 1979 году!), авторы писали:

«Причина четвертая — неполнота данных — связана с ограничениями, введенными оккупационными властями в Японии. 6 сентября 1945 года штаб оккупационных войск опубликовал распоряжение, в котором говорилось, что нужно дать умереть лицам, страдающим неизлечимыми заболеваниями, вызванными атомным взрывом. Следовательно, в начале сентября оккупационные власти считали бесполезным спасать людей, пораженных радиацией. 19 сентября 1945 года было распространено положение о прессе, предписывавшее предварительную цензуру для всех радиопередач, материалов газет, журналов и всей другой печатной информации. В связи с этим были запрещены репортажи, комментарии, пособия, *в том числе те, в которых говорилось о методах лечения атомной болезни**. Таким образом, материалы о губительном воздействии атомной бомбы на человека, за исключением тех, которые успели появиться в короткий период до опубликования положения, из прессы исчезли. Зато генеральным штабом поощрялись всякие публикации об имевших место материальных разрушениях...»**

Я обратился в Японию с запросом, чтобы уточнить содержание распоряжения генерального штаба, призывавшего не мешать жертвам атомной бомбы умирать. В ответе заместителя директора японского Фонда мира Ясухико Ямамото, принимавшего активное участие в сборе и обработке документов, говорилось следующее:«Я сопоставил приведенный текст с соот-

---

* Курсив автора.— *Ред.*

** Hiroshima and Nagasaki, p. 14.

ветствующим местом японского издания и обнаружил, что он был плохо переведен. Я приношу искренние извинения, что не заметил этого раньше. Я решил перевести строки слово в слово, и вот что получилось: «6 сентября 1945 года штаб оккупационных войск опубликовал распоряжение, в котором подчеркивается, что люди, заболевшие в результате атомной бомбардировки, скончались еще до начала сентября. Следовательно, на эту дату из пострадавших от атомной радиации в живых оказаться больше никого не могло». Это полностью совпадает с позицией, занятой Фереллом, Гровсом и Лоуренсом в отношении моего репортажа, опубликованного 5 сентября 1945 года. Независимо от того, был ли перевод японских ученых правильным или нет, из содержания распоряжения неизбежно следует то, что не могут скрыть никакие языковые нюансы,— американские ученые и специалисты гораздо больше интересовались мертвыми и умирающими, чем теми, кому можно было помочь выжить. Другими словами, пострадавшие от атомной бомбардировки больше устраивали американцев мертвыми, чем живыми!

ХИБАКУСЯ

Когда в 1971 году я приехал в Хиросиму, я попал на церемонию приветствия в Парке мира, которую вел мэр города Такэси Араки. Он вручил мне бронзовую медаль за вклад в развитие движения против атомной бомбы. В импровизированной ответной речи я говорил о моем первом приезде в Хиросиму в сентябре 1945 года. Я сказал также, что ужас и негодование всего мира по отношению к случившемуся усиливаются каждый раз, когда имеют место действия, подобные воззванию жителей Хиросимы за запрещение ядерного оружия. Такие действия сдерживают фанатиков атомной войны. Достаточно сказать, что ядерные державы спровоцировали много конфликтов, однако с тех пор больше никогда не использовалось это оружие массового уничтожения. Я высказал надежду, что это в известном смысле должно морально поддерживать выживших и семьи тех, кто погиб в этом страшном катаклизме, совершенном по воле человека. С 1945 года Хиросима была отстроена заново. Прекрасные парки и сады возникли на месте пепелища. Город стал местом встречи тех, кто стремится к миру и борется за его сохранение. В Хиросиме еще сохранилось достаточно разрушений, напоминающих о трагедии 6 августа 1945 года и предостерегающих, чтобы она никогда не повторилась.

Я не знал, что нужно будет выступать, и не подготовился. Речь, конечно, была не из лучших, но тогда под влиянием момента я сказал то, что мог. Мне поаплодировали, но было видно, что затронуть аудиторию не удалось. Когда часто выступаешь перед людьми, это чувствуешь сразу.

На следующее утро мне позвонили в номер и сказали, что в холле гостиницы меня спрашивает группа молодых людей. Это были члены недавно созданной Ассоциации молодых жертв атомной бомбы. Они вежливо поинтересовались, не смогу ли я побеседовать с ними. Я, конечно, согласился. От имени группы нача-

ла говорить ослепительной красоты девушка, которая назвалась Хасэгава. «Вчера вечером,— сказала она,— я слышала ваше выступление. Мне показалось, что вы очень приблизительно представляете себе, что здесь происходит. Ведь пострадавшие от бомбы оттеснены на задний план, в самый низ социальной лестницы. Нам кажется, что, прежде чем говорить о Хиросиме, вы должны были бы поглубже изучить вопрос о хибакуся».

Так я впервые услышал это слово. Я охотно приехал в Японию по приглашению сразу нескольких групп борцов за мир, инициаторов движения в защиту Вьетнама и еще за пять минут до того, как мне пришлось встать и произнести ответную речь, абсолютно не намеревался говорить о Хиросиме. Я объяснил им это и добавил, что было бы лучше, если бы они пришли ко мне до выступления. Однако моя собеседница невозмутимо повторила: «Поймите, прежде чем выступать на такую важную тему, нам кажется, следовало бы поближе познакомиться с проблемой в целом. Были в вашем выступлении и такие вещи, которые нас очень встревожили. Вы говорили, что воззвание жителей Хиросимы за запрещение ядерного оружия нашло горячий отклик в сознании всего мира. Пострадавшие от атомной бомбардировки считают, что подобные акции ловко используются, чтобы обезоружить нас и заставить замолчать. Сразу после капитуляции на прессу были наложены ограничения. Не значит ли это, что тем самым на молчание были обречены те, кому тогда необходимо было говорить в полный голос? Если же они осмеливались говорить, то просто-напросто исчезали. Многие из них знали, на что шли, и все же отказывались молчать. Но кто мог их услышать, если безмолвствовали пресса и радио?» Я спросил, о чем же они хотели рассказать миру? Девушка ответила, едва сдерживая волнение: «Все пострадавшие, в том числе и члены нашей группы, все еще живут под сенью атомной бомбы. Мы — второе поколение — находимся в постоянном страхе за свое здоровье. Вы говорили о прекрасных парках и садах. Они действительно прекрасны, но, прикрывая руины, они не врачуют ран в сердцах жертв. В университете Ямагути проведено обследование детей, родившихся у жертв первого поколения. (Как оказалось, красавица Хасэгава была студенткой медицинского факультета университета.) У одного ребенка,

родившегося 21 год спустя, обнаружились такие же проявления болезни, как у переживших бомбардировку. Он умер». Дальше Хасэгава рассказала о свойственной жертвам атомной бомбы хронической слабости, чередующейся с крайней усталостью. Это служит для нанимателей поводом, чтобы не принимать хибакуся на работу.

Я сказал, что мне говорили, как некоторое время назад в Хиросиме побывали император и императрица. Разве не было это знаком того, что власти намерены уделить больше внимания этой проблеме? «Как раз наоборот!»— воскликнула Хасэгава. И все пришедшие начали говорить одновременно. Молодой человек пояснил мне, что все, что делал и говорил император, имело для японцев большое значение. И это на самом деле так. «Даже мы, левые,— сказал он,— признаем, что он обладает огромным авторитетом». Почему же за прошедшие 26 лет император ни разу не побывал в Хиросиме? Почему не приехал ни один премьер-министр, чтобы на месте лично познакомиться с тем, что здесь происходит? Молодые люди считали, что этим визитом император хотел угодить американцам: мол, теперь все позади, все надо забыть, простить и бомбу, и причиненные страдания. Вот что, по мнению группы, в действительности означал этот визит.

«Однако мы, как и все жители Хиросимы, не можем примириться с этим,— продолжала далее Хасэгава. — Многое в вашем вчерашнем выступлении было воспринято холодно, так как присутствовавшие решили, что вы приехали пропагандировать всю эту чушь: надо забыть, надо простить. В ближайшее время к нам должен приехать премьер-министр Эйсаку Сато. Мы сделаем все, чтобы визит не был успешным. Газеты пишут, что жертвы Хиросимы были счастливы видеть императора и с радостью ожидают Сато!» И, абсолютно не обращая внимания на испуганные лица японцев, столпившихся вокруг нас, она сказала: «На самом деле, если бы это было возможно, мы бы убили Сато».

Среди окружавших нас людей, разумеется, были и агенты какой-нибудь из спецслужб, которых так много в Японии. Я узнал одного. Он неотступно следовал за мной от самого токийского аэропорта Ханэда и (наконец-то!) был вознагражден за свое усердие.

«Мы ненавидим Сато,— продолжала Хасэгава, глаза

ее горели.— Он делает только то, что угодно американцам. Это значит, что о жертвах Хиросимы опять забудут. Император не посетил ни больницу, ни выставку. Мы сами критикуем эту выставку, потому что она не отражает действительности. Но и ее он не посетил. Он встретился с несколькими пострадавшими и всем прошептал: «Я вас прошу, поправляйтесь поскорей». А ведь это были безнадежно больные люди!»

«Вчера после собрания,— продолжала девушка,— вам на шею одели гирлянду бумажных журавликов*. Это, конечно, очень красивый символ, но место ли ему в Хиросиме? Всего в нескольких милях от нашего города находится американская военно-воздушная база Ивакуни. Она расширяется с каждым днем. И это мир? Гирлянды просто помогают скрыть правду».

Я спросил, существует ли настоящая статистика относительно жертв второго поколения. «Пока еще никто по-настоящему не изучал этот вопрос,— ответила она. — Может быть, их десятки тысяч, а может быть, и сотни тысяч. Мы не знаем. Многие родители скрывают детей, у которых обнаруживаются тревожные симптомы, чтобы в дальнейшем они избежали дискриминации... Пострадавших и их детей можно встретить теперь в любом уголке Японии: многие не выдержали жизни в этом кошмаре и уехали из Хиросимы.

Писательница Сода Синоэ написала книгу стихов о Хиросиме и в связи с американским запретом на прессу распространяла ее подпольно. Сама она умерла от лучевой болезни. Писатель и поэт Тогэ Санкити, чтобы привлечь внимание людей, общественного мнения к условиям нашей жизни, сделал много, но как пробиться к людям? Многие представители интеллигенции, люди творческих профессий умерли от лучевой болезни, некоторые покончили с собой. Приезжающие в Хиросиму из других районов придерживаются правила — не жениться на девушке из Хиросимы. Они боятся отдаленных последствий радиации. Сначала нас это глубоко возмущало. Однако в связи с проведенными университетом Ямагути обследованиями я и сама боюсь иметь детей, потому что они могут родиться уродами.

---

* Эти бумажные журавлики — символ мира и долгожительства. Их можно увидеть на всех плакатах и памятниках в Хиросиме, где они, собственно, и родились. Их вырезают из бумаги маленькие девочки: каждая птичка — это молитва о мире.

Многие врачи считают, что последствия радиации с еще большей силой могут проявиться в третьем поколении и эти «неизученные сверхъестественные отклонения» могут передаваться по наследству и дальше. Сейчас об этом говорить еще рано. Тем, кто родился после взрыва, сейчас не больше 25 лет, и нет достаточных статистических данных для выводов. Я знаю много молодых семей, в которых дети внешне вполне здоровы. По крайней мере, сейчас. Но я знаю и другие семьи, где есть дети с врожденными органическими пороками. Ни родители, ни службы здравоохранения не считают их жертвами атомной радиации. Это значит лишь то, что ни правительство, ни местные власти не будут ими заниматься. Есть и другие причины. Проблема хибакуся требует солидных затрат».

На вопрос, скольких людей из переживших бомбардировку можно считать пострадавшими, Хасэгава ответила: «С точки зрения психики — всех. Мы боимся завтрашнего дня, боимся за детей и внуков. Многие из нас зафиксировались на этих мыслях. Предприниматели же и власти считают, что это от лени, и ничто не может их убедить в ином. Но мы-то знаем, что речь идет о непризнанных, неучтенных жертвах радиации.

В соответствии с принятым законом о лучевой болезни правительство должно проводить обследования для выявления заболеваний. До сих пор было зарегистрировано всего шесть тысяч больных, из них тысяча в Хиросиме. Эти люди имеют право на бесплатное медицинское обслуживание. Но многие не хотят фигурировать в списках из-за боязни дискриминации при поступлении на работу и при вступлении в брак. Другие, желающие попасть в такие списки, не могут этого добиться. Им незаконно чинят всякие препятствия, чтобы избежать лишних расходов».

Когда я предположил, что Комиссия АВСС могла бы уже разработать четкие симптомы лучевой болезни, могла бы и провести исследование ее генетических последствий, Хасэгава ответила: «Комиссия прислала лучших американских генетиков, в их распоряжении находится картотека с исчерпывающими сведениями обо всех заболевших. Они проводили тщательные обследования, ходили по домам, заводам, даже по школам и заставляли пострадавших встать на учет. Если же кто-то из списка умирал, они завладевали трупом. Од-

нако результаты их деятельности никогда не публиковались, и мы подозреваем, что пострадавшие служили в качестве подопытных кроликов для военных исследований...»

За час с небольшим, пока шла беседа, я узнал очень многое и решил изменить программу дня. В больнице Красного Креста и жертв атомной бомбардировки я спросил у главврача доктора Сигэто, насколько обоснованны обвинения Хасэгавы.

В ответ он сказал: «Я нисколько не сомневаюсь в ее правоте, но доказать это трудно. Взять, например, заболевание лейкемией. Обычно оно встречается не чаще двух-трех случаев на 100 тысяч человек. В Хиросиме в радиусе 1 километра от эпицентра взрыва на это же число людей зафиксировано 125 заболеваний, в радиусе 1,5 километра — 25 и в радиусе 2 километров — 5 случаев. Вывод сделать нетрудно, но какие из этих 125, 25 или 5 случаев являются следствием атомной радиации? Никто не может это установить, по крайней мере с помощью технических средств, которыми мы располагаем сегодня. Наблюдается также повышенное соотношение раковых заболеваний щитовидной железы, груди, желудка. Процент этих заболеваний и таких, как расстройство печени, злокачественное малокровие, лимфоцитоз, тем выше, чем ближе в момент взрыва жертвы находились к его эпицентру. Но и здесь, опять, сколько их вызвано непосредственно радиацией? В настоящее время мы не располагаем необходимыми средствами для таких выводов. Что касается психологических последствий, то они и вовсе не поддаются определению».

Он провел меня в палату и показал одну из больных, госпожу Оноэ Ямамото. Во время бомбардировки она потеряла четверых детей. Один из сыновей выжил. Ему в то время был всего один год. «Сейчас он чувствует себя хорошо,— сказала она. — Он был помолвлен, но когда, шесть лет назад, я попала в больницу, семья невесты отказалась от свадьбы. Они побоялись, что моя болезнь, какой бы она ни была, передастся через него. Теперь он боится жениться». Она зарыдала, и доктор увел меня.

«Сколько таких судеб, никто не знает,— сказал он. — Ямамото страдает комплексом вины: она считает себя причиной неудавшейся жизни сына. Только с по-

мощью постоянных переливаний крови удается поддерживать жизнь ей и ей подобным, страдающим малокровием на почве поражения костного мозга». Я спросил у доктора Сигэто, есть ли среди его пациентов дети, рожденные у матерей, которые были беременны во время взрыва. «Их очень много среди нестационарных больных»,— ответил он и дал моему гиду несколько адресов. Так я попал к Хатанаке, парикмахеру из Ивакуни — маленького городка в 30 километрах к юго-западу от Хиросимы. Это был человек невысокого роста, очень энергичный. Его толстушку жену звали Юрико. У них была дочь. Пока мы беседовали, она сидела, ни разу не подняв головы, и с отсутствующим взглядом теребила иллюстрированный журнал. Юрико не хотелось что-либо рассказывать об их несчастиях, и о них поведал мне Хатанака.

«Я был в армии,— начал он,— и меня не было дома, когда грянул «пикадон»*. В те времена каждая семья должна была выделять человека на рытье противопожарных убежищ на случай, если Хиросиму, как и Токио, будут бомбить зажигательными бомбами. В этот день Юрико взяла с собой годовалого малыша. Её послали на участок, приблизительно в семидесяти метрах от места взрыва бомбы. На спине у нее был ребенок, и она была беременна, поэтому другие женщины освободили ее от тяжелой работы и поручили ей заняться свертками с едой. Она как раз раскладывала их в бетонном укрытии, построенном неподалеку и по высоте не превышавшем телефонную будку, когда вдруг ударила молния. Все остальные погибли на месте. Она потеряла сознание, а когда пришла в себя, вокруг не было ничего, кроме руин и пожарищ. Она инстинктивно бросилась к холмам за городом. Когда она добежала до последних рисовых полей, пошел черный дождь». Об этом явлении я слышал не раз. Это был необычный дождь. Как объясняли потом ученые, он выпал в виде больших тяжелых капель, образованных молекулярными частицами углерода, выброшенными в атмосферу тепловой волной и конденсировавшимися в ее холодных слоях. Они несли в себе радиоактивную пыль и обрушились на землю стеной. Все пережи-

* Сложное японское слово, состоящее из «пика» — молния, яркий свет и «дон» — грохот, раскаты грома, вошло в разговорную речь для обозначения атомного взрыва.

3 Зак. 266

вшие атомную бомбардировку говорили об этом явлении как о «черном дожде».

«Она добралась до хижины, в которой уже прятались люди,— продолжал Хатанака,— и стала кормить грудью ребенка. Все лицо малыша было изранено осколками стекла. Ей удалось вытащить только самые крупные. Когда дождь кончился, она вновь пустилась в путь к холмам и бродила там какое-то время, питаясь чем попало. Потом пошла домой. Вскоре у Юрико стали выпадать волосы, на теле появились фурункулы, начались кровотечения.

Когда после демобилизации я вернулся домой, у Юрико на голове не осталось волос. Малыш тоже был совсем лысый, к тому же он страдал диареей. Нам удалось попасть к врачу, но в то время он ничего не знал о радиоактивности. Малыша лечили, но он вскоре умер. Впоследствии врачи предположили, что ребенок сыграл роль щита, приняв на себя большую часть смертоносных лучей и таким образом спас жизнь матери.

Дочь родилась в феврале 1946 года, значит, во время взрыва моя жена была на третьем месяце беременности. Тельце и левая ножка девочки были слегка изогнуты. Юрико постоянно масссировала ножку, чтобы укрепить ее и выровнять. Она делает ей массаж до сих пор. Малышка долго только ползала на четвереньках. Мы думали, что она просто отстает в развитии и со временем это пройдет. Денег на лечение у нас не было. Потом потихоньку она начала ходить, но нижняя часть тела так и осталась очень слабой. У нее недержание мочевого пузыря и прямой кишки. Себя не контролирует. Ей удалось выучить несколько слов, но практически она не разговаривает, не может ни читать, ни писать. Еще пять-шесть лет назад мы думали, что только у нас такая дочь. Однако в 1965 году наши знакомые навели справки и обнаружили сразу 18 подобных случаев. В прошлом году один ребенок из этой группы умер. Специальная комиссия, созданная в Хиросиме, взяла на учет уже 45 точно таких же больных.

Я добиваюсь того, чтобы власти официально включили ее в списки жертв,— продолжал говорить Хатанака.— Нужно, чтобы ее постоянно наблюдали врачи, а после того, как мы умрем, взяли бы на государственное обеспечение. И потом, нам хочется думать, что должно же существовать эффективное лечение таких

заболеваний. Силы моей жены ограниченны, и прежде всего ей не хватает знаний. Кроме того у нее самой малокровие. Время от времени у нее начинается головокружение, и она теряет сознание. После всего пережитого ничего удивительного, что у нее хроническая депрессия».

Перед отъездом из Хиросимы я еще раз встретился с доктором Сигэто, и он подтвердил, что все сказанное Хатанакой — правда и полностью совпадает с аналогичными случаями, зарегистрированными в больнице.

После незабываемых дней в Хиросиме в 1971 году я бывал там в 1981 и 1982 годах. В те годы я много читал о Хиросиме. Доктору Кацубэ я написал письмо с просьбой подробнее описать мне все, что он делал в первые месяцы после атомной бомбардировки. Я попросил его также сообщить мне, скольким из больных, которых я видел, удалось выжить. Ниже я привожу отрывки из его письма от 24 октября 1982 года. Он писал: «3 сентября 1945 года, в тот день, когда в Хиросиму приехали Вы, Бэрчетт, мы, оставшиеся в живых врачи Хиросимы, с группой исследователей из Токийского университета во главе с профессором Цудзуки проводили совещание, на котором обсуждали атомную болезнь. Больных, о которых Вы спрашиваете, больше нет в нашей больнице. Американские военные врачи, приехавшие позже, начали лихорадочно изучать лучевую болезнь. Как мне кажется, они очень тщательно изучили истории болезни, подробно составленные нами.

Теперь я отвечаю на Ваши вопросы о симптомах и лечении. Проследив динамику их развития, я выделил три периода:

период первый — с 6 по 19 августа;

период второй — с 20 августа по 15 сентября и

третий период — с 16 сентября до конца октября 1945 года.

Большинство больных, госпитализированных в первый период, находились не далее одного километра от эпицентра взрыва. У них, как правило, наблюдались следующие симптомы:

— небольшие подкожные гематомы (практически по всему телу);

— кишечные кровотечения, как при дизентерийном синдроме, гематурия (кровь в моче), маточные кровотечения;

— непрерывное кровотечение из носа.

Почти все больные через двое суток скончались.

В течение первого периода в больнице «Комьюникейшн» в Хиросиме находилось около 150 человек. Примерно половина из них умерли. Те, кто выжил, были в момент взрыва лучше защищены, например бетонными строениями.

Жертвы атомной бомбы, которых можно отнести ко второму периоду, находились от эпицентра на расстоянии одного-полутора километров. (Вы приехали именно в этот период — 3 сентября.)

У этих больных наблюдались подкожные гематомы, маточные кровотечения, крайняя слабость, общая вялость, рвота, выпадение волосяного покрова и т.д. Кожный покров лица и тела темнел (ярко выраженная эритема) или становился синевато-белого цвета. Для исследования причин болезни я производил вскрытия. Впервые я сделал это 6 августа. Вскрытие показало, что внутренние органы — легкие, брюшная полость — были заполнены кровью. Следовало предположить, что причиной внезапной смерти было сердечное кровоизлияние. Я произвел еще 9 вскрытий...

Господин Бэрчетт, Вы приехали на машине и один вошли в больницу, где 70 хибакуся лежали на тонких циновках прямо на цементном полу. Кроме их жалкой одежды, на них не было ничего. Увидев Вас среди отчаявшихся, способных только на гнев, изуродованных бомбой хибакуся, я подумал, что Вы святой, не знающий страха.

Когда мы делали компенсирующее переливание крови, у больных начинался сильный озноб. Их, например, знобило даже от внутривенных инъекций глюкозы... Когда Вы приехали в больницу, смертность среди больных превысила 60 процентов. Я был убежден, что они все поражены атомной болезнью...»

Как я уже говорил раньше, доктор Кацубэ был хирургом. Его книга «О хирургическом лечении жертв атомной бомбардировки» получила высокую оценку.

ВЫЖИВШИЕ ПЕРЕХОДЯТ В НАСТУПЛЕНИЕ

В одной из книг, посвященной непосредственному и отдаленному воздействию атомного взрыва на население Хиросимы и Нагасаки (очень глубоком, серьезном и документально обоснованном исследовании!), психологическим последствиям отводится специальный раздел. Книга появилась в тот момент, когда правительство Японии под давлением ученых-медиков и организаций, объединяющих хибакуся, вынуждено было провести обследование, в результате которого стали известны ошеломляющие данные: от последствий атомного взрыва пострадало 370 тысяч человек. Во время моего очередного приезда в Хиросиму в мае 1981 года главный врач больницы для жертв атомной бомбардировки в Хиросиме сказал мне, что эта цифра была далеко не полной. «Чтобы попасть в список пострадавших,— пояснил он,— надо явиться с двумя родственниками, которые могли бы подтвердить, что пострадавший находился в Хиросиме в момент бомбардировки или в последующие две недели. Но во время взрыва многие потеряли всех родственников! Военные же, находившиеся тогда в Хиросиме, вообще не имели там никого из близких».

Итак, была официально признана возможность заболевания лучевой болезнью, если человек не находился в Хиросиме во время взрыва, а попал туда в течение последующих двух недель. Это признание, опровергающее версию Гровса, Ферелла и Лоуренса, имело огромное значение. Оно, в частности, полностью реабилитировало все то, что в свое время я написал для «Дейли экспресс», и подтверждало то, о чем я давно догадывался: американцы так спешили испытать свою бомбу на живой мишени, что не дали себе труда изучить возможные последствия. Им надо было убивать, а не спасать!

Хасэгава говорила мне в 1971 году, что в психологическом отношении эта трагедия наложила отпечаток на всех переживших ее. Это утверждение документально доказывается и в упомянутом труде, где о пси-

хологических последствиях бомбардировки написано следующее:

«370 тысяч жертв атомной бомбы, проживающих в Японии, а также те, кто живет в других странах, разумеется, отличаются друг от друга как по характеру, так и по различным национальным особенностям... Однако тем не менее у них много общего в психологическом плане... Самое разрушительное, самое непоправимое бедствие из всех, которые когда-либо обрушивались на человечество, навсегда оставило след в сознании тех, кто стал его жертвами. Еще и сегодня, спустя тридцать лет, публикуются дневники пострадавших, свидетельства иного характера, а также рисунки, которые вновь и вновь взывают к людям. Некоторые из них привлекли внимание средств массовой информации. Несмотря на истекшие с того времени годы, их воспоминания удивительно ярки и точны... Эта неестественная ясность памяти неопровержимо свидетельствует о глубокой психологической травме, которую они перенесли...»

О конкретных проявлениях первичного психологического шока, которые были выявлены у жертв атомной бомбардировки самыми авторитетными психологами Японии, проводившими соответствующее обследование, говорится в опубликованном ими отчете. Ниже я привожу из него несколько выдержек.

«Пострадавшие начали новую жизнь, но она носит неполноценный характер по ряду причин: первая — боязнь ухудшения здоровья в связи с отдаленными последствиями радиации; вторая — страх иметь больных и неполноценных детей; третья — угроза ухудшения материального положения в связи с тем, что вследствие радиации их физические возможности начнут убывать, а расходы на лечение увеличиваться; четвертая — мысль о том, что смерть, болезнь, угасание сил могут ускорить распад семьи; пятая — дискриминация, которой они подвергаются, усугубляющая их повседневные трудности. Все это тяжело отражается на психике, здоровье, образе жизни и материальном положении жертв атомной бомбы. Их стремление восстановить нормальную жизнь наталкивалось на противодействие, не находило поддержки, и многие из них не однажды терпели фиаско...»* И далее в отчете дается описание

* Hiroshima and Nagasaki, pp. 491—492.

нескольких случаев. Они, к сожалению, трагически напоминали те, которые мне были известны и о которых я уже писал. Хочу сослаться еще на один документ — на «Воззвание хибакуся Хиросимы и Нагасаки».

В нем говорится о шестой причине депрессии — о психозе, появившемся у хибакуся позднее как реакция на испытания еще более мощного ядерного оружия. Не подтверждает ли в каком-то смысле это явление утверждения Хасэгавы о лицемерии тех, кто эксплуатирует Хиросиму как символ мира: развалины, да, были прикрыты, но к новой войне готовятся совсем рядом, в тридцати километрах!

Доклад о социальных последствиях бомбардировки двух городов был подготовлен специалистами семи стран, включая Соединенные Штаты, Советский Союз и Великобританию. В нем говорится: «За истекшие 32 года чувство тревоги у хибакуся не ослабло. Более того, оно усиливается в связи с ростом гонки вооружений и участившимися атомными испытаниями. Им кажется, что их призыв не услышан и жертвы были напрасными. Их переживания особенно усилились после того, как ряд историков высказали свое мнение о причинах применения бомбы. Теперь ни у кого не вызывает сомнения, что взрывать атомные бомбы для прекращения войны не было никакой необходимости, и решение об атомной бомбардировке городов с высокой плотностью населения было принято без предварительной попытки использовать другие возможности достижения мира. Среди хибакуся широко распространено убеждение, что это была грубая демонстрация силы, чтобы запугать Советский Союз. Они не сомневаются, что ими не просто «пожертвовали ради мира», что все их страдания и гибель были бессмысленны»*.

Этой стороне вопроса никогда не придавалось должного значения, а ведь жители Хиросимы и Нагасаки стали всего лишь жертвами политических расчетов и экспериментов. В Японии к пониманию этого факта пришли постепенно. Во время моих частых приездов в Японию в течение одиннадцати лет, начиная с 1971 года, я стал свидетелем того, как к середине 70-х годов,

---

* A Call from Hibakusha of Hiroshima and Nagasaki.— «Asahi Evening News», 1978, p. 80.

когда на всей планете движение общественности за мир приобрело мощный размах, в широких слоях японского народа утвердилось осознание безумства того, что произошло в августе 1945 года. Иначе стали оценивать и правительственную кампанию, преследующую своекорыстные цели — «надо простить, надо забыть». Это открытие послужило решительным стимулом для подъема в Японии движения против ядерного оружия.

Хиросима и Нагасаки не были крупными военными или стратегическими объектами, это косвенно признали и сами американцы, не включив их в список 17 японских городов, которые были намечены для «стратегических бомбардировок». В нем значились Токио, Иокогама, Нагойя и другие центры тяжелой промышленности, а также военные базы. Следует предположить, что Хиросиму и Нагасаки умышленно сохраняли, так как высокая плотность населения делала их «идеальной мишенью» для максимального разрушения. С известной натяжкой здесь можно говорить об аналогии с усилиями, предпринятыми для спасения генерала Тодзио, чтобы позднее...его повесить. Фактически оба города были вычеркнуты из списка временно, чтобы затем скрупулезно подсчитать ущерб, нанесенный каждому из них, не утруждая себя вычитанием предварительных разрушений от обычных бомбардировок! Если бы в Нюрнберге суд над военными преступниками судил бы и победителей во второй мировой войне, то президент Соединенных Штатов, как главнокомандующий американскими вооруженными силами, равно как и ряд самых известных генералов и ученых, должен был бы как военный преступник быть осужден и повешен. Согласно пункту 4 Обвинительного заключения по делу военных преступников в Нюрнберге, смертный приговор выносился автоматически в случае «преступления против человечества». В нем прямо говорилось о «бессмысленном разрушении городов». Но победителей не судят! Была совершена историческая ошибка, и она когда-нибудь будет исправлена, если человечество выживет и люди договорятся о более справедливом применении законов!

В дополнение к вышеприведенным данным о психологическом состоянии хибакуся я хочу сказать еще об одной тенденции, отмеченной мною во время последних приездов в Японию. Стремительный подъем

движения против ядерного оружия очень благоприятно сказался на их поведении. Эти отверженные, стыдившиеся своих шрамов, стали объединяться. Они смогли поднять голову и заявить о своих бедствиях во всеуслышание как внутри страны, так и за рубежом. Для них эти незаживающие раны стали оружием в борьбе за ядерное разоружение. Кому же, как не им, возглавлять эту битву?

Сначала их было немного, всего несколько небольших групп. Они первые попытались разрушить возмутительный «заговор забвения», который их окружал в течение первых десяти лет, и решительно отказались продолжать безропотно сносить свои бесконечные страдания. Большое значение в их пробуждении имела первая всемирная конференция против атомной и водородной бомб, состоявшаяся в Хиросиме в августе 1955 года. На конференции и японцы, и ее участники из зарубежных стран впервые услышали рассказ об ужасах атомной бомбардировки из уст очевидцев. Шли годы, и постепенно эти организации укрепились. Скромные прошения о бесплатном медицинском обслуживании уступили место требованиям о принятии в стране всеобщего закона о возмещении ущерба пострадавшим. К середине 70-х годов хибакуся объединились в общенациональную организацию ХИДАНКЕ — конфедерацию жертв атомной и водородной бомб. (Жертвами водородной бомбы 1 марта 1954 года, когда Соединенные Штаты испытали свою первую водородную бомбу на атолле Бикини, стали рыбаки с японского рыболовного судна «Фукурю-мару», находившегося в 160 километрах от острова. Шхуна попала в зону радиоактивных осадков, в результате чего один член экипажа умер, а 22 других заболели лучевой болезнью. Улов пришлось уничтожить, а традиционно рыболовную зону объявить запретной. Радиоактивные осадки выпадали и над самой Японией.)

Проведенное японским правительством обследование зарегистрировало в качестве жертв 366 523 человека. Если принять во внимание, что при этом применялись очень жесткие критерии, то многие из пострадавших не попали в этот список. (Например, около 23 тысяч корейцев, которые были репатриированы сразу после взрыва. Их привезли на работу в Японию из оккупированной японцами «Страны утренней свежести»,

как называют Корею ее жители, и фактически они использовались как рабы.) Из этих почти 370 тысяч признанных жертвами 179 637 человек были из Хиросимы, 109 936 — из Нагасаки и 76 950 — из других префектур Японии (по данным на март 1977 года).

Постепенно хибакуся тесно сплотились вокруг своей национальной организации, с которой не могут не считаться все без исключения политические партии страны. Хибакуся имеют свои группы как в рамках политических партий, так и в крупнейших мощных профсоюзных объединениях страны. «Медицинское удостоверение» уберегает их от увольнений за «хроническую лень». Это в какой-то мере облегчает их социальное и материальное положение. Часть хибакуся больше не испытывает трудностей. В частности, они пользуются поддержкой оппозиционных партий и наиболее прогрессивных слоев японского общества. Все это завоевано в трудной и упорной борьбе.

Что касается оккупационных властей (включая и военных, и работавших под их контролем ученых), то они сделали все от них зависящее, чтобы не признавать хибакуся, потому что, с их точки зрения, официально таковых не существовало. Эта точка зрения проявлялась как в конкретных мерах прямого воздействия (например, введение положения о прессе и другие репрессивные шаги), так и косвенно оказывалось соответствующее давление, шедшее в кильватере американской политики.

О пролонгированных психологических последствиях и психосоматическом воздействии я бы мог рассказать, используя собственный опыт. Мне кажется, что я прав, когда говорю так, потому что речь, безусловно, идет о пережитом мною в Хиросиме в 1945 году. Дело в том, что во время каждого из трех приездов в Хиросиму я необъяснимо заболевал, и каждый раз серьезней, чем в предыдущий. Сначала это были диарея, рвоты, сильные головокружения. Во время второго визита, когда для фильма я пересказывал то, что видел в Хиросиме в сентябре 1945 года, в первый и последний раз в моей жизни я был на грани нервной депрессии. И наконец, я схватил вирусный гепатит с плевральными осложнениями после того, как о Хиросиме я начал снимать фильм для итальянского телевидения. Каждый раз, приезжая в Японию, я колесил по стране вдоль и попе-

рек, но заболевал только в Хиросиме. К концу работы над итальянским фильмом я мог передвигаться лишь в инвалидной коляске и до конца следующего года был выведен из строя. Что касается нервных депрессий, то могу сказать, что, проведя сорок лет в неустанной борьбе, я пережил немало критических моментов, однако моя нервная система меня никогда не подводила. Могу рассказать об одном эпизоде. Это случилось перед тем, как я начал делать фильм о Хиросиме. В Камбодже вместе с бригадой австралийских телевизионщиков я попал в засаду красных кхмеров. Нашу машину обстреляли, шофер был ранен. Мы были на волосок от гибели, и дело кончилось бы плохо, если бы не смелость и выдержка нашего шофера, несмотря на то, что он был ранен. Но и тогда с нервами было все в порядке. Однако, как только я приступил к работе над фильмом, они подвели меня настолько, что съемки пришлось на время прервать. И ничем иным, как тем, что я вновь «находился» в Хиросиме и описывал то, что видел 36 лет назад, я не могу объяснить своего состояния!

Конечно же, каждый реагирует на окружающее по-своему. Порой различия эти имеют зловещий характер. В качестве примера я хотел бы сослаться на отношение к сотворенному двух лиц, которые были непосредственными исполнителями дьявольской воли,— полковника Пола Тиббетса и майора Клода Изерли. Тиббетс очень гордился ролью, которую он сыграл. Более того, он заявлял, что не раздумывая повторил бы все вновь. Изерли в конце концов упрятали в военную психиатрическую больницу в Вако (штат Техас) после того, как он несколько раз пытался покончить жизнь самоубийством. Его терзали муки совести, стыд и чувство вины. Он не мог перенести своей причастности к тому, что мировым сообществом в скором времени было квалифицировано как преступление против человечества.

Было ли необходимо создавать и применять атомную бомбу для ускорения окончания войны? На этот вопрос постараемся подробно ответить в следующем разделе.

БЫЛА ЛИ ТАКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?

16 июля 1945 года Г. Стимсон, тогда американский военный министр, передал записку сидящему напротив него Трумэну. Это было в Потсдаме во время переговоров о послевоенном устройстве мира, которые вели президент США, Уинстон Черчилль и И. В. Сталин вместе с начальниками своих генеральных штабов. В записке было всего два слова: «Это мальчик!» Однако Трумэн понял: в Аламогордо (штат Нью-Мексико) успешно завершились испытания атомной бомбы. Он ждал этой новости с большим нетерпением и даже затягивал начало конференции, чтобы приурочить одно к другому. В своих мемуарах Стимсон писал, что Трумэн поехал в Потсдам с надеждой добиться от Советского Союза вступления в войну с Японией, но сообщение из Аламогордо «заметно ужесточило» его позиции: как единственный обладатель бомбы, он имел все основания надеяться, что теперь будет проще говорить со Сталиным. Министр цитирует признание Трумэна одному из своих советников: «Если эта штука взорвется, а я на это очень рассчитываю, мне будет чем припугнуть этих русских»*.

Стимсон писал также, что Черчилль был немало удивлен резкой переменой, происшедшей с Трумэном за столом переговоров. «Трумэн, совершенно очевидно, был воодушевлен чем-то, что только что произошло... и говорил с русскими подчёркнуто энергично и решительно». Когда же Черчилль познакомился с докладом об испытаниях бомбы в Аламогордо, ему все стало ясно. «Теперь я знаю, что случилось с Трумэном вчера, — говорил он.— А то я никак не мог этого понять. Когда, прочитав сообщение, он вернулся в зал заседаний, это был другой человек. Он ставил русских в жесткие рамки и вообще вел себя хозяином...» Лорд Аланбрук в своем дневнике отметил, что Черчилль «был воодушев-

---

* Bernstein B. J. Politics and Policies of the Truman Administration. Quadrangle Books, Chicago, 1970, p. 32.

лен... Мы имеем теперь нечто, говорил он, что позволяет нам говорить с русскими на равных. Обладание тайной нового взрывчатого вещества, возможность его использования могут полностью изменить дипломатическое равновесие... Отныне мы владеем новой силой, уравновешивающей наше положение. Подбородок вперед и резко сдвинутые брови. Теперь мы можем им сказать: «Хотите настоять на своем? Не выйдет!»*

Все представители западных союзников, присутствовавшие на Потсдамской конференции, в один голос подтверждают этот момент. И действительно, за шесть месяцев до этого на конференции в Ялте главным было вырвать у Сталина обещание, что Советский Союз вступит в войну с Японией не позже, чем через три месяца после победы над нацистской Германией. К тому же стремились и в Потсдаме. Их мучил вопрос, сдержит ли Сталин свои обещания? Однако после того, как американский президент получил указанное сообщение, положение в корне изменилось. На заседании своего кабинета Черчилль заявил: «Одно совершенно ясно: сегодня Соединенные Штаты не хотели бы, чтобы Россия вступила в войну с Японией»**.

На Западе считали, что Сталин и не догадывался об успешных испытаниях атомной бомбы. Однако это не так. Он тоже заметил резкое изменение в позиции Трумэна. Вот что об этом писал в своих мемуарах Маршал Советского Союза Георгий Жуков:

«Конференция закончила работу 2 августа.

В ходе конференции глава американской делегации президент США Г. Трумэн, очевидно, с целью политического шантажа однажды пытался произвести на И. В. Сталина психологическую атаку.

Не помню точно, какого числа после заседания глав правительств Г. Трумэн сообщил И. В. Сталину о наличии у США бомбы необычно большой силы, не назвав ее атомным оружием.

В этот момент, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И. В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего особенного не нашел в словах Г. Трумэна. Как Черчилль, так и многие другие

---

* Ibid., p. 32.

** Ibid., p. 32—33.

англо-американские авторы считали впоследствии, что, вероятно, И. В. Сталин не понял значения этого сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал: «Цену себе набивают». И. В. Сталин рассмеялся: «Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы».

Я понял, что речь шла об атомной бомбе *. Академик Курчатов был ответственным за советскую программу ядерного вооружения. (*Прим. авт.*)»

Из сказанного ясно, что атомная бомба, едва разработанная и немедленно приведенная в действие, предназначалась для устрашения Советского Союза. Именно эту точку зрения разделяют ученые всего мира, о чем я писал в предыдущей главе.

Вашингтон приступил к созданию ядерного оружия, как только получил неофициальную информацию о том, что Германия, намного опередив другие страны, сумела решить теоритические проблемы создания атомной бомбы. Ученые Соединенных Штатов предприняли колоссальные усилия, чтобы помешать Гитлеру заполучить это чудовищное оружие. Многие из них в свое время были высланы из нацистской Германии, другие покинули ее сами. Эти ученые продолжали поддерживать связи со своими коллегами в Германии, и, как только они убедились, что нацисты не в состоянии сделать атомную бомбу (противодействие со стороны некоторых представителей элиты и вывод из строя промышленности в результате бомбардировок союзников), именно они стали настаивать, чтобы Соединенные Штаты немедленно прекратили работы в этом направлении. В основном это были ответственные люди, хорошо представляющие себе, к чему может привести создание бомбы. Но военные, ответственные за «проект Манхэттен», ускоренными темпами стали добиваться выполнения программы. Они говорили, что надо обогнать время. Все так, только посылки были ложными. Кому-кому, а генералу Гровсу и его людям было известно, что в то время Германия была

---

* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд-во Агентства печати «Новости», Москва, 1969, с. 712—713.

уже не в состоянии обеспечить монополию на атомную бомбу или хотя бы первой ее изготовить. Поэтому-то американцы стремились не только быть первыми, но и завладеть монополией на это оружие. Выиграть время? Отнюдь! Они хотели доказать недосягаемость военной мощи Соединенных Штатов еще до капитуляции нацистской Германии.

В киноинтервью, заснятом компанией «Пате Синема», полковник Пол Тиббетс признавался, что еще задолго до первых атомных испытаний были сформированы два самостоятельных летных подразделения. Первый готовился сбросить бомбы над целями (или целью) в Германии, второй — в Японии, если война с Германией будет закончена (что и произошло) раньше, чем бомба будет изготовлена. Он говорил, что абсолютно не испытывает угрызений совести, потому что бомба служила задаче скорее закончить войну и избавить от гибели американцев. Не подтверждает ли это лишний раз, что речь шла даже не о том, чтобы обогнать время и опередить Германию, а о том, чтобы успеть до окончания войны испытать бомбу на живых мишенях? Создание атомной бомбы обернулось страшной трагедией. Это и вынудило весьма высокопоставленных деятелей Соединенных Штатов прибегнуть к клевете и измышлениям.

В Англии в 1958 году была опубликована книга швейцарца Роберта Юнга «Ярче тысячи солнц», в которой на основе анализа документальных и других данных прослеживается история проблемы *. Он начинает повествование с описания первых опытов Резерфорда в его лаборатории в Кембридже и заканчивает трагедией Хиросимы и Нагасаки. Юнг в качестве эпиграфа использовал высказывание средневекового алхимика, который советовал: «Не пускайте в свой дом власть имущих и воинов, потому что эти люди сумеют поставить святые тайны на службу власти». Если бы вняли этому мудрому совету, то мир сегодня был бы куда более надежным!

Годы после первой мировой войны были золотым веком для ученых, которые, вовсе этого не подозревая, проложили путь к созданию ядерного оружия. Они

---

* Jungk R. Brighter than a thousand suns. Victor Gollan Ltd and Rupert Hart-Davis Ltd, England, 1958.

исследовали самые глубинные силы природы, чтобы открыть неисчерпаемый источник энергии. У истоков был великий новозеландский ученый Эрнест Резерфорд, которому удалось расщепить «могущественный атом». Первоначально это был атом азота. Открытие Резерфорда побудило многих ведущих ученых мира сосредоточиться в трех самых крупных исследовательских центрах: в Кембридже, где лорд Резерфорд (ему Великобритания даровала титул пэра) продолжал свой поиск, в университете Копенгагена, где Нильс Бор, знаменитейший из современников Резерфорда, возглавлял физический институт, и в Гёттингене, где на физическом факультете университета Джорджии * работали всемирно известные физики Макс Борн и Джеймс Франк, а также математик Давид Гильберт. Научные исследования в университете Джорджии осуществлялись на интернациональной основе: ученые безвозмездно обменивались информацией, делились результатами опытов, что и обеспечивало прогресс науки. На какое-то время прекрасный Гёттинген превратился в научную Мекку, куда стекались самые крупные физики всех стран и все те, кто намеревался заняться атомными исследованиями. Среди этих последних в 1926 году в университет приехал и некий американский студент. Старшие коллеги находили его излишне разговорчивым или скучным человеком, хотя и не отказывали ему в определенной одаренности. Это был Роберт Оппенгеймер. Именно здесь, в Гёттингене, он был принят в братство тогдашних алхимиков, в конечном счете именно ему досталась сомнительная слава «отца атомной бомбы».

Среди тех, кто впоследствии заняли место в ряду творцов ядерной физики, были также Лео Сцилард и Эдвард Теллер. Для научной работы и исследований Веймарская республика оказалась более подходящим местом, чем родная Венгрия, находившаяся под пятой фашистского режима адмирала Хорти. Оба по происхождению были евреями, а так как в венгерские университеты доступ для евреев был ограничен, они не смогли учиться в Венгрии.

В начале 30-х годов с приходом Гитлера к власти

---

* При Геттингенском университете действовал Университет Джорджии, финансировавшийся американским штатом Джорджия.

ветры антисемитизма достигли Гёттингена. Не прошло и месяца после установления гитлеровского режима, как был нанесен первый удар: семь сотрудников факультета естественных наук университета Джорджии, в том числе Макс Борн, были без лишних церемоний уволены. Джеймс Франк, тоже еврей, не попавший в список уволенных только благодаря своей мировой известности, в знак солидарности подал в отставку. Так было положено начало процессу, на завершающем этапе которого нацистская Германия «пустила себе пулю в лоб». Те, кто, покинув Польшу и Венгрию, приехал в Германию, не стали ждать, пока их выдворят из страны или посадят в тюрьму. Они уехали в Копенгаген, где встретили радушный прием у Нильса Бора и его коллег.

Юнг рассказывает, как однажды, примерно спустя год после произведенной в Гёттингене чистки, старый Давид Гильберт оказался за столом рядом с нацистским министром просвещения Рустом. Последний имел неосторожность спросить: «Скажите, профессор, правда ли, что ваш институт сильно пострадал в связи с отъездом евреев и их друзей?» Гильберт ответил, как обычно, резко и холодно: «Пострадал? Нет, вовсе нет, господин министр. Он просто перестал существовать...» *

Перебравшись в основном в Данию, в Англию и в Соединенные Штаты, ученые продолжали поддерживать периодическую связь с бывшими коллегами в Германии. Как стало известно, в начале 1939 года группа немецких ученых продолжала работы по расщеплению атома урана для получения взрыва фантастической мощности. На выполнение исследовательской программы под кодовым названием «проект U» были мобилизованы самые крупные ученые, оставшиеся в Германии. Через некоторое время зловещие слухи подтвердились. В мае 1939 года Германия, захватившая Чехословакию с благосклонного согласия британского премьер-министра Невиля Чемберлена и премьер-министра Франции Эдуарда Даладье, подписавших с Гитлером постыдное мюнхенское соглашение, немедленно запретила вывоз из страны окиси урана. Сцилард, Теллер и Энрико Ферми, эмигрировав-

* Jungk R. Op. cit., p. 437.

ший из фашистской Италии, находились в то время в Соединенных Штатах. Они прекрасно понимали, что может означать подобная мера. Мысль о том, что гитлеровская Германия однажды сможет овладеть энергией атома и приступить к производству ядерного оружия, не давала им покоя. Первые попытки привлечь внимание американских военных властей к возможным последствиям этой политики остались безуспешными. Американские коллеги их приняли и оценили, но, как «изгнанники», они не могли иметь никакого влияния в политических кругах. Что касается военных, то в их глазах эти интеллигенты были не иначе, как с «сумасшедшинкой».

С помощью Ойгена Вигнера, физика немецкого происхождения, долгое время сотрудничавшего с Нильсом Бором, Сциларду удалось к проблеме привлечь Альберта Эйнштейна. Эйнштейн до этого придерживался мнения, что высвободить энергию атома невозможно. Однако, когда Сцилард и Вигнер разъяснили Эйнштейну, что произойдет, когда удастся расщепить атом урана, он тут же решил, что постарается убедить американское правительство закупить все запасы урана в Бельгии, добытые в Бельгийском Конго. Вопрос требовал срочного решения, ибо Гитлер, оккупировав Бельгию, мог захватить уран (как и случилось). В этом все были согласны. Эйнштейн поставил свою подпись под письмом, адресованным президенту Рузвельту. Но как передать письмо (вместе с памятной запиской о необходимости проведения исследований по использованию атома в военных целях) в руки одного из крупнейших государственных деятелей мира?

Используя свои связи, Сцилард вступил в контакт с Александром Саксом. Финансист международного масштаба, человек огромной эрудиции, он заслужил уважение Рузвельта точностью своих долгосрочных экономических прогнозов и умением хранить тайну.

Полностью разделяя идеи Сциларда, Сакс согласился передать письмо и памятную записку лично президенту. Он сделал это 11 октября 1939 года. Чтобы произвести большее впечатление, он зачитал вслух оба документа. На президента чтение не произвело должного впечатления, однако, чувствуя, что Сакс придает вопросу большое значение, он пригласил его на следующее утро разделить с ним завтрак. Всю ночь Сакс

ломал голову, как лучше изложить дело, которое (как он все больше и больше убеждался) имело принципиальное значение.

Роберт Юнг в своей книге «Ярче тысячи солнц» рассказывает о том, как развивались события на следующее утро.

«Рузвельт,— пишет он,— сидел за столом, накрытым для завтрака. Он был один, когда Сакс вошел в комнату. Президент спросил с легкой иронией: «Ну, и как гениальная идея? Сколько времени Вам потребуется, чтобы изложить ее мне?» Сакс ответил, что это не займет много времени. «Я хотел бы,— начал он,— рассказать одну историю. Это было во время наполеоновских войн. Один молодой американский изобретатель пришел к французскому императору и предложил ему построить флот на паровых двигателях. Пароходы позволили бы высадиться на берегах Англии даже в плохую погоду. Суда без парусов? Это показалось великому человеку настолько невероятным, что он высмеял Фултона. Английский историк лорд Актон считает, что Англия была спасена благодаря тому, что Наполеон не смог должным образом оценить изобретение Фултона. Если бы в тот момент Наполеон проявил бóльшую терпимость и бóльшее воображение, то история XIX века могла бы принять совсем иной оборот».

Сакс закончил свой рассказ, но президент продолжал молчать. Затем он что-то написал на листке бумаги и протянул его официанту. Тот вышел, но быстро вернулся со свертком и по знаку Рузвельта стал медленно разворачивать его. Наконец была извлечена бутылка очень старого французского коньяка, хранившегося в семье много лет. Президент с нарочитой многозначительностью велел наполнить рюмки, затем поднял свою, одобрительно кивнул и выпил за здоровье Сакса.

Потом он сказал: «Алекс, вы хотите помешать нацистам взорвать нас?» — «Совершенно верно». Только после этого Рузвельт пригласил своего военного советника и, показав ему оба документа, принесенные Саксом, произнес слова, ставшие знаменитыми: «Это требует действий» *.

Так было принято решение о начале осуществле-

---

* Jungk R. Op. cit., p. 63.

ния «проекта Манхэттен». Все это было далеко не просто. Вспомним, что с этого момента пройдет еще два года, прежде чем Соединенные Штаты вступят в войну с Германией. Американский посол в Великобритании Джозеф Кеннеди (отец Джона, Роберта, Эдварда и шести других Кеннеди) регулярно сообщал, что гитлеровцы продолжают наступать и могут в этой войне победить. Пройдет некоторое время, Гитлер обрушится на Советскую Россию. Это все впереди. И впереди заявление сенатора от штата Миссури Гарри Трумэна, который скажет: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают друг друга как можно больше»*.

Рузвельт был одним из самых популярных президентов в истории Соединенных Штатов, популярным в широких слоях населения. В высших кругах у него было много врагов, и в частности среди друзей нацистов. Предательство Невиля Чемберлена, отдавшего на мюнхенской конференции Чехословакию в обмен на обещанный Гитлером мир, потрясло либеральные круги во всем мире. Они сугубо отрицательно воспринимали заключение советско-германского пакта о ненападении 1940 года.

Чтобы начать осуществление проекта, нужно было долго и подробно разъяснять и убеждать, но большинство просто не желало слушать. Нашлось немного энтузиастов, готовых платить большие деньги за осуществление «проекта Манхэттен». Еще меньше людей верило в его успех и необходимость. Ученые не видели решительно никакой надобности бросать свою преподавательскую или исследовательскую работу, чтобы заниматься безумным проектом, который военные вытащили неизвестно откуда (так по крайней мере им казалось). Первыми приступили к работе «изгнанники». В отличие от Англии, где после небольшой проверки к ним относились как к равным, в Соединенных Штатах они считались людьми второго сорта, имевшими статус «иностранцев», а итальянец Энрико Ферми — «враждебного иностранца». Англия уже давно заинтересовалась перспективой расщепления атома,

---

* Jungk R. Op. cit., p. 43.

кроме того, с 1 сентября 1939 года она находилась в состоянии войны с Германией, с одной стороны, и, с другой, была лучше осведомлена о том, что происходило в научных кругах Германии. Она поэтому старалась форсировать собственную программу создания атомного оружия, опасаясь, что гитлеровская Германия раньше всех изготовит атомное оружие. Это стало известно в Соединенных Штатах, и именно поэтому была открыта возможность для проекта Рузвельта. Тем не менее решение об ассигнованиях на «проект Манхэттен» и его обеспечении необходимыми научными и техническими кадрами было одобрено только в декабре 1941 года. Это произошло незадолго до нападения японцев на Пёрл-Харбор и последовавшего за ним вступления Соединенных Штатов в войну.

Начиная с этого момента выделялись средства, был мобилизован весь финансовый и технический потенциал Соединенных Штатов. Выполнение проекта пошло полным ходом. По иронии судьбы Сцилард и его коллеги спустя некоторое время после развертывания работ узнали из своих источников в Германии, что осуществление «проекта U» испытывает затруднения. Началась мучительная переоценка: стоило ли продолжать, оправдают ли себя усилия, направленные на создание американской атомной бомбы?

Когда впоследствии я узнал об их сомнениях, вся эта история напомнила мне один из лучших американских анекдотов. Во времена строительства первых железных дорог один старый фермер узнал, что диковинка уже появилась в соседнем городе. Тогда он оседлал клячу и поехал посмотреть. Он обошел стоящий на рельсах локомотив. Локомотив пыхтел, выбрасывая пар, и фермер, покачав головой, сказал: «Они никогда не смогут его сдвинуть!» Но когда у паровоза завертелись колеса и он, набирая скорость, пустился в путь, бедный фермер сокрушенно воскликнул: «Да они же никогда его не остановят!»

Именно так и произошло с «проектом Манхэттен». Те, кто дал ему путевку в жизнь, уже никогда не смогли его остановить!

ГОНКА, ПРОИГРАННАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ

Среди причин, помешавших Германии создать атомную бомбу, имели значение и свойственные Гитлеру недоверие и презрение к ученым — этим «белым евреям», как однажды назвал их печатный орган СС «Шварцекор». Ответное чувство недоверия и ненависти ученых к Гитлеру было причиной определенного саботажа с их стороны в отношении «проекта *U*». По возможности они старались вести исследования в менее опасном направлении.

С ноября 1938 года я находился в гитлеровской Германии. Мне не раз приходилось встречаться там с деятелями искусств и учеными, в основном по рекомендациям моих еврейских друзей. На улице они носили свастику и обменивались фашистскими приветствиями, но, придя домой, чувствовали себя цивилизованными людьми и высказывали ненависть и отвращение к верноподданничеству, сохранявшему им жизнь.

Сыграла важную роль и непременность соблюдения введенного Гитлером условия — всякое новое оружие, на разработку которого выделялись кредиты и технические средства, должно было быть готово в течение шести месяцев. Методические бомбардировки, преследовавшие цель разрушить промышленность Германии, мешали концентрации ресурсов, необходимых для производства атомной бомбы. Чем больше подтверждалась эта информация, просачивающаяся через сеть «изгнанников», тем больше генерал Гровс подгонял свою бригаду, заставляя ее «прийти к цели первой». Он, несомненно, обладал организаторскими способностями и неутомимой энергией. Именно поэтому ему и доверили руководство «проектом Манхэттен». Хотя он тщательно просматривал отчеты об испытываемых Германией трудностях, но ходу им не давал, ибо считал, что для группы тщательно проверенных исследователей, которой он руководил, существовал только один приказ — прийти к цели первыми.

Чтобы уточнить, на каком этапе находились немцы в своих разработках атомной бомбы, Гровс создал бри-

гаду под кодовым названием «Алсос» (греческий вариант его собственного имени). Группу возглавлял полковник Борис Паш, опытный офицер-разведчик. С первыми частями союзников он должен был высадиться в Европе и как можно быстрее собрать сведения о разработках немцев. Первоначально он попал в Италию, но задания не выполнил из-за отсутствия связей в научных кругах, а сам Паш был не в состоянии оценить добываемые данные. Его отозвали, но вскоре дали это же задание повторно. Сыграли роль его изобретательный ум и чрезвычайная эффективность. На этот раз в качестве научного консультанта его сопровождал голландский физик Самуэл Гоудсмит, у которого криминалистика, считавшаяся им самой точной из наук, была второй после физики страстью. Как только в конце августа 1944 года группа «Алсос» с первыми отрядами союзников прибыла в Париж, Гоудсмит немедленно связался с Фредериком Жолио-Кюри. Как известно, Жолио-Кюри и его жена Ирэн Склодовская-Кюри были крупнейшими физиками своего времени. Они оба были лауреатами Нобелевской премии за достижения в разработке науки. Во время войны они поставили свою лабораторию в Париже на службу движению Сопротивления — там изготовлялись бутылки с зажигательной жидкостью. Жолио-Кюри во время войны вступил во Французскую коммунистическую партию, неоднократно лично участвовал в боевых операциях. Однако и он не мог связать Гоудсмита с учеными Германии, и ему ничего не было известно, как фактически обстоят дела.

В ноябре 1944 года группа «Алсос» проникла в Страсбург, намереваясь похитить известного аса ядерной физики Карла фон Вайцзеккера, или же Вернера Гейзенберга. Ими была теоретически доказана возможность создания реактора, способного перерабатывать уран-235 в плутоний-239, необходимый для производства атомной бомбы.

Гоудсмит знал, что именно в Страсбурге был центр разработок, но оказалось, что за три месяца до этого Вайцзеккер из города уехал. И все же Гоудсмиту невероятно повезло. Изучив папку с черновыми записями, заметками и перепиской, брошенную немецким ученым, он сделал вывод первостепенной важности. Вот как пишет об этом Юнг:

«Гоудсмит вместе с помощниками почти всю ночь при свете свечи просматривали найденные письма и документы. Отдаленный грохот пушек, доносившийся с другого берега Рейна, приглушенные голоса американских солдат, игравших в карты в той же комнате, не мешали двум детективам от науки рыться в бумагах Вайцзеккера в поисках данных о состоянии атомных исследований в Германии. Намеки и случайные заметки отбрасывались. Переписка тщательно изучалась. Вдруг почти одновременно раздались два радостных возгласа. Есть! Долгие месяцы поисков были вознаграждены — перед ними лежала связка бумаг о немецкой программе по урану.

Из этих бумаг со всей очевидностью следовало, что немцы, вопреки всеобщему убеждению, в области атомных исследований не только не были в первых рядах, но как минимум на два года отставали от союзников. В Германии еще не существовало установки, способной производить уран-235 или плутоний-239, необходимых для получения цепной реакции. Не было и реакторов, подобных американским.

Решающим в судьбах атомных исследований в Германии был день 6 июня 1942 года. Именно в этот день Гейзенберг докладывал о положении дел в этой области министру экономики Шпееру и его сотрудникам: «Мы имеем доказательства практической возможности получения атомной энергии в реакторе. Более того, теоретические изыскания позволяют считать, что в таком реакторе можно получить взрывчатое вещество для атомных бомб. Однако остаются неизученными технические аспекты проблемы...» На совещании была решена судьба проекта, ибо Шпеер пришел к выводу, что работы должны продолжаться, но в более скромных масштабах...» *

Альберт Шпеер оставил в своих мемуарах запись, которая дополняет информацию, почерпнутую группой Гоудсмита в бумагах Вайцзеккера. Он писал об усилиях Германии, которые были предприняты для производства атомной бомбы, об отношении Гитлера к этому оружию и о причинах, по которым в конце концов работы были прекращены. Гитлер неоднократно обсуждал со Шпеером этот вопрос, но, «очевид-

---

* Jungk R. Op. cit., pp. 163—164.

но, проблема была выше его понимания. К тому же Гитлер был не способен уловить суть принципиально новых открытий в области ядерной физики. В беседах с Гитлером я обсуждал 2200 вопросов, при этом о расщеплении атома мы говорили только один раз и очень-очень кратко...»

Гитлер, естественно, был совсем не против создания такой бомбы, однако Шпеера сдерживала техническая сложность осуществления проекта, о чем говорил Гейзенберг.

«Я уверен,— писал Шпеер,— что Гитлер, не раздумывая и минуты, сбросил бы атомную бомбу на Англию. В этой связи я не могу забыть, как он реагировал на кинохронику о последних бомбардировках Варшавы осенью 1939 года. Мы с Геббельсом сидели в гостиной Гитлера в Берлине и смотрели документальный фильм, подготовленный для проката: тучи дыма, заслонявшие небо; бомбардировщики, вертикально пикирующие на цель; падающие со свистом бомбы. И опять: самолеты, набирающие высоту, гигантские черные клубы дыма и огня. Эффект усиливался тем, что воспроизведение было замедленным. Гитлера загипнотизировали эти кадры. Фильм заканчивался монтажем: самолет пикировал на макет Британских островов, следовал оглушительный взрыв, и один из островов разлетался на куски. В этот момент восторг Гитлера достиг апогея. Он воодушевленно кричал: «Вот что с ними будет! Именно так мы их и уничтожим!»»

Далее Шпеер развивает тему атомных исследований: «К осени 1942 года работы над атомной бомбой были прекращены, так как практически мы не смогли бы ее сделать раньше, чем через три-четыре года». Однажды, будучи на заводах Круппа, где монтировался первый циклотрон, Шпеер спросил у главного инженера, может ли завод выпускать еще более мощные агрегаты, на что получил ответ, подтверждавший мнение Вернера Гейзенберга: «Технически мы к этому не готовы». Шпеер, излагая все стороны вопроса, привел также еще один аргумент. Он написал о том, как летом 1943 года из Португалии прекратился импорт вольфрама, что «создало критическую ситуацию на заводах, производивших противотанковые снаряды». «Тогда,— продолжает он,— я отдал приказ пустить в ход запасы урана. То, что я позволил использовать эти запасы —

около 1200 тонн,— со всей очевидностью подтверждало, что мы не намеревались делать атомную бомбу»*.

Свидетельства, добытые Гоудсмитом, не убедили Вашингтон. Документы могли быть сфабрикованными, а все — подстроено. Если учесть степень риска, то недоверие было оправданным. Гоудсмит с фактами в руках доказывал, что такой проект был под силу только Гейзенбергу, и скорее всего именно он руководил им на всех этапах. Надо было найти Гейзенберга и его лабораторию. И Гоудсмит отправился на поиски своего бывшего друга из Гёттингена. Гейзенберга нашли, а вместе с ним Вайцзеккера и Отто Гана, руководившего в 1938 году первыми опытами по расщеплению атома урана, а также всех других членов «уранового общества», то есть всех тех немногих ученых, кто разрабатывал «урановый проект» — «проект U». Была обнаружена и бывшая лаборатория Гейзенберга. В результате всем стало ясно, что у Германии не только не было атомной бомбы, но она и не имела реальных возможностей для ее производства.

Отсюда и начинается чудовищная ложь. «Проект Манхэттен», целью которого было «опередить немцев», сразу утратил свой смысл. Исчез тот единственный аргумент, который Гровс использовал, чтобы заставить 150 тысяч ученых и специалистов, подчиняясь его приказам, наращивать и наращивать темп работы. Гровс решил и отчет «Алсос» упрятать подальше, сделав на нем пометку «Совершенно секретно». Однако, несмотря на драконовские меры предосторожности (а Гровс умел ими пользоваться), информация перестала быть секретом. Реакцию многих видных ученых, работавших с Гровсом, было легко предположить: «Если немцы не имеют ее, зачем продолжать нам?» Первыми среди сомневавшихся были «изгнанники». А ведь именно их более чем оправданные опасения послужили толчком для начала работ! Гровс лишь переключил регистр. Его лозунг не изменился: «Быстрей, как можно быстрей!» Теперь первое место заняла идея использовать атомную бомбу, чтобы зас-

---

* Speer A. Inside the Third Reich. Weidenfeld and Nicolson, London, 1970, pp. 227—228.

тавить Германию сдаться. Гровс на самом деле страстно желал опередить время и сбросить бомбу до того, как немцы капитулируют.

Группа «Алсос» еще не закончила своих поисков, а среди ученых (и первым был Нильс Бор) высказывались опасения возможных международных последствий, если Соединенные Штаты станут продолжать работу над атомной бомбой. Н. Бор предвидел сложности в отношениях между основными союзниками — Соединенными Штатами, Советским Союзом и Великобританией — в послевоенные годы и отчетливо представлял себе, к чему может привести гонка ядерных вооружений. Он считал, что проще прийти к соглашению между Востоком и Западом о совместном контроле над использованием ядерной энергии до того, как бомба будет создана, и, главное, до того, как она будет использована. 26 августа 1944 года Нильс Бор во время встречи с президентом Рузвельтом откровенно высказал свою тревогу и пытался добиться одобрения памятной записки, которую он передал Рузвельту и Черчиллю за полтора месяца до встречи.

«Помимо сроков окончания работ над оружием, помимо значения, которое оно приобретет в войне,— говорилось в записке,— необходимо самое пристальное внимание уделять ряду весьма важных вопросов. Если только не удастся своевременно достигнуть соглашения о применении этого оружия, любое временное преимущество в его использовании, сколь значительным оно бы ни было, *не должно пойти в ущерб безопасности человечества.*

Открытие получения в широких масштабах атомной энергии, безусловно, ставит вопрос о контроле. По мере углубления научных исследований в области атома становится очевидным, что в данном случае общепринятых мер недостаточно и что только *всеобщее соглашение, основанное на полном взаимном доверии, может избавить народы от дальнейшего соперничества в гонке за обладание этим мощным и опасным оружием.*

Не касаясь непосредственных военных задач, инициатива, направленная на предотвращение этого рокового для человечества соперничества, должна преследовать цель *безусловно исключить всякий повод для недоверия между государствами,* от гармоничного со-

*трудничества которых зависит судьба будущих поколений»**.

Но эти предостережения не были приняты во внимание. Весь дальнейший ход событий полностью подтвердил опасения великого датского ученого, глубоко сознававшего ответственность перед человечеством. Содержание разговора Бора с Рузвельтом нигде не зафиксировано. Рузвельт никогда не записывал свои частные разговоры, Бор со своей стороны считал долгом хранить тайну.

Александр Сакс, который в свое время повлиял на принятие решения о создании бомбы, теперь, после неудачи Бора, счел своим долгом склонить президента к тому, чтобы были выработаны условия ее использования. В декабре 1944 года он встретился с Рузвельтом. Согласно версии заместителя военного министра Соединенных Штатов Р. Патерсона, они договорились о следующем: «После того как пройдут окончательные испытания атомной бомбы, необходимо: а) предпринять ее повторные испытания в присутствии всемирно известных ученых из союзных и нейтральных государств, а также служителей культа; б) ученым и представителям общественности подготовить доклад о свойствах и катастрофических последствиях применения атомного оружия; в) Соединенные Штаты и их союзники должны будут уведомить Германию и Японию о том, что через определенный промежуток времени, назначаемый для эвакуации всего живого из зоны, будет произведен атомный взрыв, и, наконец, г) предъявить противнику накануне бомбардировки ультиматум о безоговорочной капитуляции с предупреждением, что в противном случае страна и народ подвергнутся уничтожению»**.

Поскольку становилось ясно, что война с Германией закончится раньше, чем бомба будет готова к испытаниям, Гровс больше всего опасался, что всякие военные действия могут прекратиться до того, как бомбу можно будет испытать на живой мишени. Конечно, была еще Япония, но тогда придется всех убеждать, что Япония пытается обогнать США в создании атомной бомбы. Тут-то и пришла мысль пустить в

---

* Jungk R. Op. cit., p. 334 (курсив автора).

** Ibid., p. 175.

ход вторую ложь, под стать первой — использование бомбы якобы позволит ускорить окончание войны и спасти жизнь десяткам тысяч американцев. «Спасти американцев от гибели»— позднее этот лозунг станет позорным оправданием убийства женщин, детей, даже грудных, во вьетнамской деревне Ми Лай и в десятках других деревень во время войны против Вьетнама. Этим лозунгом станут узаконивать убийство пленных (их живыми будут сбрасывать с вертолетов, потому что они не захотят «говорить»), им будут прикрывать многие преступления, совершенные в нарушение всех правил ведения войны и норм поведения цивилизованных людей. Генерал Гровс был лишь первым из приверженцев этого лозунга. Он-то как раз знал, что это была чистейшей воды ложь. Никакой необходимости в бомбе, чтобы заставить Японию капитулировать, не было!

Когда, несмотря на воздвигнутую Гровсом суперсистему предосторожностей, стало все-таки известно об испытаниях атомной бомбы, вслед за которыми предстояло тут же сбросить ее на Японию, большинство ученых, причастных к ее созданию, охватило негодование. Как и тогда, когда перестало быть тайной, что Германия не участвует в этой гонке, больше всего это известие потрясло тех, кто в свое время всеми силами подталкивал Соединенные Штаты к созданию сверхоружия. Одними из первых решили протестовать Сцилард и Франк. Сцилард пытался повторить то, что он проделал в 1941 году,— он получил от Эйнштейна рекомендательное письмо и подготовил памятную записку для Рузвельта. Эти документы были найдены нераспечатанными на письменном столе президента среди бумаг, подготовленных для рассмотрения на 12 апреля 1945 года, день его смерти. Еще одну попытку предприняли члены так называемой «Чикагской семерки». В нее входили Франк, Сцилард, физик Дэвид Хьюз, биохимики Т. Хогнесс и С. Рабинович, Ч. Никольсон и еще один ученый-биолог. Они подписали весьма подробный документ и вручили его 11 мая 1945 года Р. Паттерсону.

В документах предлагалось несколько вариантов, которые могли принять Соединенные Штаты как единственный обладатель атомного оружия. Это реалистичный и предостерегающий документ. Продолжая

линию Бора, ученые доказывали необходимость заключения соответствующего международного соглашения еще до того, как бомба будет использована. Я привожу несколько выдержек из этого документа:

«Таким образом, даже при «оптимальном» варианте (то есть при условии заключения международного соглашения о предотвращении ядерной войны) военные преимущества и возможность спасения многих тысяч американцев от гибели при немедленном использовании атомной бомбы против Японии приведут к подрыву доверия к США, а волна негодования во всем мире вызовет раскол общества в самих Соединенных Штатах...

Из этого следует, что в крайнем случае испытания нового оружия должны быть проведены в присутствии представителей Объединенных Наций и в пустынном районе или на необитаемом острове...»

Этот взволнованный и обстоятельно аргументированный документ заканчивается следующими строчками: «С научной точки зрения абсолютно исключено, что Соединенные Штаты останутся единственным обладателем атомной бомбы в течение достаточно длительного времени. Научные данные, на основе которых бомба была создана, хорошо известны в других странах. Если не будет установлен действенный международный контроль над ядерными взрывчатыми веществами, в мире неизбежно начнется гонка ядерных вооружений, как только станет известно оружие данного типа...

Исходя из вышеизложенного, мы убеждены, что нельзя допустить использования атомной бомбы для устрашения Японии без предварительного уведомления. Если же Соединенные Штаты станут первым государством, пустившим в ход против человечества это слепое средство разрушения, то они могут навсегда утратить поддержку со стороны общественного мнения и нанесут огромный вред делу заключения международного соглашения по контролю над этим оружием в будущем...» *

Даже теперь, через десятки лет, в этом документе нельзя опустить или заменить ни слова. Однако из предостережения ученых не было сделано никаких выводов. Трумэн, сменивший Рузвельта на посту пре-

---

* Jungk R. Op. cit., pp. 359, 399.

зидента, никогда не отступал от той точки зрения, что русские и немцы должны взаимно уничтожать друг друга. Позднее он изменил ей только в том, что стал убеждать Германию уничтожить Россию при «бескорыстной» помощи со стороны Америки.

Война с Японией подходила к кульминационному моменту. Продолжая военно-морские операции и скачками продвигаясь на запад с острова на остров, американцы в тяжелых боях захватили остров Иводзима, последний рубеж перед вторжением на территорию собственно Японии. Во время этой битвы, длившейся целый месяц (она началась 19 февраля 1945 года), американская морская пехота потеряла 4,5 тысячи убитыми из 21 тысячи выведенных из строя. Взяв этот рубеж, американский военный флот находился в тысяче километров к юго-востоку от Токио. К началу июля генерал Макартур, продвигаясь со своими частями на север, ценой больших потерь захватил наконец Окинаву. Впрочем, об этом уже рассказывалось выше. После Иводзимы и Окинавы на пути в Японию больше не было серьезных препятствий. Военно-воздушные и военно-морские силы Японии практически были уничтожены. Я был на борту авианосца в битве за Иводзиму и Окинаву. На Окинаве я оказался после того, как операция закончилась. Во время этих боев я часто беседовал с офицерами из морской пехоты, с морскими стрелками и пехотинцами. Заключительная операция намечалась на 1 ноября 1945 года. О том, что военно-морские силы совместно с морской пехотой должны были начать штурм самой Японии, знали все. Высшие офицеры, с которыми мне приходилось разговаривать, прекрасно понимали, что Япония будет взята, даже если за это придется заплатить очень дорого, и что это будет так, а не иначе, они иллюзий не строили. В этих беседах обязательно затрагивался один вопрос: сдержит ли Сталин свое обещание и начнет ли Советская Россия военные действия против Японии на Азиатском континенте. Квантунская армия Японии состояла из отборных частей, почти не пострадавших в боях, и в Маньчжурии у нее была мощная промышленная база. Чаще всего высказывалось мнение, что Советский Союз не пойдет на это.

«Зачем ему это?— задавался вопросом один адми-

рал, командующий специального подразделения, с которым мы часто беседовали в минуты затишья.— Его бы больше устроило, если бы мы сами ввязались в войну на континенте». Другой, исходя из того, что Сталин всегда выполнял намеченное, рассуждал в ином направлении: «Хорошо, пусть так, но, если они действительно придут в Китай, как мы их потом оттуда выдворим?! Лучше сейчас воевать с японцами, чем потом с русскими».

Из этого ясно, что для всех этих людей атомная бомба была идеальным решением вопроса: парочку бомб на Японию, чтобы покончить с войной, парочку — на японцев в Маньчжурии, и русские бы поняли, что раз Соединенные Штаты владеют атомной бомбой, надо «быть поосторожнее». Совершенно очевидно, что такие мысли не высказывались уже потому, что состояние атомных исследований держалось в строгом секрете, даже от высших офицеров. Из содержания этих разговоров можно себе представить, с каким восторгом была воспринята бомба, сброшенная на Хиросиму.

Еще одним поводом для размышлений и источником информации было для нас пребывание на «Бенингтоне»— авианосце, участвовавшем в операциях по высадке в Японии. Здесь вместе с моим постоянным спутником Биллом Макгафином (из «Чикаго дейли ньюс») мы делили адмиральские апартаменты с Робертом Шервудом — членом «мозгового треста» Рузвельта. Подобно Гарри Гопкинсу, это был один из соратников американского президента. С этим обаятельным, умным и добрым человеком было всегда приятно общаться. Мы воспользовались отсутствием военно-морского министра Джеймса Форрестола, * который перебрался на флагманский корабль. Шервуд нас немало интриговал вопросом, с которым он частенько обращался к офицерам, членам экипажей, пилотам, пытаясь выяснить, как мы относимся к тому, что в войне с Японией будет использовано неклассическое оружие колоссальной мощности. Многие думали, что речь идет об удушливых газах. Он почти всегда по-

* Того самого, который впоследствии, вообразив, что советские танки ворвались в сад больницы, в которой он лечился, выбросился из окна своей палаты (1949 г.).

лучал единодушный ответ: «Что угодно, лишь бы скорее покончить с войной и вернуться домой». Эти настроения были понятны. Кто мог испытывать к японцам нежность, зная, как свирепо они воюют и как жестоко обращаются с военнопленными?! Сам я с огромным нетерпением ждал конца войны, чтобы снять форму и начать гражданскую жизнь. У Макгафина мысль о возможности применения некоего решающего оружия не вызывала других мыслей.

В начале июня 1945 года так называемый Временный комитет, состоявший из тщательно и многократно проверенных людей, обсудил вопрос об использовании атомной бомбы и передал президенту Трумэну свои рекомендации:

— использовать бомбу против Японии при первой же возможности;

— применить ее против двойной цели — то есть помимо военного завода или другого военного объекта обязательно наличие или примыкание к объекту жилых домов и других строений, легко поддающихся разрушению;

— исключается какое-либо предварительное уведомление о характере данного оружия.

Последняя из рекомендаций концентрированно выражала суть сформулированных Гровсом условий применения атомной бомбы: «Первую цель не следует подвергать предварительным бомбардировкам, чтобы можно было точно определить эффективность атомной бомбы». Именно поэтому в том предупреждении, которое было передано по радио для японского народа, Хиросима и Нагасаки были исключены из списка 17 городов Японии, которые должны были подвергнуться массированным бомбардировкам!

Бомба прошла успешные испытания 16 июля, и все было теперь сосредоточено на подготовке настоящей бомбардировки по живой мишени.

Окончательное решение было принято Гарри Трумэном. Ему уже тогда было ясно, что война с Японией практически выиграна. Так, во время одного из заседаний на Потсдамской конференции И. В. Сталин показал Трумэну сообщение из Москвы. Трумэн, по всей видимости, уже знал о его содержании от американских спецслужб, перехватывших сообщение. В сообщении говорилось о предстоявшем 12 июля 1945 года приезде

в Москву бывшего премьер-министра Японии принца Фумимаро Коноэ, чтобы обсудить перспективу прекращения войны. В сообщении говорилось, в частности:

«Его Императорское Величество глубоко обеспокоено постоянно увеличивающимся числом жертв и непрекращающимися страданиями, выпавшими на долю народов, участвующих в войне. Он всем сердцем желает скорейшего завершения войны и горячо надеется на быстрейшее восстановление мира на благо человечества»*.

Если отбросить словесную шелуху, это было предложение о капитуляции. Сталин спросил у Трумэна, стоит ли отвечать на послание. Трумэн возразил. Встает вопрос, почему же в этот момент он забыл о «спасении американцев от гибели»?! Месяцем раньше Трумэн через Португалию получил информацию о том, что Япония была готова начать мирные переговоры, если не пойдет речь о безоговорочной капитуляции и Японии будут сохранены ее основные острова**.

В ответе Трумэн настаивал именно на этом — безоговорочная капитуляция и голова императора Хирохито. Он, помимо всего прочего, действовал тайно, в нарушение элементарных принципов дипломатии: ультиматум, отправленный Японии из Потсдама, мог рассматриваться как решение трех участников конференции — Соединенных Штатов Америки, Советского Союза и Великобритании. На самом деле Советский Союз не был поставлен в известность и о существовании ультиматума узнал после того, как его текст был передан по радио. Это было просто мошенничество (ничуть не меньшее, чем речь Черчилля в Фултоне девять месяцев спустя, с которой и началась «холодная война»). Оно служило иллюстрацией к тем методам, которые применялись в окружении Трумэна. Все дальнейшие дипломатические демарши, предпринятые американским президентом, созревали в головах юристов, приближенных к его особе.

То, что произошло на самом деле, очень правильно отражено в прекрасном двухтомном труде Д. Флеминга «Холодная война» и ее причины. 1917—

---

* US State Department. Foreign Relations of the USA. Conference of Potsdam. Vol. VI, p. 876.

** Foreign Relations of the USA. 1945. Vol VI, Far East, p. 485.

1960», вышедшем в 1961 году в Нью-Йорке. «Когда Советский Союз,— писал Д. Флеминг,— 8 августа объявил войну Японии, корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве признавался, что уже за несколько месяцев до этого знал об обещании Советского Союза вступить в войну с Японией через три месяца после победы в Европе. И консультант по военным вопросам, и главный редактор этой газеты утверждали, что они знали о соглашении, достигнутом в Ялте. Черчилль в своей речи 16 августа также подтвердил, что вступление Советского Союза в войну предусматривалось 8 августа... Таким образом, бомба произвела бы наибольший эффект, будь она сброшена накануне или сразу после этой даты. Торжественное предупреждение должно было быть послано из Потсдама «всеми главными противниками Японии без исключения». Советский Союз без всяких сомнений включался в число главных противников, поскольку в соответствии со своими обязательствами должен был вступить в войну против Японии. Но фактически и юридически его можно было и не принимать в расчет, и предупреждение было послано без его ведома...

В этой связи некоторые детали стали известны от государственного секретаря США Бирнса. Через своего военного министра Стимсона американская делегация знала, что успех состоявшихся 16 июля испытаний атомной бомбы превзошел все ожидания. 26 июля во время вечернего заседания Потсдамской конференции была получена телеграмма, в которой Чан Кайши подтвердил согласие на предъявление Японии ультиматума. Его текст стали называть «Потсдамской декларацией». Как утверждал Бирнс, разрешение на опубликование декларации было дано немедленно, и ее копия со специальным курьером была отправлена В. Молотову. В тот же вечер Молотов позвонил и попросил на два-три дня задержать ее опубликование. Когда ему сказали, что декларация уже предана гласности, «он проявил беспокойство». На следующий день Бирнс объяснял Молотову, что Советскому Союзу не предъявили декларацию, «чтобы не поставить Советский Союз в затруднительное положение» в связи с тем, что он еще не был в состоянии войны с Японией. Молотов четко ответил, что с ним следовало бы проконсультироваться. Он был шокирован еще и потому, что Сталин уже дважды в

течение конференции ставил в известность Трумэна и Бирнса об усилиях Японии добиться посредничества Советского Союза. Со стороны Советского Союза не было дано повода для подобного обращения, и Трумэн не скрывал в этой связи своего удовлетворения»*.

До этого момента как Соединенные Штаты, так и Великобритания стремились всеми силами склонить Советский Союз принять на себя 2 миллиона японских солдат, находившихся в Китае.

Япония, как и следовало ожидать, отвергла ультиматум как «недостойный». «Малыш» и «Толстяк» срочно отправились в Тиниан на Марианских островах. Обе бомбы были смонтированы и подготовлены — на 6 августа для Хиросимы и на 9 августа для Нагасаки.

---

* Fleming D. F. The Cold War and Its Origin, 1917—1960. Doubleday and Company, New York, 1961, pp. 302—303.

ГОРЬКАЯ ЦЕНА ТРИУМФА

Предупреждение «Чикагской семерки» о «волне негодования во всем мире», которая «вызовет раскол общества в самих Соединенных Штатах», оказалось пророческим. О реакции американского народа на атомную бомбу можно судить по тому, как драматически сложилась судьба капитана Клода Изерли — пилота самолета, который дал «зеленый свет» для сбрасывания бомбы на Хиросиму *. Роберт Юнг в предисловии к книге австрийского философа и пацифиста Гюнтера Андерса «Пылающее сознание», содержащей переписку Андерса и Изерли, писал: «Известно, что после Хиросимы капитан Клод Изерли в течение многих дней ни с кем не разговаривал. Однако на базе в Тиниане, где экипаж, получивший таким сомнительным путем всеобщую известность, ожидал демобилизации, это никого не взволновало. Думали, усталость. Это часто случалось и в других ситуациях. К тому же в 1943 году после тридцати месяцев бесконечных патрулирований в южной части Тихого океана у Изерли уже случилась нервная депрессия...»

Описав первую реакцию в Соединенных Штатах, когда «такое же состояние подавленности по поводу Хиросимы не расценивалось как проявление слабости духа, а осуждение атомной бомбы тогда еще не вызывало подозрений», Юнг замечает, что тем не менее уже появилась новая единица измерения: она стала называться «мегасмерть» и служила для обозначения одного миллиона жертв атомной бомбы.

Клод Изерли еще до войны женился на актрисе из Голливуда, которая была ему хорошей женой. После долгих лет военной разлуки они смогли нако-

---

* Самолет «Стрэйт флэш» («Б—29»), который вел летчик К. Изерли, был послан вперед, чтобы разведать погоду. В сплошном покрывале облаков как раз над Хиросимой оказался просвет диаметром в двадцать километров. Изерли радировал следовавшему за ним Тиббетсу: «Облачность меньше трех десятых на всех высотах. Бомбите первую цель».

нец более или менее спокойно жить в своем доме и наслаждаться вместе с детьми всеми радостями нормального счастливого домашнего очага. Так было днем, однако ночью его мучили галлюцинации и кошмары. Сначала это было не так страшно: несколько капель микстуры избавляли от депрессии, таблетки прогоняли бессонницу. Но довольно скоро эти средства перестали действовать. Во сне Изерли преследовали искаженные лица сгоравших в аду Хиросимы людей.

Он начал посылать в Хиросиму конверты с деньгами. Он писал в Японию письма, в которых либо обвинял себя, либо пытался оправдаться. Многие из товарищей по армии и большинство американцев стали называть его «чокнутым». На самом деле он был просто нетипичным офицером: был наделен совестью. Первую попытку самоубийства он совершил в 1950 году, проглотив солидную дозу снотворного. Но его вовремя откачали и по его просьбе отправили в военный психиатрический госпиталь в Вако (штат Техас). Он пробыл там полгода, но вышел оттуда без значительного улучшения. Затем была вторая попытка самоубийства. Жена пригрозила разводом, если он не вернется в больницу. Диагноз главного врача госпиталя в Вако доктора Макэлроя был неутешительным: глубокое расстройство психики, потеря чувства реальности, фобический синдром, состояние беспокойства, замедленные эмоциональные реакции, галлюцинации. Юнг в упомянутом предисловии справедливо отметил: муки совести считались «патологическим явлением», его впечатлительность интерпретировалась как «эмоциональная неуравновешенность», а именно они-то и отличали его от тех, кто без угрызений совести спокойно уживались со своим прошлым.

Изерли подвергли интенсивному лечению инъекциями инсулина... На сей раз что-то удалось, он вернулся к жене, но исподволь болезнь начала рецидивировать. Он принялся воровать деньги, чтобы отправлять их в Хиросиму. Кончилось тем, что жена ушла от него, его лишили права видеться с детьми. Он стал национальным курьезом, о подъемах и спадах в его состоянии начали писать газеты. В 1959 году рассказы о нем привлекли внимание моралиста и философа Гюнтера Андерса — человека оригинального и блестящего ума. Он сразу понял, в чем дело, и вступил с

Изерли в переписку. Это помогло бывшему пилоту поправиться и начать борьбу против системы, разрушившей его жизнь. Он становится борцом за мир.

Написанное Юнгом об Изерли меня очень заинтересовало. У меня возникло ощущение, что это аналогично тому, что я наблюдал в Японии в поведении хибакуся — они сумели преодолеть свое состояние, организоваться и перейти в наступление. «Меня поразило то,— писал Юнг,— что эта переписка, вне всякого сомнения, оказала на Изерли терапевтическое воздействие. Там, где лекарства и психиатры оказались бессильны, проницательный, понимающий, душевно тонкий человек смог вернуть измученному Изерли внутренний мир и чувство безопасности, надежду и цель в жизни»*.

В общем и целом они написали друг другу 55 писем, но в книге, кроме того, имеется несколько писем, направленных Г. Андерсом президенту США, министру юстиции и ряду видных американских деятелей, а также письма некоторых членов семьи Изерли. Переписка начинается с 3 июня 1959 года, когда Андерс направил Изерли первое письмо, и заканчивается 11 июля 1962 года — датой последнего из писем, написанных Андерсом.

В истории с Изерли немало от той возмутительной дымовой завесы, с которой мы уже сталкивались по поводу «атомной болезни». Клода Изерли поместили в психиатрический госпиталь потому, что он обратился к общественному мнению и откровенно высказал свое негодование всеми ужасами, которые были совершены в Хиросиме, а также в связи с подготовкой атомного оружия для еще более страшных преступлений. Это было наказание за смелость. Когда по собственной воле он оказался в госпитале в Вако, у него действительно было умственное расстройство. И он действительно совершил несколько незначительных проступков, чтобы перед лицом всего мира заявить о своей виновности. Его переписка с таким мудрым и гуманным человеком, как Гюнтер Андерс, помогла ему постепенно прийти в спокойное состояние, вернула ему ясность ума и открыла перед ним новые цели. Но чем нормальнее он становился, тем суровее

---

* Anders G. Burning Conscience. Weidenfeld and Nicholson, London, 1961, pp XIII—XV.

были меры, принимаемые против него. Несмотря на усилия таких крупных деятелей, как Бертран Рассел и американский ученый Лайонс Поулинг, Изерли продолжали удерживать в госпитале, хотя переписка с Андерсом прекратилась *.

Несколько отрывков из писем, которыми обменивались Андерс и Изерли, показывают, что переписка оказала самое благотворное влияние на американского пилота. В первом весьма пространном письме Андерс писал: «Обычно для того, чтобы избавиться от мучительных угрызений совести, их просто-напросто отбрасывают и продолжают жить так, как если бы ничего не произошло. Из сознания вычеркивается все, что связано с прошлым, чтобы этого непосильного чувства вины просто не существовало. Как раз для того, чтобы подавить его, не надо никаких усилий. Это случай Вашего приятеля — парня, который работал на борту «Энолы Гэй»: он продолжает жить как честный человек и не поддается каким-либо сомнениям и сам себе объясняет это так: «Для меня это была обычная бомба, лишь чуть побольше, чем другие». Приводя его в пример, Вас и хотят вылечить. Еще один, даже более убедительный пример. Речь идет о президенте. Вам он дал «зеленый свет», а Вы — второму бомбардировщику. Так что он находится в таком же положении, как и Вы, если не в худшем. Но более того — он не поступил так, как Вы. Несколько лет назад (возможно, в свое время Вы об этом слышали) в одном из интервью, попирая все нормы морали, он публично заявил, что не испытывает «никакого сожаления и никаких угрызений совести». Этим он хотел сказать, что его правота доказана временем. А в день своего 75-летия, подводя итоги жизни, он сказал, что единственное, о чем сожалеет,— это о том, что не женился до 30 лет...»**.

Убедившись в мужестве Изерли, делающем ему честь, и проанализировав побудительные причины его поведения, Андерс в первом из писем в 1959 году предложил Изерли дать выход своим чувствам, отправив в Хиросиму к 6 августа обращение примерно такого содержания: «Ваша борьба — это и моя борьба. Как и вы, я говорю: «Пусть никогда больше не пов-

* Клод Изерли умер от рака 6 июля 1978 г. в Хьюстоне (штат Техас).

** Anders G. Op. cit., pp. 80—82.

торится Хиросима...» И Андерс добавил в своем письме: «Потому что Вы, Изерли, тоже являетесь жертвой Хиросимы».

(Когда я впервые посетил музей памяти в Хиросиме, я заметил, что меня считают автором лозунга: «Пусть никогда не повторится Хиросима!» Как известно, он стал призывом к объединению людей против атомного оружия. Его связывают с моей статьей в «Дейли экспресс», но это ошибка. Сам я часто прибегал к нему во время поездки по Австралии, призывая поддержать Стокгольмское воззвание.)

12 июня 1959 года Изерли ответил Андерсу, что перечитал его письмо несколько раз и хотел бы регулярно переписываться.

«Я хотел бы,— писал он,— изложить Вам мою точку зрения на основные проблемы, волнующие сегодня мир... Я не отношу себя ни к религиозным, ни к политическим фанатикам и надеюсь, что так оно и есть. Однако с некоторых пор я пришел к убеждению, что кризис, который мы все переживаем, требует коренной переоценки наших ценностей и наших представлений о чести... Мне кажется, случившееся со мной надо рассматривать именно с этих позиций, чтобы подлинный смысл этих событий дошел до каждого, живущего на Земле...»

Эти высказывания мало похожи на бред сумасшедшего. Однако официально Изерли считался таковым. В одном из последующих писем Андерсу (его дата не проставлена) Изерли напишет: «Я выступал перед сторонниками мира почти на всей территории Соединенных Штатов и старался доказать необходимость прекращения производства, испытаний и хранения ядерного оружия. Я выступал также по телевидению, кстати говоря, вместе со служителями христианской церкви. Надо признать, что в школы или высшие учебные заведения меня не приглашали. С месяц назад начальник штаба военно-воздушных сил генерал Туайнинг пытался перевести меня в больницу Уолтера Рида в Вашингтоне под тем предлогом, что меня-де там будут лучше лечить. Однако мой лечащий врач не отпустил меня. Мы с ним понимали, что Туайнинг пустился на эту уловку лишь для того, чтобы обо мне и моем «деле» меньше шумели: «вредная» для армии информация. Они хотели бы заставить меня замолчать. Слава богу,

мой врач еще верит мне. Мне разрешают работать — писать все, что я думаю, здесь, в госпитале».

Изерли писал с уверенностью, что вскоре сможет выйти из госпиталя. Хотя курс лечения был рассчитан на три месяца, врач посоветовал ему задержаться в госпитале еще ненадолго. Изерли считал это нормальным. «Я всегда,— подчеркнул он,— делаю то, о чем он просит. Он лечит меня уже два года». В другом письме он сообщил Андерсу о том, какие последствия имел его совет обратиться к жителям Хиросимы. Он послал обращение в Хиросиму. Тридцать жителей города, переживших бомбардировку, прислали ему письма, в которых отмечали его мужество и благодарили за обращение. «Сейчас,— читаем мы в письме Изерли,— я не помню всего, что написал в Хиросиму, но я рассказал людям, что был тем офицером, который дал сигнал к сожжению Хиросимы, что я никогда не смогу забыть этого и мучительно переживаю от сознания своей вины. Я просил у них прощения. Я писал, что люди не должны воевать. Зачем воевать? Война — это безумие, она бесчеловечна. Мы, люди, самые совершенные из созданий, должны отвергнуть ее. Те, кто остались под развалинами Хиросимы, взывают к миру. Я верю, что люди протянут друг другу руки и сумеют вместе построить лучший мир».

Постепенно Андерс внушил своему корреспонденту мысль, что он хорошо послужил бы человечеству, написав книгу о том, что с ним произошло, и о том, как была сломана его жизнь. Он говорил о трудностях, ожидающих Изерли по выходе из госпиталя, давал советы, как их преодолевать и как начать работу. Все складывалось так, что Изерли должен был обязательно вскоре выйти из госпиталя.

«Может случиться так,— писал Андерс,— что многие из тех, кто связан с Вами годами молодости, и даже члены Вашей семьи отвернутся от Вас. Помните, что они закоснели в своем быту, они не могут понять ни того, что Вы пережили, ни того, что Вы вынесли из Ваших переживаний. Кроме того, появится рой «комаров»: они будут сосать из Вас кровь, эксплуатировать Вашу известность, чтобы, прикрываясь Вашим именем, рекламировать свои столь же наивные, сколь и несуразные идеи... На Вашем месте я бы с самого начала ежедневно, несмотря ни на что, отводил час-дру-

гой для работы над Вашей биографией... Когда Вы возьметесь за перо, с Вами, возможно, произойдет то же, что со всеми пишущими людьми. Вас охватит отчаяние, так как Вы не будете знать, с чего начать. Это совершенно нормально, и, поверьте, с этим легко справиться... Как только напишете первый абзац, Вы увидите, что не сможете остановиться... Я понимаю, что все это может показаться трудным, но теперь у Вас есть цель в жизни. И эта совершенно конкретная цель избавит Вас от отчаянных поступков, которые уже однажды чуть не разрушили Вашу жизнь...».

В следующем письме Изерли согласился писать книгу, но тут же предложил Андерсу, чтобы он ее редактировал. «Прежде всего,— написал в ответ Андерс,— Вы должны попытаться сделать это сами. Ведь речь идет о Вашей жизни, о Ваших переживаниях, о Ваших надеждах и Вашем мужестве». Он посоветовал ему избегать «профессионализмов» и сохранить простой разговорный стиль его писем. Он писал: «Мне известны эти муки перед листом бумаги, вставленным в машинку, когда начинаешь большую статью или книгу. И я знаю, как важно начать. Я всегда давал начинающим журналистам один и тот же совет: не пытайтесь удивить начальство или читателей Вашей эрудицией и Вашим умением владеть языком. Представьте себе, что Вы пишете письмо очень близкому другу, которому не безразлична Ваша жизнь. Я сам делал так вначале и находил для своих мыслей простые и понятные слова. Немного усилий — и статья готова».

Выписка Изерли из госпиталя все время откладывалась. Какие-то лица оказывали на его брата нажим, они требовали, чтобы он ничего не предпринимал. И он действительно тянул с поручительством, что позволило бы Изерли выйти из госпиталя. Было ясно, что причины этой нерешительности носили политический характер. Он уговаривал Изерли бросить писать и прекратить выступления против войны. Между тем Изерли чувствовал себя как никогда хорошо, у него открылись и литературные способности. В этом легко убедиться, если прочитать его письмо священнику N (имя не установлено), который в очень учтивой форме интересовался, в чем конкретно заключалась его задача во время бомбардировки Хиросимы:

«Я командовал самолетом-наводчиком, называв-

шимся «Стрэйт флэш». Я должен был долететь до цели, то есть до Хиросимы, собрать информацию о метеорологических условиях и состоянии наземной и воздушной обороны японцев. Я летал над целью около 45 минут, замеряя плотность облаков, частично закрывавших город. Я служил своего рода мостом, связывающим военный штаб с местом событий. Около пятнадцати японских самолетов кружили на высоте 5 тысяч метров, но не сделали ни одной попытки приблизиться к моему самолету, летевшему на высоте 10 тысяч метров. Вскоре исчезли и они. В тот день, 6 августа 1945 года, над Хиросимой на высоте 4—5 тысяч метров были рассеянные перисто-кучевые облака. Они, казалось, продвигались к городу со скоростью 15—20 километров в час. Было около половины восьмого утра. Цель была хорошо видна. Погода казалась мне идеальной. Город не будет закрыт облаками, и военные смогут оценить разрушительную мощь бомбы... По коду я передал последнюю команду самолету, на котором находилась бомба... Она упала прямо вниз... Это была совершенно новая бомба. И это произошло... Теперь мы должны предпринять все, что в наших силах, чтобы Хиросима больше никогда не повторилась.

Теперь, когда Вы знаете, какую роль я сыграл в выполнении этого задания, хочу сказать Вам, что в тот день, 6 августа 1945 года, я поклялся посвятить жизнь предотвращению войны и запрещению всех видов ядерного оружия. Я произнес эту клятву в молитве, возвращаясь на базу. И я поступлю именно так, чего бы это мне ни стоило!

С тех пор как я дал эту клятву, прошло почти пятнадцать лет. За это время я перенес психические и нервные заболевания, вызванные сознанием вины за совершенное преступление. Около восьми лет из этих пятнадцати я провел в госпиталях и некоторое время в тюрьме. Только в тюрьме я чувствовал себя счастливым. Сам факт наказания немного облегчал мне чувство вины...»

Это письмо, написанное 8 августа 1960 года, принесло Изерли новые неприятности. Цензура стала относиться к его письмам с бо́льшей строгостью, и он должен был искать тайные пути для их передачи. В письме к Андерсу от 20 сентября он написал: «...У меня плохие новости. Все, что я узнал в последние дни о моем «ос-

вобождении», приводит меня в ужас. Мои братья и сестра приехали за мной, но врач отговорил их подписать документы, и они подали прошение о моем постоянном содержании в госпитале...» Это письмо разминулось с письмом Андерса, ожидавшего выхода Изерли. В письме было много хороших советов о том, как Изерли должен будет вести себя, помня о надзоре тех, кто хотел вновь упрятать его в больницу.

«На Вашем месте,— писал он,— я бы поселился в каком-нибудь городке на берегу моря, где есть хорошая библиотека. Несколько часов на работу, чтобы писать, несколько часов на плавание или другой спорт, несколько часов на чтение... Ни под каким видом я бы не поехал туда, где родственники и друзья непременно будут затевать разговоры и дискуссии. Я бы не притрагивался к алкоголю и, между нами, избегал бы женщин. Одним словом, я бы заставил стонать от скуки тех, кто будет наблюдать за мной исподтишка...»

Андерс советовал вновь взяться за автобиографию и обсуждал с ним вопросы стиля. Изерли к этому времени уже передал ему несколько глав для книги. «Один совет, который я, кажется, Вам уже давал,— писал Андерс.— Когда я сравниваю Ваши письма и Ваши статьи, разница поразительная. Письма написаны живо и четко, их стиль отличает взволнованность, чувство юмора. Короче, они гораздо лучше со всех точек зрения. Стиль становится более доступным и более человечным, если пишешь для кого-то определенного, а не когда пишешь для всех и ни для кого. Было бы хорошо, чтобы по крайней мере вначале Вы бы считали, что описываете жизнь в форме письма, адресованного ну хотя бы мне или кому-то в Хиросиме. И трудности исчезнут, потому что в конечном счете Вы же привыкли писать письма, а не книги...»

А тем временем в отчаянии от предательства родных Изерли бежал из госпиталя. Но сохраняя здравомыслие, он повел себя так, как советовал ему Андерс. В письме, которое Андерс получил в Вене 1 ноября, Изерли подробно объяснил, почему он так поступил. Вот эта душераздирающая исповедь:

«Дорогой Гюнтер! Очень сожалею, что не написал Вам раньше. Я пытался выйти из госпиталя легально, с помощью адвокатов и потерпел фиаско. Дело в том, что из армии поступило прошение о моем постоянном

содержании в госпитале и просьба не уведомлять меня о вызове в суд с тем, чтобы я не мог туда явиться. На прошлой неделе я говорил с моим новым лечащим врачом *. Он сказал мне, что я, к сожалению, стал слишком известен и что было бы лучше, если бы я прекратил писать статьи против атомной бомбы, в частности, в американские журналы, распространяющиеся за рубежом. Он, кроме того, сказал, что помочь мне ничем не может и что он и персонал госпиталя должны выполнять приказ армии и указание госдепартамента. Я спросил, намерен ли он оставить меня навсегда в госпитале, и он утвердительно кивнул.

Я принял меры и с помощью друзей бежал... Теперь я скрываюсь у надежных друзей... Я не могу отсюда выйти, потому что мне повсюду расставлены ловушки, меня хотят поймать... Теперь я заживо замурован, хотя сделал все, чтобы избежать этого. Надеюсь, Вы не считаете меня окончательным дураком... Гюнтер, я выберусь отсюда, не волнуйтесь. Вокруг столько людей, которые делают все, чтобы спасти меня...»

Уже за несколько месяцев до побега из госпиталя Изерли приобрел широкую известность благодаря тому, что написанные им статьи и ряд писем были опубликованы Андерсом, который не только давал дружеские советы, но и использовал для этого свои связи в Японии, в Западной Германии и в ряде других стран. Именно поэтому и были приняты новые меры предосторожности, чтобы окончательно заставить его замолчать. Переписка все же продолжалась несколько месяцев. На конвертах вместо своего адреса Андерс указывал адреса своих друзей, которые согласились передавать письма. Но Изерли недолго пользовался свободой. Полицейский узнал его в машине и остановил за «проезд на красный свет». Итак, опять возвращение в Вако?! Пресса подхватила этот инцидент, чтобы вновь доказать его «сумасшествие». На этот раз он предстал перед судом. Переписке был положен конец. Андерсу, однако, удалось получить судебное заключение о «помешательстве» бывшего пилота, и он написал 10 февраля 1961 года Изерли:

«...В протоколе суда,— писал он,— есть интересные данные о трудностях, с которыми столкнулись члены

* К этому времени дружески настроенный врач, который лечил Изерли более десяти лет, был заменен неким «светилом».

суда присяжных. У них не было оснований подтвердить Вашу неуравновешенность, на чем настаивали врачи. Свой вердикт они объясняли следующим образом: в конечном счете они-де не эксперты и только врачи компетентны решить этот вопрос, а они не могут опровергнуть их мнение... Все без исключения медицинские сестры свидетельствовали в Вашу пользу: они говорили, что никогда не замечали за Вами анормального поведения. Из этого я делаю вывод, что Вы вели себя в глазах всех остальных *анормально*: порядочно и сохраняя достоинство.

Одно место в этом протоколе привело меня в ужас. Я узнал, что Вас переведут из прежней палаты в отделение для сумасшедших, для опасно сумасшедших, и, следовательно, Вас лишат обычных контактов с обычными людьми. А между тем это крайне необходимо. Нетрудно догадаться, почему Вы попали в западню. Они надеются сделать из Вас сумасшедшего, наказать Вас за то, что Вы не сумасшедший. Их ложь станет «правдой», и потом они смогут бахвалиться, что с самого начала правильно поставили диагноз...»

Среди многочисленных достоинств, которыми обладал Андерс, была и глубокая порядочность. Он откровенно пересказал Изерли текст протокола судебного разбирательства и заключения о новых условиях содержания. Эти документы ему переслал человек, не знавший Изерли, но присутствовавший на заседании суда. «Человек, написавший письмо, практически ничего о Вас не знал и не имел предвзятого мнения... Он пишет, что Вы проявили удивительное присутствие духа и производили впечатление наиболее здравомыслящего из всех присутствовавших, включая врачей и судей, что Вас не покидало чувство юмора. Вы иронически воспринимали все происходящее, сохранили хладнокровие и ничем не выдали своего разочарования, обманув ожидания тех, кто считал себя вправе судить Вас. Я должен Вам сказать, что улыбался сам, когда читал о том, что Вы улыбались... Я уважаю ваше мужество...»

Некто Рэй Бэл, журналист из «Вако ньюс-трибюн», написал Гюнтеру Андерсу 1 марта 1961 года о встрече с адвокатом Изерли и о том, что его глубоко возмутило решение суда и еще больше то, что произошло с бывшим пилотом. «Если говорить честно,— писал

он,— я был крайне удивлен решением, вынесенным судом 12 января, и я поражен абсолютной тупостью суда... Не нужно быть психиатром, чтобы оценить абсурдность суждения о психическом состоянии человека из характера его рукопожатия. Я уверен и считаю, что это был самый разоблачительный из современных судебных процессов, а может быть, и не только современных». В своем ответе Андерс упомянул статью Бертрана Рассела, опубликованную в Лондоне в «Нью стейтсмен» 17 февраля 1961 года, в которой философ, ссылаясь на письма Изерли, писал: «Если написавший эти письма сумасшедший, то я хотел бы провести последние годы жизни в сумасшедшем доме, по крайней мере для того, чтобы получить удовольствие от общения с людьми, способными на человеческие чувства...»

Последнее из опубликованных писем Изерли датировано 7 июля 1962 года. Благодаря вмешательству президента Кеннеди и его брата, министра юстиции Роберта Кеннеди, Изерли удалось выйти из отделения «для особо опасных» и он пользовался режимом, дававшим ему «некоторую свободу». Новый лечащий врач пытался ему помочь. В предшествующие семь недель он не писал, так как был лишен возможности передать письма — здание, где его содержали, было под особым контролем... Свое последнее письмо к Изерли Андерс написал 11 июля. Оно полно теплоты и воодушевления: «Никогда раньше я не писал Вам с такой радостью и надеждой». Он в свою очередь считал, что изменения в положении Изерли свидетельствовали о скором освобождении. Он писал, что собрал под обращением в его защиту подписи лорда Бертрана Рассела, физика Макса Борна, итальянских писателей Моравиа и Карло Леви, мэра Хиросимы, а также других видных международных деятелей. Как и прежде, он давал мудрые советы, как избежать излишних волнений при выходе на свободу. Он рассказывал, как Альфред Дрейфус, узнав о своем освобождении, продолжал автоматически мерить шагами камеру, хотя дверь была открыта. Только усилием воли он смог переступить порог, отделявший его от жизни. «Не удивляйтесь,— предупреждал Андерс,— если Вы испытаете подобное замешательство. В этом нет ничего ненормального... Знаете,

Клод, день, когда Вы выйдете на свободу, станет и для меня днем освобождения».

Трагедия Изерли — не единичный пример в современной Америке, когда правящие круги находят свои критерии, чтобы объявить того или иного человека сумасшедшим. Во время войны в Корее я присутствовал при обмене военнопленными, который начался 20 апреля 1953 года. Стоило вернуться первым больным и раненым, как американские власти начали шумиху, что теперь-де следует ожидать рассказов об ужасах и жестокостях. Но... бывшие военнопленные вовсе не были истощены и заявляли, что с ними обращались хорошо, их правильно лечили. И тогда вместо того чтобы отпустить людей домой, их отправили в психиатрический госпиталь и держали там до тех пор, пока не вмешалась пресса, опубликовав материалы о том, почему они исчезли и где находились. Их объявили сумасшедшими только потому, что они отказывались подтвердить то, что им предлагали, а именно,— что они подвергались пыткам, голодали и терпели жестокое обращение. Им сделали «промывание мозгов», чтобы вернуть в «нормальное состояние».

Изерли долгое время был практически отрезан от внешнего мира, и поэтому не мог знать, что такой аргумент в пользу применения атомной бомбы, как «спасение сотен тысяч жизней американцев», оказался насквозь фальшивым. Как считал Стимсон, предполагаемые потери при штурме Японских островов могли достигнуть миллиона человек (убитыми и ранеными). Трумэн, однако, в своей речи 6 апреля 1949 годы говорил, что прибегнул к атомной бомбе затем, «чтобы спасти 200 тысяч американских солдат и 200—400 тысяч солдат противника». Он добавил, что не раздумывая сбросил бы бомбы еще «для блага нации» и «спасения демократии»*.

Все это сущий вздор! К тому времени японцы по дипломатическим каналам уже сообщили о готовности капитулировать (об этом мы уже писали выше), а их военное положение было просто безвыходным: некогда мощный военный флот лежал на дне Тихого океана, военно-воздушные силы практически больше не существовали, отборные войска, ожесточенно отстаивавшие военные базы и другие оккупированные террито-

* Fleming D. F. Op. cit., pp. 296—297.

рии, уничтожены. Комиссия, проверявшая после войны эффективность массированных бомбардировок, которым подвергались города Японии, пришла к заключению, что, даже если бы атомная бомба не была применена, а Советский Союз не вступил в войну, Япония сдалась бы, «несомненно, до 31 декабря, а может быть, и до 1 ноября 1945 года» *.

О положении на островах Японии можно судить из дневника доктора Митихико Хатия, о котором я уже упоминал в одной из предыдущих глав. Он писал: «После полудня, поддавшись искушению, я тоже решил отправиться на поиски «клада». Подойдя к развалинам со стороны казарм, я заметил людей, разгребающих мусор. Я остановился и увидел, что они выбирали металлическую посуду и какие-то ржавые инструменты. Я тоже порылся немного там и сям, нашел какие-то предметы, все это было поломано и ни к чему не пригодно. Под грудой черепицы я нашел старый железный топор... Потом я перебрался на то место, где раньше был полигон. Разгреб пепел и нашел стволы ружей с обгоревшими прикладами... Тут же валялись гильзы, но не из латуни, а из какого-то непонятного сероватого металла очень плохого качества. Я продолжал поиски и наткнулся на бамбуковые пули и бамбуковые сломанные копья. Потом я нашел топоры разной формы, кирки, пилы: «Вот что происходит со страной, проигрывающей войну,— подумал я.— Эрзац меди, деревянное оружие. Солдатам предлагалось сражаться бамбуковыми копьями в последнем, героическом усилии уничтожить еще одного врага. Теперь я понял, почему весной солдатам разрешили побывать дома. Возвращаясь, они должны были захватить с собой все металлические предметы, найденные в доме или в деревне. Этот металлолом свалили возле казарм, и из него изготовляли различный военный инвентарь...» **

Что же касается 400 тысяч японцев, якобы спасенных Трумэном благодаря атомной бомбе, то как это назвать, если не лицемерием? Я и сегодня помню, как в марте 1945 года несколько дней подряд приходилось вскакивать в 5 часов утра и, пристегнув парашют, втискиваться в «Б-29». То же самое делали и другие корреспонденты, за каждым был закреплен «свой» бомбар-

* Fleming D. F. Op. cit., p. 295.
** Hachiya M. Op.cit., p. 189.

дировщик. Инструктировал нас генерал Кёртис Лимэй. За легкость, с которой он объявлял о потерях после каждой операции, военные корреспонденты прозвали его «Лимэй-убийца». Мы готовились к первому налету «Б-29» на Токио. Когда кто-то поинтересовался, какие объекты будут бомбить, он подмигнул и, злобно улыбнувшись, сказал: «Как всегда, только военные». В случае попадания снаряда зенитной артиллерии — у японцев не было истребителей, способных достать нас на высоте 10 тысяч метров,— согласно инструкции, следовало, сделав глубокий вдох, прыгнуть и, если мне не изменяет память, сосчитав до шестнадцати, дернуть за кольцо парашюта. В противном случае нам грозила смерть от удушья. Поэтому мы в свободном падении должны «долетать» до плотных слоев атмосферы и только тогда раскрывать парашюты. В течение трех дней приказ отменялся в связи с плохими метеорологическими условиями над Токио. На четвертый день я решил не лететь и подождать до завтра. Но именно в этот день бомбардировщики вылетели. Спустя несколько месяцев, когда я ехал из Йокосуки в Токио, я испытал глубокое облегчение от того, что не полетел в тот день. Между Иокогамой и Токио, насколько мог видеть глаз, все было превращено в пепел. В самом Токио огонь уничтожил целые жилые кварталы. Деревянные дома с окнами, затянутыми промасленной бумагой, горели в этом адском пламени, как спички. Эти полеты позднее стали называть «огненными рейдами». В декабре 1946 года в журнале «Атлантик мансли» была опубликована статья Артура Кэмптона, состоявшего научным советником при Рузвельте и Трумэне. Он признавал в этой статье, что во время одного из таких «рейдов» погибло 125 тысяч жителей Токио (мне всегда хотелось думать, что речь идет о том самом, которого я избежал), во время другого — 100 тысяч. Во время воздушной атаки 6 марта 1945 года Токио (24 кв. км) был превращен в пепел. Как позднее отмечал Стимсон, во время только одного рейда на Токио в огне погибло больше людей, чем от атомной бомбардировки Хиросимы*.

Атомная бомба не только не спасла японцам ни одной жизни, но, напротив, добавила к ошеломляющему числу жертв бомбардировок среди гражданского населения еще 300 тысяч убитых в атомном аду.

---

* Fleming D. F. Op. cit., p. 295.

«ЯСТРЕБЫ» ПРЕДВЕЩАЮТ «ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ»

Клод Изерли, некогда герой, один из «парней победы», сбросивших атомную бомбу на Хиросиму, был превращен в «предателя», стал отверженным. Изменилось отношение и к Советскому Союзу. Еще недавно называвшийся не иначе, как «доблестный союзник», он был переведен в разряд «неприкасаемых».

Черчилль однажды сказал, будто бы Сталин «требовал» созыва Потсдамской конференции, чтобы вмешаться в войну с Японией. Это было мелкое вранье, и кому-кому, а Черчиллю правда была хорошо известна. 9 августа 1945 года в «Нью-Йорк таймс» была напечатана статья корреспондента Ассошиэйтед Пресс, освещавшего пребывание Трумэна на Потсдамской конференции. Он писал: «Окончательное согласие России вступить в войну против Японии — теперь это можно признать — было задачей № 1 для Трумэна, когда он собирался на конференцию. Он неоднократно говорил о том, что вступление Советского Союза в войну сократило бы потери США на сотни тысяч человек. Даже по пути в Европу, расположившись на верхней палубе крейсера «Аугуста», Трумэн, рассуждая о «незавершенных делах», вновь и вновь возвращался к этой теме. Прежде всего он хотел «использовать воздушные базы Советского Союза» для налетов на Японию и захваченные ею территории.

Сообщение об успешном испытании атомной бомбы коренным образом изменило его намерения. Изменилась и его политика. Уже через четыре дня после того, как японский император Хирохито объявил по радио о поражении Японии и готовности капитулировать, Соединенные Штаты прекратили поставки Советскому Союзу по ленд-лизу, в том числе продовольствия, в котором ощущалась острая нужда, и транспортных средств гражданского назначения. «Доблестному союзнику» давали понять, что в

нем больше не нуждаются... После Хиросимы Трумэн пытался отойти от достигнутых в Ялте соглашений и полностью изменить политику Рузвельта, считавшего необходимым продолжать после войны корректное сотрудничество с Советским Союзом, начатое и успешно развивавшееся в военное время. Это было начало пресловутой политики «отбрасывания». Трумэн заговорил о «силах зла», о «более благородных целях» и «более возвышенной морали» Соединенных Штатов. Ныне, спустя сорок лет, то, что так часто высказывает Рейган, удивительно напоминает речи Трумэна. Однако заметим, что Рейган замахивается не только на социалистические страны, он грозит всему человечеству! Не этого ли так страшился «чокнутый» Изерли? 27 октября 1945 года в речи, посвященной дню военно-морских сил, Трумэн заявил, что не пойдет «ни на какой компромисс с «силами зла», и выдвинул 12 принципов, «наиболее полно соответствующих морали и демократии в том виде, как их понимают в США». Многих современных политических обозревателей немало удивляет, до какой степени стиль, риторика и политика Рейгана воссоздают эпоху Трумэна, хотя с тех пор и прошло 40 лет. В особенности когда речь заходит об использовании атомного оружия для шантажа Советского Союза.

В октябре 1945 года, спустя три месяца после Хиросимы, Трумэн заявил: «Атомные бомбы, сброшенные на японские города, должны открыть новую эру в укреплении единства и дружбы миролюбивых государств... Мы относимся к этой новой разрушительной силе как к святыне». Та же борьба «добра» со «злом», те же нелепости, то же лицемерие — разве не их использовал Рейган для обоснования бредовой программы «звездных войн»! Это все те же клише — добиться торжества «правды над неправдой, добра над злом» и положить конец «агрессивным намерениям империи зла». Сколько раз это произносилось (и с каким апломбом!) в 40-х годах Трумэном!

Надо же было так извратить понятия добра и зла, проповедуемые во всех религиях, трактуемые всеми философскими школами, те понятия добра и зла, которые мы унаследовали вместе с культурными традициями, идущими из глубокой древности, чтобы

уничтожение в атомном пожарище японских городов выдавать за «добро», а вызванные этим преступлением негодование и возмущение во всем мире за «зло», чтобы всю ту ложь, которую Трумэн и его военные и политические соратники нагородили вокруг уничтожения сотен тысяч беззащитных японцев, именовать «добром», а намерения использовать в дипломатии силу атомных бомб считать исходящими из «добрых побуждений»?!

Именно в этом, рассуждал тогда военный министр Г. Стимсон, и заключалась политика американского правительства. Вот что пишет по этому поводу американский историк Б. Бернстейн:

«Военный министр Стимсон и государственный секретарь Джеймс Бирнс своевременно оценили то значение, которое атомная бомба может иметь для внешней политики Соединенных Штатов. Что касается Стимсона, то в его глазах она с самого начала играла роль «козыря» в дипломатии. Бирнс же после Хиросимы и Нагасаки сгорал от нетерпения использовать бомбу как «весомый аргумент» на переговорах с Россией. В свою очередь Трумэн, несомненно, был за то, чтобы занять жесткую позицию и оказать сопротивление распространению влияния России в Восточной Европе...» В одном из своих выступлений на Потсдамской конференции Трумэн заявил, что Румыния, Болгария и Венгрия должны «быть исключены из сферы влияния» какой бы то ни было державы, и напомнил (вне всякой связи?), что Соединенные Штаты являются «обладателем атомной бомбы»*. Не очень заботясь о деликатности, с присущей ему напористостью он потребовал, чтобы «все, что касалось Запада», решалось «самими западными державами без всякого вмешательства извне». (Он ведь был уверен, что Соединенные Штаты еще много лет будут удерживать монополию на ядерное оружие!..)

Однако тот же Стимсон, считавшийся «ястребом» и стремившийся использовать монополию на атомную бомбу для давления на Советский Союз, уходя на пенсию и передавая пост своему заместителю Р. Патерсону, все же признавал подобную ситуацию сомнительной. Тогда же и Уильям Лоуренс отмечал

---

* Bernstein B. Op. cit., p. 35.

с тревогой (насколько искренней, это еще вопрос!), что во всем мире угроза нового использования атомной бомбы считалась вполне реальной. Против кого же? А разве кто-либо не понимал, против кого? Лоуренс представлял дело так, что администрация Трумэна только и делает, что обсуждает вопрос, делиться или нет с Советским Союзом секретом атомной бомбы. Следовательно, никто из этих занимавших ответственные посты лиц и не думал о ее запрещении в будущем*.

Несмотря на крайний консерватизм Стимсона, как человека умного и дальновидного, мучила тревога за будущее. Госсекретаря Бирнса, этого ограниченного и политически близорукого «супер-ястреба», не только не посещали какие-либо сомнения, но, как рассказывают, он был убежден, что Соединенные Штаты по крайней мере еще лет семь будут обладать монополией на ядерное оружие, и упрямо строил свою внешнюю политику, исходя только из этого.

В книге «Холодная война» и ее истоки: 1917—1960» Д. Ф. Флеминг рассказывает, что, отдыхая в горах после Потсдамской конференции, Стимсон много размышлял и пришел к пересмотру своей позиции и к переоценке политики администрации Трумэна относительно ядерного оружия и Советского Союза. Он сделал вывод, что в отношениях с людьми всю свою жизнь придерживался одного правила — доверяй людям, и они будут достойны этого доверия. Именно такой линии следовало придерживаться и в отношениях с Советским Союзом. Поэтому 11 сентября 1945 года он передал президенту Трумэну одну из самых важных записок. В ней Стимсон обращал внимание на следующий момент: если по собственной воле не предложить Советскому Союзу разделить ответственность за существование атомного оружия на основе доверия и сотрудничества, то придется включиться в безудержную гонку вооружений. Он считал, что для налаживания нормальных отношений с Советским Союзом «надо прежде всего решить проблему атомной бомбы», поскольку русские рано или поздно будут ее иметь. И следовало немедля стать добровольными партнерами, гото-

* См.: Bernstein B. Op. cit., pp. 319—320.

выми к сотрудничеству. Это вопрос жизненной важности! Отношения между обеими державами могут быть испорчены, если не будет найден надлежащий способ решения проблемы. «Если,— писал Стимсон,— не откладывая, не пойти русским навстречу, а вести переговоры, демонстративно угрожая бомбой, то их недоверие и подозрения относительно наших намерений и наших планов только увеличатся». В этом случае Советская Россия предпримет максимум усилий, чтобы самостоятельно решить эту проблему. Он считал, что есть все основания рассчитывать на то, что русские положительно воспримут эту прямую и откровенную инициативу Соединенных Штатов. Стимсон, кроме того, предупреждал, что необходимо, чтобы эту инициативу, отбросив всякие соображения, поддержала Великобритания, а также группа малых стран, которые во время войны были лишены возможности разделить международную ответственность. В противном случае Советский Союз не может серьезно отнестись к предложениям США.

Таким образом, Стимсон обрисовал в главных чертах план действий. Он предложил, чтобы державы договорились о прекращении всяких работ в области атомного оружия, о замораживании уже существующих его запасов и о запрещении применения атомного оружия в случае войны, если правительства трех стран совместно не смогут договориться о другом.

Эта программа поиска безотлагательного и недвусмысленного соглашения с русскими была предложена спустя всего лишь месяц после атомной бомбардировки Хиросимы. Ее сформулировал один из самых опытных политических и государственных деятелей Соединенных Штатов Америки. В наиболее ответственные для США периоды Стимсон в разное время был заместителем военного министра, затем государственным секретарем, а на всем протяжении самой крупной для Соединенных Штатов войны он возглавлял министерство обороны. Если кто и заслуживал, чтобы прислушались к его мнению (кстати, высказанному в публичном заявлении), так это был Стимсон. 21 марта 1945 года на заседании в Белом доме — последнем, на котором он присутствовал в

качестве министра, ибо в этот день подал в отставку,— Стимсон настойчиво добивался внимания к своей точке зрения и требовал незамедлительно установить контроль над ядерными вооружениями путем прямых переговоров с Советским Союзом...

Однако комитет начальников штабов считал, что Соединенные Штаты должны «сохранить за собой секрет атомного оружия», и, конечно же, попытки осуществить инициативу, предложенную Стимсоном, предпринято не было. Трумэн «уважал своего военного министра и доверял ему», но не до такой степени, чтобы доверять еще и русским.

К мудрому совету Стимсона не прислушались, и в результате произошло то, что он и предсказывал. Президенты, пришедшие на смену Трумэну, продолжали начатую им политическую линию и привели мир к крайней неустойчивости, которая сохраняется и поныне. Монополия на бомбу внушила американцам неслыханное высокомерие, которое отныне было характерно для всех, кто держал в стране бразды правления, будь то военные или гражданские деятели.

Военный самолет, в котором я летел в свое время из Соединенных Штатов в Англию, был набит американскими офицерами из оккупационных войск в Германии. Я все еще носил форму военного корреспондента. Дело в том, что в самом конце войны нам, корреспондентам, присвоили звание майора, и это давало некоторые преимущества в обеспечении транспортом, жильем, право пользоваться офицерской столовой и т.п. Американцы принимали меня за своего. В их рассуждениях отчетливо слышался «голос хозяина», они буквально, слово в слово повторяли рассуждения Трумэна. «Наш век — век Америки,— говорили они.— Власть в наших руках, черт побери, и мы сумеем этим воспользоваться. Мы расправились с немцами и с японцами, теперь надо показать русским, что так продолжаться не может». Свои высказывания они неизменно подкрепляли атомным бахвальством. Тогда это было только начало. За три года и три месяца работы в Берлине по-прежнему в качестве корреспондента «Дейли экспресс» я наслушался и не такого. Тогда в сбивчивой форме эти офицеры излагали принципы, которые потом были положены в ос-

нову официальных отношений с Советским Союзом в рамках четырехсторонней администрации Берлина.

Черчилль официально благословил эту политику в своей знаменитой речи в Фултоне 5 марта 1946 года, которую обычно современные историки считают (по-моему, ошибочно) началом «холодной войны». Мне кажется, что «холодная война» началась раньше, в июле 1945 года, когда Трумэн во время Потсдамской конференции получил записку «Это — мальчик». Почему, для того чтобы поддержать самые милитаристские аспекты политики Трумэна и, если уж говорить правду, чтобы подтолкнуть его идти и дальше, и быстрее, был избран именно Фултон? Да потому что Трумэн вышел из Фултонского университета! Черчилль к тому времени уже не был премьер-министром. Английские избиратели, несмотря на его заслуги в военные годы, не доверили ему послевоенную политику. Присутствовавшего в Фултоне Трумэна это не смутило, и он назвал Черчилля «одним из самых великих людей современности». За что же? Я привожу здесь выдержки из речи Черчилля, которые по-своему примечательны, хотя и выдают их автора с головой как ярого милитариста. Упомянув для проформы об Организации Объединенных Наций и о необходимости, не откладывая в долгий ящик, придать ей международные вооруженные силы, он сказал: «Было бы, однако, неосторожно и ошибочно доверять этой международной организации, пока она еще так неопытна, секрет атомной бомбы, которым пока обладают Соединенные Штаты, Великобритания и Канада. Было бы преступным безумием допустить распространение этого оружия, поскольку мир разъединен и не знает покоя. Народы спят спокойно лишь потому, что знаниями, техникой и сырьем, необходимыми для производства этой бомбы, владеют США. Я уверен, что наш сон не был бы столь спокойным и глубоким, если бы дела обстояли иначе и какое-то коммунистическое или неофашистское государство имело монополию на это страшное, разрушительное оружие. Используя угрозу его применения, они могли бы навязать свою тоталитарную систему свободному демократическому миру. От такой перспективы содрогается человеческое воображение. Бог не захотел, чтобы это произошло, и мы по крайней мере можем набрать пол-

ную грудь воздуха, прежде чем окажемся перед лицом подобной угрозы. Если же это случится, мы предпримем надлежащие меры и наше подавляющее превосходство позволит создать мощные силы устрашения, чтобы помешать другим применить бомбу или угрожать ее применением...»

Для тех, кому что-то осталось неясно, или тех, кто будет читать его выступление в западных газетах и журналах в сокращении, Черчилль постарался все поставить на «свои места», воздав хвалу англосаксонскому миру, его концепции демократии и т. п. Он говорил о необходимости «особых связей между Британским содружеством наций и Соединенными Штатами, о продлении заключенных договоров, обеспечивающих взаимную безопасность путем совместного использования военно-воздушных и военно-морских баз обеих стран во всем мире...» Как известно, эта политика впоследствии стала называться политикой «взаимозависимости». Далее он перешел к той части в своем выступлении, которая и принесла ему малозавидную репутацию зачинщика «холодной войны». «Доблестный союзник» — выражение, которым неизменно пользовался Черчилль во время войны, говоря о Советском Союзе,— был преобразован в опасного еретика, которого лучше всего было бы сжечь на костре. Он сказал: «Тень опустилась над той частью мира, которую еще недавно осеняла общая победа союзников. Никто не знает о намерениях Советской России и всемирной организации коммунистов на ближайшее будущее и никому не известны пределы — если таковые существуют вообще — их экспансии.

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике опустился «железный занавес», он разделил континент надвое. За этой линией находятся все бывшие столицы государств Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София. Все они, как и население соответствующих государств, входят в сферу советского влияния, в той или иной степени находятся не просто под советским влиянием, но под жестким контролем Москвы. Только Афины, гордые своей неувядающей славой, свободны определять свое будущее путем выборов, в присутствии британских,

американских и французских наблюдателей...» *

И так далее... В действительности перечисленные Черчиллем города были освобождены от гитлеровских захватчиков Советской Армией при участии часто весьма незначительных сил Сопротивления. Все страны, столицы которых перечислил Черчилль, посылали на Восточный фронт свои войска, которые участвовали в боях на стороне гитлеровцев.

Во время войны американские потери на всех театрах военных действий (включая погибших и пропавших без вести), по официальным данным, составили около 400 тысяч человек. Великобритания потеряла убитыми и пропавшими без вести, включая добровольцев территориальной обороны и вспомогательные службы, примерно столько же. По самым строгим оценкам потери Советского Союза равны 20 миллионам человек. Эти цифры красноречивы. Они говорят о том, какой вклад внесла каждая из союзных держав в разгром гитлеровской коалиции.

Вряд ли кому-то вздумается отрицать существование «железного занавеса», разделившего Европу надвое. И среди информированных обозревателей никто не стал бы отрицать, что «железный занавес» опустился прежде всего в результате политики «отбрасывания», открыто провозглашенной Трумэном. Ее целью было преградить путь распространению советского влияния, а пример Греции, приведенный Черчиллем, мягко говоря, мало удачен, поскольку английские оккупационные войска только и ждали, как бы с помощью оружия истребить в стране те самые силы, которые героически сражались против гитлеровских оккупантов. В условиях, когда англичане поддерживали всех, кто прежде сотрудничал с Гитлером, а руководителей антигитлеровского Сопротивления арестовывали, выборы в Греции стали самым тривиальным фарсом. Меня выслали из Греции с явной подачи англичан, как только 31 марта 1946 года эти выборы прошли. Дело в том, что в своих корреспонденциях я рассказал читателям «Дейли экспресс» обо всем, что я увидел в это время в Салониках и греческой Македонии. Я написал также о неизбежности возникновения в этих условиях

* Keesings Contemporary Archives, pp. 7770—7771.

гражданской войны. В то время политика левых сил — Фронта национального освобождения, представлявшего силы антифашистского Сопротивления,— заключалась в том, чтобы бойкотировать выборы. Я видел, как для того, чтобы этого не произошло, греческая армия, поддержанная британскими вооруженными силами, брала в кольцо буквально каждую деревню. К избирательным участкам всех, кто должен был голосовать, сопровождали солдаты, в тех, кто старался ускользнуть, просто стреляли. На следующий день после выборов я побывал в тюрьмах (меня считали наблюдателем от Организации Объединенных Наций), где разговаривал с людьми, получившими пулевые ранения или избитыми до полусмерти за то, что они попытались не участвовать в голосовании. Мой репортаж занял всю первую полосу в «Дейли экспресс». В результате меня выслали из Греции. «Вы еще легко отделались, и я ничем не могу Вам помочь»,— сказал мне в напутствие британский консул в Салониках.

В Афинах я так и не увидел того «гордого» города, который «свободно определял свое будущее путем выборов в присутствии британских, американских и французских наблюдателей...». Британское «присутствие» было весьма зримым, так как английские бронированные машины патрулировали в районах, являвшихся оплотом левых сил. Именно эти строки из моей статьи особенно возмутили консула в Салониках.

Гражданская война разразилась вскоре после выборов — Соединенные Штаты впервые применили напалм.

Угроза использования атомной бомбы против Советского Союза не могла изменить общее направление его политики. Администрация Трумэна приступила к разработке водородной бомбы, отбросив как нечто назойливое протесты ведущих американских ученых и творческой интеллигенции.

Как показывает развитие событий, Курчатов воспринял слова Сталина «надо поторопиться» как руководство к действию.

НЕ ЖАЛЕЯ СВОИХ...

Где бы я ни был, тени Хиросимы всегда были рядом... В 1949 году я работал в Западном Берлине... Год выдался плохим для Трумэна. Его все чаще обвиняли в том, что он своевременно не воспользовался монополией Соединенных Штатов на ядерное оружие, а его политика «отбрасывания» не дала зримых результатов. Развитие событий, однако, показало, что для суперфанатиков ядерной войны, ждавших за кулисами своего часа — смены Трумэна, год тоже был не из лучших. В штабе генерала Люсиуса Клея в Германии преобладали «ястребы», которые все свои надежды возлагали на приход республиканского кандидата Томаса Дьюи на пост президента в 1948 году. Вот тогда-то уж они бы устроили атомный фейерверк. Их надежды, как известно, не оправдались.

В то время я третий год работал корреспондентом «Дейли экспресс» в Берлине — «пороховой бочке», как тогда его называли. Мне хорошо было видно, кто в той игре «дергал за веревочки». Я бы прежде всего назвал Роберта Мэрфи —«политического эмиссара» Клея, отличившегося еще во время войны, когда, будучи генеральным консулом Соединенных Штатов в Алжире, сотрудничал с неким Лёмэгром-Дюбрёем, который возглавлял группировку французов, симпатизировавших нацистской идеологии и саботировавших действия де Голля в Северной Африке. Был еще бригадный генерал Уильям Дрейпер, «эмиссар по экономике». Как президент «Диллон Рид энд К°», слившейся с Банком Моргана, он финансировал восстановление тяжелой промышленности Рура после первой мировой войны и намеревался заняться этим после второй. Среди них процветал и полковник Фрэнк Хоули — фанфарон, командовавший бронетанковым полком, весьма ограниченный во всех отношениях, кроме одного — он был одержим антисоветизмом. Клей представлял Соединенные

Штаты в четырехсторонней военной комендатуре Берлина.

Может показаться, что все, о чем я говорю, не относится к Хиросиме. Но только на первый взгляд. Монополия на атомную бомбу не давала покоя американским милитаристам, она оказывала на них возбуждающее действие. Чтобы заставить русских отступить от принципов, принятых в Потсдаме, они шли не только на угрозы, у них чесались руки сбросить атомную бомбу на советские города.

Конкретным вкладом генерала Клея в политику «сдерживания», проводившуюся Трумэном, стала операция под названием «Особый отряд Хельмштадта». Маленький немецкий городок, расположенный на стыке советской и британской оккупационных зон, всего в 100 километрах к западу от Берлина, остался бы для истории неизвестным, если бы через него не проходил основной поток железнодорожных и автомобильных перевозок между Советским Союзом и странами Запада. Хельмштадт в любую минуту мог стать Сараевом третьей мировой войны. Здесь не прекращались провокации против Советского Союза. Я был свидетелем многих из них. Например, на Запад незаконно вывозили фашистских главарей в военных поездах, предназначенных исключительно для военного персонала союзников. Американцы, да и англичане, прекрасно могли переправить этих военных преступников воздушным путем через аэропорт Западного Берлина. Но союзники возили специально завербованных бывших гестаповцев туда и обратно, между советской и западными оккупационными зонами, пытаясь спровоцировать столкновение с русскими. При этом оккупационные власти стран Запада настаивали, чтобы такие перевозки осуществлялись вне всякого контроля с советской стороны. Вскоре эти перевозки были прекращены. Я был в последнем из таких рейдов, чтобы выяснить, почему все-таки Советский Союз настаивал на контроле. Что и говорить, мне пришлось убедиться, что основания для этого были. Потом был создан «воздушный мост», о котором так много накручено в политике и прессе. По «воздушному мосту» Клей мог перевозить в западные секторы Берлина абсолютно все — от порошкового молока до угля. Но все делалось так, чтобы спровоцировать

«казус белли». Запад же представлял ситуацию как «блокаду Советами Западного Берлина».

Это были еще цветочки. Согласно разработанному плану, особый отряд должен был молниеносно перекрыть автостраду, связывавшую Хельмштадт с Берлином, а «ремонтные бригады»— обеспечивать коммуникации. Это и было бы применением стратегии «сдерживания» на практике, при этом неизбежное сопротивление советских войск было бы подавлено с помощью атомного оружия. Разумеется, операция была сформулирована не в таких выражениях, но ее смысл не был секретом для тех, кто пропускал стаканчик вместе с Клеем и Хоули. В качестве «личного представителя» лорда Бивербрука в Берлине и очевидца событий в Хиросиме я относился к тем немногим, кто был «допущен» в эту компанию! Я не мог не написать о своих опасениях в статье для «Дейли экспресс». Однако от главного редактора газеты Кристиансена я получил письмо, в котором он подчеркивал, что, несмотря на несомненную важность моих сообщений, статья не может быть пока опубликована. Он также просил обо всем сообщать ему лично, а уж дальше он позаботится о том, чтобы информация попадала по назначению. В этой связи я должен повториться и вновь сказать, что мысль о третьей мировой войне (и она была бы ядерной) была Кристиансену так же ненавистна, как мне. Что касается моего «патрона», лорда Бивербрука, я не был знаком с ним лично, хотя к этому времени работал на него около девяти лет. Он был весьма противоречивым человеком, слыл же редким реакционером. Когда в первый и последний раз я побывал у Кристиансена в кабинете, расположенном на каком-то там этаже знаменитого небоскреба из дымчатого стекла на Флит-стрит, я был немало удивлен, увидев на стене за креслом огромную фотографию улыбающегося Бивербрука и столь же приветливого Сталина. Дело в том, что во время войны Бивербрук дважды приезжал в Москву: то в качестве министра авиационной промышленности, то — министра снабжения. Пока советники из министерства иностранных дел безуспешно пытались использовать старые связи, Бивербрук, прибыв в Советский Союз, сразу же попал к Сталину. Эти два решительных и непреклонных

человека сумели быстро договориться и успех переговоров закрепили за дружеским ужином.

Вечером Бивербрук, терпеливо выслушав от своих помощников подробный отчет о том, с кем им удалось встретиться и с кем наладить связь не удалось, сказал: «Ну, ладно. Можете складывать чемоданы, мы возвращаемся. Я со Сталиным все уладил». С первого же момента встречи эти люди прекрасно поняли друг друга. Выходец из Канады, Бивербрук так и остался «чужаком» в среде английской аристократии, пренебрежительно называвшей его «политическим авантюристом». Консерваторы брали у него деньги, его принимали с почестями, его сделали лордом, но при этом только терпели. И только в годы тяжелых испытаний, когда понадобились его энергия и способности, ему были доверены высокие государственные посты. Надо сказать, что и он никогда не питал доверия к английским правящим кругам и их приспешникам. Он и журналистов подбирал родом из колоний. Меня, например,— из Австралии. Люди, его уважавшие, между собой его называли «бобер»*, те же, кто не любил,— «скотиной».

Во время встречи Кристиансен сообщил мне, что мои статьи из Хиросимы и инициатива (поскольку я первым оказался на месте событий) произвели впечатление на «бобра». Он сообщил мне, что я должен вернуться в Берлин, и добавил: «Мы просим вас внимательно следить за попытками возрождения нацизма, в том числе за проявлением снисхождения к нацистам со стороны британских оккупационных войск». Так в первые послевоенные годы я стал близким сотрудником известного ультраконсерватора. Кристиансен же «высоко ценил» мои конфиденциальные послания. С особым удовольствием он стал их получать после того, как «взаимозависимость» начала приносить плоды и колоссальные суммы в долларах потекли из американских сейфов в Великобританию, что, естественно, не позволяло «Дейли экспресс» публиковать заметки с критикой в адрес Соединенных Штатов — об их политике в Германии и о систематически проявлявшемся патологическом антисоветизме, о вербовке главарей нацистских военных

* Фамилия Бивербрук образована от английского «beaver» (бобер) и «brook» (ручей).— *Прим. перев.*

преступников и фактическом сотрудничестве с бывшими гестаповцами. Кстати, к последнему была склонна и Англия. По всей видимости, все мои сообщения попадали непосредственно «бобру».

Англичане и особенно французы относились к операции «Особый отряд Хельмштадта» более чем сдержанно. Они вовсе не стремились быть втянутыми в войну с Россией, тогда как для американцев в этом и состояла действительная цель. Впрочем, и они не были уверены, что русские поддадутся на провокацию. Они не могли не понимать, что Советская Россия понесла колоссальные потери во время войны, находилась едва ли не на грани голода и была в более трудном положении, чем страны Западной Европы. Один английский офицер сказал мне как-то: «Американцы не могут понять русских, как любитель бейсбола не может оценить поклонника шахмат. Вся зона от Хельмштадта до Берлина уже нашпигована минами и, бог знает, еще какими средствами пассивной обороны. Мы быстро увязнем в этой авантюре, а ведь русские могут и не сделать ни единого выстрела. Что же тогда будет? Французы ни под каким видом не пойдут на это дело, не говоря о голландцах и других союзниках». В преддверии выборов Трумэн вынужден был считаться с подобным отсутствием энтузиазма у своих западноевропейских союзников.

Однако Клей, не имевший никакого опыта в данной области, и его политические крестоносцы ждали одного — что Дьюи победит и даст им «зеленый свет». Операция была назначена на март 1949 года, то есть на время, когда Дьюи уже обоснуется в Белом доме, а Джон Фостер Даллес станет госсекретарем. Незадолго до выборов Дьюи прибыл в Берлин, чтобы познакомиться с обстановкой на месте. Он встретился с английскими корреспондентами. Я был на этой встрече. В самых холодных выражениях он упрекал Великобританию в нерешительности. Следом приехала комиссия конгресса по вооруженным силам во главе с сенатором Бриджесом. В нее входили также конгрессмены Шорт и Шэфер. Вместе с несколькими журналистами мы перехватили Шорта и Шэфера, когда они после заседания на высшем уровне отправлялись на официальный обед. Нас было трое: Лео Мьюри из «Манчестер гардиан», Питер Стурцберг из

выходившей тогда лейбористской газеты «Дейли геральд» и я из «Дейли экспресс». В совещании принимали участие военный министр Кеннет Ройал, министр авиации Стюарт Саймингтон, генерал Уолтер Бедел Смит (бывший посол в Москве и будущий хозяин ЦРУ) и генерал Люсиус Клей. До этого комиссия побывала в Париже, а также в штабе американских оккупационных войск во Франкфурте, где остался сенатор Бриджес. Приведу наш разговор.

«Познакомившись с нами и убедившись, что мы представляем газеты, объективно оценивающие события, Шэфер сказал: «Послушайте, скорее всего, многое мы не сможем вам рассказать, но все же валяйте, спрашивайте!»

Вопрос: Скажите о ваших впечатлениях о виденном и о совещании, проходившем сегодня.

Ответ: Столкновение с русскими неминуемо, и мы к нему готовы. Здесь сомнений быть не может. Чем дольше мы тянем, тем больше изменений не в нашу пользу. Должен сказать, что, когда мы направлялись сюда, нас многое смущало. Однако все увиденное и услышанное здесь придает нам уверенности, и мы готовы пойти на это, как только возникнет такая необходимость.

Вопрос: Считает ли Бедел Смит, что русские готовы к действиям?

Ответ: Не так буквально. Он не высказывался именно так, но он тем не менее думает, что столкновение неизбежно. И лучше, если начнем мы, как только будем готовы, не дожидаясь, пока будут готовы они.

Вопрос: Но кто же будет сражаться? Откуда возьмутся войска?

Ответ: Это не проблема, во всяком случае после того, что мы увидели в оккупационной зоне.

Вопрос: Значит ли это, что вы будете вооружать немцев? Вы рассчитываете возродить немецкую армию вот так, сразу?

Шэфер насмешливо подмигнул своему партнеру: «Как вы думаете, мы можем сказать что-нибудь определенное уже сейчас?» И, отвечая на свой же вопрос, сказал: «Я предпочел бы не отвечать на этот вопрос. Но вы, журналисты, можете узнать, что этот вопрос только что обсуждался. Вернувшись в Соединенные Штаты, мы подготовим доклад, в котором

будут изложены рекомендации конгрессу. Какие именно, я пока сказать не могу.

Вопрос: Генерал Гальдер, начальник генерального штаба германской армии, заявил недавно, что поддерживает постоянную связь с бывшими офицерами вермахта и для него не представляет трудностей собрать армию. Считаете ли вы это возможным?

Ответ: Да, конечно. Никаких проблем! Сырье у них есть, нужно только полным ходом запустить германскую промышленность. Надо признать, что она и сейчас в хорошем состоянии.

Вопрос: Французы высказывали некоторые сомнения на тот счет, следует ли восстанавливать сильную Германию, которая была бы в состоянии вновь начать войну. Несколько дней назад де Голль произнес по этому поводу убедительную речь. Он прямо заявил, что Франция не хочет усиления Германии. Обсуждался ли этот вопрос во время вашего пребывания в Париже? Насколько возможно рассчитывать на поддержку Франции, если столкновение произойдет?

Этот вопрос вновь вызвал усмешку у Шэфера. Он, как заместитель руководителя комиссии, будто бы хотел сказать: «Несчастные, если бы только я мог вам объяснить, что готовится!» Сказал же следующее: «Послушайте, ребята! Будьте уверены, что мы все это учли. Я тоже считаю, что с французами нелегко. Но я думаю, что в данном случае мы обойдемся и без них. Пусть только не вмешиваются, и больше ничего не требуется! Пусть будут не с нами, но и не против нас! Пусть не вмешиваются, и все! Мы сами сделаем все, что надо!» *

Не иначе, речь шла о том, что этим американским стратегам пехота нужна была только для расчистки территории и последующей ее оккупации. Несколько атомных бомб — и дело сделано! Позднее я показал эти заметки корреспонденту агентства Франс Пресс в Берлине Анри де Тюренну. Уже тогда это был незаурядный журналист. В дальнейшем он стал одним из лучших кинодокументалистов. Он моментально отреагировал, и на следующий же день материалы прошли крупными заголовками во всех газетах Франции. Они вызвали резкое возмущение Нацио-

* Burchett W. Cold War in Germany. World Unity Publications, Melbourne, 1950, pp. 165—167.

нального собрания страны. Однако в целом инцидент был предан забвению, будто речь шла о светской болтовне горстки американских конгрессменов.

Хельмштадту не привелось разделить славу Сараева. Этому не суждено было произойти по двум причинам. Прежде всего, вопреки ожиданиям Дьюи не был избран президентом. Не знаю, были ли приспущены флаги в знак траура в штабе Клея, но, уверен, огорчение фанатиков атомной бомбы было немалым. А вскоре министр внешних сношений Швейцарии пригласил к себе заместителя министра иностранных дел Великобритании и заявил ему, что Франция не примет участия в указанной военной авантюре, о чем бы он и хотел довести до сведения Соединенных Штатов Америки через Великобританию. В ту пору отношения между Францией и Америкой были настолько плохи, что подданные первой считали для себя «недостойным» вступать в непосредственные контакты с гражданами второй. Англичане выполнили поручение, присовокупив со своей стороны: «Поскольку Франция заняла такую позицию, то со своей стороны мы не считаем возможным...», и т. п. «Ястребам» из Пентагона и их берлинским прихвостням оставалось только скрежетать зубами, так как операция «Особый отряд Хельмштадта» была отложена. Трумэну пришлось проявить трезвость и здравомыслие — в те времена Соединенные Штаты не могли в одиночку пускаться на подобную авантюру.

После «берлинского кризиса» я уехал в Будапешт. Там я собирался обосноваться надолго и оттуда наезжать в другие страны Восточной Европы. Мне хотелось своими глазами увидеть, как живут их народы, самому убедиться в том доверии, которое они оказывают тому режиму, который Трумэн столь рьяно стремился «отбрасывать». У меня создалось впечатление, я бы сказал, убежденность, что им жилось совсем неплохо и они были полны решимости продолжать строить новое общество, навсегда отвергнув прошлое. Когда я приехал в Будапешт, началась война в Корее. В голове мелькнула мысль: план Клея! Он не удался в Германии, и теперь Макартур попытается осуществить его в Корее, где с союзниками можно и не считаться. Макартур гнул настолько независимую линию, что речь шла уже не только о союзниках,

но и о Белом доме. Трумэн в конечном счете отстранил его. Положение создалось крайне напряженное, и мир был на грани атомной войны.

Я поехал работать в Австралию. Оттуда меня направили в Корею для освещения переговоров о прекращении огня, начавшихся 8 июля 1951 года в Кейсоне, к югу от 38-й параллели, которая 25 июня 1950 года стала линией боевых действий.

Во второй половине 1949 года произошли два события, вызвавшие панику в Вашингтоне. В конце августа Советский Союз испытал свою первую атомную бомбу, на несколько лет опередив самые «пессимистические» прогнозы американских разведывательных служб. 1 октября 1950 года Мао Цзэдун, разделавшись с оснащенной Соединенными Штатами гоминьдановской армией, провозгласил образование Китайской Народной Республики.

Только очень наивный человек не увидел бы связи между этими событиями и началом войны в Корее. И столь же наивно было бы считать, что к ним не имеет никакого отношения информация, напечатанная в газете «Вашингтон пост» 8 апреля 1983 года под заголовком «Введение бесплатного медицинского обслуживания для солдат, участвовавших в американских атомных испытаниях». В ней говорилось:

«С опозданием на полтора года отдел ветеранов войны дал свое согласие на введение медицинского обслуживания для тех, кто участвовал в наземных атомных испытаниях и чьи заболевания могли возникнуть вследствие радиоактивного облучения.

Этот вопрос обсуждался на заседании комиссии по делам ветеранов при сенате. Итак, добились признания американские солдаты, участвовавшие в атомных испытаниях в Неваде и на Тихом океане в 1945—1962 годах. Считается, что их численность колеблется между 250 и 500 тысячами.

Предоставление бесплатного медицинского обслуживания приравнивает участников атомных испытаний к статусу ветеранов войны во Вьетнаме, которые в свое время подвергались воздействию дефолианта «оринж эйджент» и которым с большим скрипом эти ограниченные льготы были предоставлены.

Тем не менее правительство не намеревается смягчить позицию по прошениям о предоставлении

инвалидности, подаваемых от имени Национальной ассоциации участников атомных испытаний. По мнению экспертов, нет доказательств того, что полученная во время испытаний доза радиации могла вызвать ухудшение состояния здоровья их участников.

В 1981 году конгресс высказался за то, чтобы обеспечить бесплатным медицинским обслуживанием ветеранов, страдающих какими-либо заболеваниями в результате радиоактивного облучения или воздействия «оринж эйджент». Однако правительство пошло на эти меры только в отношении тех, кто пострадал от дефолианта; что касается бывших участников атомных испытаний, то им обслуживание предоставлялось в случае появления злокачественных опухолей или заболеваний щитовидной железы.

Национальная ассоциация участников атомных испытаний организовала демонстрацию протеста. Правительство обвинялось в неспособности выработать четкое определение случаев, в которых предоставляются пенсии по инвалидности.

С прошением о возмещении ущерба в результате атомных испытаний обратилось 2067 человек, из них удовлетворено 29 прошений и 29 — передано в суд».

Американские хибакуся были поражены, когда осознали, что добиться медицинского обслуживания им будет еще труднее, чем пострадавшим от атомной бомбы японцам. И, подобно фермерам из штата Юта, просившим о возмещении убытков, нанесенных атомными осадками, они тоже стали жертвами вероломства государства, что и признал впоследствии судья, который вел процесс фермеров. Участников испытаний атомной бомбы справедливо было бы приравнять к инвалидам войны в Корее, ведь не секрет, что те испытания, в которых участвовали они, проводились для выяснения того, в каких условиях пехота может продвигаться по вражеской территории и оккупировать ее, если таковая подверглась атомной бомбардировке. Количество уже погибших американцев неизвестно. Неизвестно, и сколько их погибнет в будущем. Когда будут сводить «дебет» и «кредит», их скорее всего зачислят в разряд тех «жизней», о спасении которых так «пеклось» в 1945 году американское правительство.

В книге «Солдаты атомной эры» ее автор Говард

Розенберг детально описывает, как и что произошло. Известный американский журналист Джек Андерсон, дерзкие выступления которого против правящих кругов не раз заставляли трепетать Вашингтон, во вступительной статье к книге написал об иллюзиях американцев, так веривших в бессрочную монополию США на ядерное оружие, об иллюзиях, которые развеялись как дым, стоило Советскому Союзу произвести свои первые атомные испытания. «В государственном масштабе,— отмечал Д. Андерсон,— страх хранителей тайны перед опасностью принял форму своеобразной шизофрении. Оберегая тайну, они с трудом скрывали ужас, который можно сравнить лишь с паранойей. Стремясь вернуть джинна в бутылку, они издавали приказы, запрещающие всякие обсуждения и исследования, связанные с атомной бомбой. Их вездесущая цензура проникала всюду, распространяя контроль и на военные исследования, и на мирное использование атомной энергии, вплоть до международных соглашений и возможностей использования атома в медицине...

Они перестали доверять даже создателям бомбы. Как засекретить атомные испытания, чтобы скрыть их от ученых, разработавших бомбу? Это была задача не из легких... Ее постарались решить, введя драконовские меры «охраны безопасности» и организовав «охоту на ведьм». До сих пор официальные круги держат американский народ в неведении относительно смертоносных осадков, вызванных испытаниями атомных бомб в 50-е годы. Опасные последствия взрывов в атмосфере проявляются ежедневно, и это вызывает беспокойство общественности. Однако о них просто-напросто не говорят, их замалчивают... Поспешность, с которой добывалось атомное могущество, привела к катастрофе: она стала источником неизменной опасности, а с помощью изощренных мер утаивания скрывалась правда от народа, которому эта опасность непосредственно угрожает»*.

Утаивались последствия радиации, от которой пострадали тысячи неизвестных американских солдат, участвовавших в испытаниях тактического атомного оружия, предназначенного для Кореи, и в усовершенствовании водородной бомбы стратегического

---

* Rosenberg Hovard L. Beacon Press, Boston, 1981, pp. 2, 4.

назначения. Так называемая Комиссия по атомной энергии служила в Корее прикрытием для зарвавшихся в стремлении пустить атомную бомбу в ход военных, для использования американских солдат как подопытных кроликов.

Если Соединенные Штаты пошли на переговоры о прекращении огня в Корее, то лишь потому, что военные действия зашли в тупик, почти на той самой линии, где и начались. И попытки любой ценой отбросить врага дальше на север полностью провалились. Сегодня абсолютно ясно, что проволочки и бесконечные перерывы в ведении переговоров осуществлялись для того, чтобы потянуть время и успеть заполучить тактическое атомное оружие. Его технические разработки были действительно ускорены, как только начались военные действия в Корее. Говард Розенберг писал в своей книге: «Время было той роскошью, которую в 1950 году программа ядерных испытаний не могла себе позволить.

Американские войска в июле высадились в Корее и отбросили северокорейцев за 38-ю параллель, разделяющую страну на две части. Бои шли с большими потерями, и в ноябре 1950 г. генерал Макартур, командовавший вооруженными формированиями ООН в Корее, заявил, что с северной стороны параллели военные действия вели не корейцы, а китайские коммунисты. При выборе места и времени продолжения программы испытаний атомной бомбы Комиссия по атомной энергии исходила из фактора неотложности и осуществления» *.

Выбор пал на район Тонопаха, недалеко от Лас-Вегаса (штат Невада). Там можно было производить и артиллерийскую стрельбу, и бомбардировки. Однако было очевидно — если станет известно, что американские войска участвуют в испытаниях, связанных с радиоактивной опасностью, это вызовет всеобщее негодование. Военные, заправлявшие в Комиссии по атомной энергии, заявили: «Необходимо обеспечить не только полную безопасность, но и *поддержку общественного мнения с помощью соответственно разработанной программы информации*». (Выделено Г. Розенбергом.) **

* Ibid., p. 29.
** Ibid., p. 30.

Однако разработанные в январе 1951 года допустимые дозы постепенно, по мере того как развивались все эти события, поднимались все выше и выше. Об испытаниях под кодовым названием «Бустерджангл» Розенберг рассказывает, что военные службы трех родов войск потребовали их проведения в условиях, наиболее приближенных к реальным, то есть с непосредственным участием личного состава боевых подразделений. Так впервые для установления «дозы, которую они могут выдержать», американские солдаты были подвергнуты воздействию атомной радиации. На следующем этапе их заставили подойти вплотную к эпицентру после произведенного взрыва, чтобы с каждым разом быстрее воспользоваться ситуацией, имитируя штурм «позиций противника». Некоторые руководители Комиссии по атомной энергии опасались скандала из-за нарушения условий безопасности. Представители гражданских служб отстаивали у военных право решения вопроса, но Комиссия по атомной энергии не могла переспорить Пентагон. Наконец Комиссия не нашла ничего лучшего, как заявить: «Если вы настаиваете на ваших предложениях, то и берите на себя ответственность», на что военные поспешили ответить: «Большое спасибо, именно так мы и сделаем». Как и следовало ожидать, они проявили беспредельную безответственность. А в результате — конфликт с Ассоциацией участников атомных испытаний, о котором я уже писал.

Были и вторичные последствия этих испытаний водородной бомбы: радиоактивные осадки достигли Нью-Йорка, что вызвало рост случаев лейкемии, рака печени и других типичных проявлений лучевой болезни. Как подчеркивал Розенберг, «постепенно Комиссия сняла с себя всякую ответственность за безопасность и здоровье людей, предоставив Пентагону решать эти вопросы. И это было ошибкой»*.

Более того, в первое время на все прошения о возмещении ущерба, поданные лицами, пострадавшими от радиации, а также фермерами, потерявшими свои стада, администрация отвечала, что она «не располагает никакими доказательствами, что это произошло в результате радиации».

---

* Ibid., pp. 55, 169.

ХИРОСИМА ДЛЯ ВСЕХ*

Пылкая речь президента Рональда Рейгана о необходимости всестороннего «усовершенствования» ядерного оружия массового уничтожения и средств его доставки не на шутку встревожила газету «Лос-Анджелес таймс», которую отличает умеренный консерватизм. Одному из авторитетных журналистов, Роберту Шееру, руководство газеты поручило подготовить обзор на тему «Сползание великих держав к войне». Работа затянулась на три года и вылилась в целую книгу под странным названием «Если бы нам хватило лопат». Подзаголовок книги более вразумителен — «Рейган, Буш и ядерная война». Динамичный и восприимчивый Р. Шеер пришел в ужас, сводя воедино факты и неопровержимые свидетельства, которые он обнаружил и записал на магнитофон. Он включил в книгу множество интервью с Рейганом, с вице-президентом, бывшим патроном ЦРУ Джорджем Бушем и другими высокопоставленными должностными лицами, со сторонниками и противниками президента и его политики.

Познакомившись с этими высказываниями Рейгана и его команды, не случайно объединившихся фанатиков ядерной войны, невольно задаешься вопросом: может быть, они притворяются ненормальными и преступниками? А вывод напрашивается один: пока Рейган сидит в Белом доме, переговоры и соглашения с Советским Союзом по вопросам ядерной войны и устранению опасности ядерного конфликта вряд ли возможны.

Проделанная Шеером основательная и оригинальная работа приводит к заключению, что речь идет о сползании к войне не обеих великих держав, а только одной из них. Но откуда взялось такое название: «Если бы нам хватило лопат»? Ответ на этот вопрос дает Т. К. Джонс, предпочитающий, чтобы его называли просто

* Два последних раздела книги включают заметки Уилфреда Бэрчетта, которые он не успел выправить перед смертью. Они публикуются практически без изменений.— *Прим. ред.*

Ти Кей *. Как заместитель министра в военном ведомстве, на которое Рейган возложил ответственность за научные исследования и опытно-конструкторские военные разработки, а также за вопросы применения ядерных сил на различных театрах военных действий, он пользуется колоссальным влиянием. Впечатляет один только перечень проблем, которые он контролирует.

Но обратимся к книге Шеера; ее вторая глава называется «Слой земли решает все». Прочитавшего эту главу она не может не убедить, что речь идет о политике, продиктованной безумством. Шеер рассказывает: «Томас К. Джонс как-то сказал мне, что Соединенным Штатам будет достаточно два-четыре года, чтобы полностью оправиться от тотальной ядерной войны с Советским Союзом... Он сказал также, что ядерная война далеко не так опустошительна, как все привыкли думать. Я услышал буквально следующее: «Если нам хватит лопат, все возьмутся за дело». Оказывается, лопаты нужны, чтобы вырыть яму. Яму накрывают одной-двумя старыми дверьми. Сверху следует набросать слой земли приблизительно в метр толщиной, и таким образом в сельской местности будут вполне приемлемые убежища от радиоактивных осадков для тех миллионов американцев, которые будут эвакуированы из городов. Итак: «Слой земли решает все»**.

Вас не покидает впечатление, что Шеер разговаривал с безумцем, ставшим жертвой своего сакраментального положения. К сожалению, это не так. «В моем разговоре с Ти Кей,— продолжает автор,— меня поразило то, что этот высокопоставленный чиновник Рейгана так преступно наивен в отношении последствий ядерной войны, а также то, что его взгляд на вещи абсолютно типичен для образа мыслей всей нынешней администрации. Я смог убедиться в этом за долгие часы, беседуя с теми, кто нами сегодня управляет».

Это интервью опубликовала «Лос-Анджелес таймс», и Ти Кей был справедливо осмеян. К сожалению, это единственный момент, который напоминает о комедии. Трагедия же кроется в том, что магическая формула обороны, которую разработал Ти Кей, стала официаль-

---

* Английское алфавитное произношение букв, составляющих инициалы Джонса.— *Прим. перев.*

** Sheer R. With enough shovels: Reagan, Bush and Nuclear War. Random House, New York, 1982, p. 18.

ной политикой Рейгана. «Я вновь и вновь слушал пленки с записями интервью,— пишет Шеер,— и каждый раз меня повергала в ужас та обыденность, с которой Т. К. Джонс говорил о массовых убийствах» *.

В администрации Рейгана Ти Кей не единственный, кто обладает таким «талантом». Достаточно обратиться к интервью с Джорджем Бушем, отрывки из которого также приводятся в книге. В связи с его благодушными уверениями о триумфальном исходе ядерного конфликта с Советским Союзом Шеер спросил у Буша, действительно ли выгодно иметь превосходство в вооружениях на 2—10 %, учитывая, что оба противника обладают достаточными возможностями, чтобы уничтожить друг друга несколько раз. Буш слегка посерьезнел: «Да... Но если считать, что в ядерной войне не может быть победителя, то наша дискуссия бессмысленна. Я не разделяю эту точку зрения». Шеер продолжал спрашивать, как все-таки США намереваются выиграть эту войну? То, что для Буша было очевидным, но вызывало вопросы у других, казалось, раздражало его. «Достаточно,— ответил он,— обеспечить выживание правительственных органов и органов военного командования, уберечь промышленный потенциал, сохранить управление над известным процентом сограждан и располагать возможностью нанести противнику такой урон, который он не в состоянии причинить нам». На вопрос: «Хотите ли Вы сказать, что выживут 5 % или, может быть, 2 %?»— Буш ответил: «Больше. Даже если будут использованы все арсеналы, останется больше».

Понятно, что Шееру было от чего вновь прийти в ужас. Буш, совершенно очевидно, вполне удовлетворен тем, что немногим более 2 или 5 % людей выживут... Конечно, если хватит лопат и Соединенные Штаты возьмут верх в ядерной войне, которую администрация Рейгана готовит против Советского Союза. Стоит ли комментировать впечатление, которое, по всей видимости, создалось у читателей «Лос-Анджелес таймс», ознакомившихся с этими высказываниями.

Мне хотелось привести еще один отрывок из книги Шеера. Это еще одно свидетельство. «Примерно в это же время,— пишет он,— я оказался в самолете рядом

* Ibid., pp. 18, 22.

с человеком, который сказал мне: «В отличие от этих безбожных чудовищ мы уважаем человеческую жизнь». Это было сказано после слов о том, что Советский Союз, мол, рассчитывает победить в ядерной войне, несмотря на потери, для нас недопустимые. «Эти чудовища не верят ни во что,— заметил мой собеседник и добавил: — Они меньше уважают человечество в целом и человеческую жизнь в частности». Человек, говоривший это, был Рональд Рейган, у которого я взял интервью во время полета» *.

Этим рейсом Рейган начинал свою кампанию в пользу республиканской партии, чтобы стать кандидатом на приближавшихся президентских выборах. Его главным соперником был Джордж Буш. «Несмотря на их соперничество,— тонко замечает Шеер,— они нашли-таки общий язык по вопросам ядерной войны... То, что Буш в своем интервью сказал об основных условиях выживания, заимствовано у военных, и речь шла о малоизвестной тогда формуле «ККК», или «К ^{3}», дающей президенту полную власть в области К — командования, К — контроля и К — коммуникаций». Рейган, находящийся в воздухе в своем первоклассно оснащенном самолете, мог в случае «нанесения Советским Союзом первого удара» нажать кнопку и запустить целую армаду ракет с ядерными боеголовками. При этом первостепенное значение придавалось «обезглавливанию» советского руководства.

Другим основным действующим лицом среди фанатиков ядерной войны был начальник Ти Кея по Пентагону военный министр Ричард Д. Делоэр, которому подведомственны научные исследования, разработки... и т. д., не перестававший хвастаться превосходством американского ядерного оружия. В его речах не найдешь высказываний типа «лопаты для самообороны». Это ведь предназначено для широкой публики, чтобы доказать, во-первых, примитивный, но тем не менее эффективный характер советской системы обороны; во-вторых, что далеко не удовлетворительны количество и качество американских ядерных наступательных и оборонительных вооружений. А народ что? Он должен смириться с необходимостью затягивать пояса и отдавать миллиарды долларов на то, чтобы «догнать»

* Sheer R. Op. cit., p. 31.

Советский Союз, а если можно, и превзойти его. Дальше — больше. Оборонительные мероприятия, проводимые Советским Союзом, лишь «доказывают», что он готовится встретить «ответный удар» со стороны Соединенных Штатов после того, как сам нанесет «первый удар». Ти Кей хнычет: «Мы опаздываем», а Делоэр хорохорится: «Мы впереди». Рейган заявляет: «Нужны жертвы, чтобы догнать», а журналисты пишут: «Американцы, у вас есть выбор». Так или иначе, но широкие слои населения вводятся в заблуждение, по крайней мере на первых порах. Что касается людей осведомленных, то не один из них поражается как своим собственным догадкам, так и спокойствию и хладнокровию Рейгана, с которыми он, взвешивая все «за» и «против» и меряя человеческие жизни на проценты, готовится к развязыванию ядерной катастрофы, к Хиросиме для всего человечества. Это давно уже поняли многие выдающиеся ученые Америки и других стран, а также многие организации, стремящиеся настроить общественное мнение против реальной угрозы, которой чревата политика президента. Немалая заслуга в этом благородном деле принадлежит Всемирной организации здравоохранения. Взяв за основу выводы десяти всемирно известных врачей и ученых различных стран, ВОЗ опубликовала доклад, в котором аргументированно доказывается, что предполагаемая оценка потерь в ядерном конфликте между Соединенными Штатами и Советским Союзом в 2,2 миллиарда человек убитыми и ранеными (или больше половины населения земного шара) явно занижена. Ряд специалистов считает реальной опасность уничтожения всего живого, за исключением нескольких видов насекомых, устойчивых к радиации. Прежде всего жертвами станут врачи, ученые, инженеры, короче — жители городов, как это уже случилось с Хиросимой и Нагасаки, и именно города имеют для обоих противников первостепенное значение в качестве объектов для уничтожения.

Вопрос, задаваемый чаще всего теми, кто сам в состоянии на него ответить: кто будет спасать раненых, ремонтировать механизмы, налаживать сельскохозяйственное производство, планировать восстановление, если это еще будет возможно? Ответ может быть только один: никто.

Выводы ученых перекликаются с сюжетом научно-

фантастического романа французского писателя Робера Мерля «Мальвиль». В его романе после ядерной катастрофы в живых остается десять человек. Когда произошел взрыв, они разливали в бутылки вино в глубоком погребе в скалистой пещере. Вместе с ними выживает жерёбая кобыла, которой одной суждено возделывать теперь землю. Как единственная надежда на будущее, она превращается в объект жестоких распрей. Кроме кобылы, у ее владельцев было еще несколько ружей и небольшой запас продовольствия. Им удалось выйти победителями в схватке с целой бандой бродяг — опустившихся до примитивного существования диких полулюдей, вооруженных стрелами и камнями.

Австралийский писатель Невил Шут через некоторое время после бомбардировки Хиросимы опубликовал роман под названием «Последний берег». Это еще более смелое и, возможно, более экстраординарное литературное произведение. Смертоносные осадки ядерной войны, разразившейся в северном полушарии, настигли группу отважных австралийских космонавтов, оказавшихся на одной из ближайших планет. Их осталось всего шестеро, и все они обречены на смерть. Автор описывает их мучительную гибель. Описанные писателями ужасы абсолютно ирреальны, и тем не менее фантазия и того, и другого автора перекликается с предположениями современных крупных ученых.

Однако вернемся на нашу родную землю и в наши времена. На открывшейся 13 мая 1983 года в Женеве конференции Всемирной организации здравоохранения 97 государств проголосовали за резолюцию, которая вселяет ужас и надежду одновременно. 12 делегаций, в том числе Соединенные Штаты, проголосовали «против», 9 — воздержались. Резолюцию поддержали Советский Союз и другие социалистические страны, а также большинство развивающихся государств. Ее выдвинули 42 нейтральных государства. Смысл резолюции — осуждение политики Рейгана как «самой большой угрозы здоровью и благосостоянию человечества на ближайшее будущее».

В зловещем механизме ведения ядерной войны, налаживаемом Рейганом, более всего настораживает тот факт, что в ближайшем окружении президента немало выходцев из так называемого «Комитета по существую-

щей опасности». С содроганием узнаешь, что среди тех, кто в ноябре 1976 года основал этот комитет, был Джордж Шульц — нынешний государственный секретарь; Юджин Ростоу — самый ярый из идеологов антисоветизма, до весны 1983 года возглавлявший известное агентство по контролю над вооружениями и разоружению; Поль Нитце — бывший военно-морской министр, а позднее командующий ядерными силами театра военных действий и одновременно представитель Рейгана на женевских переговорах по разоружению и по сокращению ядерных вооружений; генерал Эдвард Роуни — «дублер» Ростоу в Женеве на переговорах по ОСВ. Его считают также главным виновником бесконечного затягивания переговоров по ОСВ-1. Многие из членов этого небезызвестного комитета разделяют аналогичные взгляды, они составляют мозговой трест президента. Все они в свое время были категорическими противниками переговоров по ОСВ.

Бывший государственный секретарь Сайрус Вэнс, выступавший против сползания к ядерной войне, признавал в марте 1982 года: «Комитет по существующей опасности, безусловно, сделал много для того, чтобы взорвать переговоры по стратегическим вооружениям. И теперь стоит послушать, что эти люди говорят о бесполезности достигнутого соглашения, и это в то время, как правительство старается его соблюдать... Если их спросить, что именно в этом документе их не устраивает, они не способны ответить. Это и заставляет предположить, что их принципиальное неодобрение носит скорее идеологический характер, что оно не основано на фактах или серьезных размышлениях»*.

---

* Sheer R. Op. cit., p. 36.

Смысл рейгановской политики заключается в том, чтобы добиваться новых и новых миллиардов долларов на вооружения и заставить Советский Союз отказаться от плана (несуществующего) нанесения первого удара. Этот курс имеет в Соединенных Штатах и своих противников. Одним из самых влиятельных среди них является Роберт Макнамара, бывший шеф военного министерства, ставший президентом Международного банка реконструкции и развития. Он исходит из того, что, во-первых, ядерная война в глазах любого здравомыслящего главы государства представляет серьезную опасность и, во-вторых, что советские руководители как раз и относятся к таким здравомыслящим политикам и не намерены наносить первый удар, подвергнув тем самым бо́льшую часть своего населения угрозе полного уничтожения. Макнамара как военный специалист, в частности специалист по ядерной технике, на протяжении ряда лет встречался с советскими военными специалистами. Это и привело его в группу общественных деятелей, которые пробовали убедить президента пойти на замораживание ядерных вооружений. Рейган отвергал такое решение, прикрывая свои аргументы «интеллектуальной» тарабарщиной, исходящей из «Комитета по существующей опасности» и полностью разделяя позиции таких ядерных крестоносцев—членов комитета, как Ростоу, Нитце и им подобные. Это наглядно продемонстрировала его пресс-конференция 31 марта 1982 года. В те времена многие органы средств массовой информации высказывались в пользу «ядерного замораживания». Это нашло отражение в интервью, которое взяла у Рейгана корреспондентка агентства ЮПИ Элен Томас.

Э. Томас: Некоторые специалисты считают, что русские намного опередили нас в области определенных видов ядерных вооружений, а мы опередили их по ракетам типа «Поларис» и т. п. У нас есть возможность нанести сильный удар по Советскому Союзу. Исходя из

этого, почему бы нам не приступить немедленно к переговорам и не договориться о сокращении? Это дало бы возможность прекратить производство оружия массового уничтожения и сэкономить миллиарды долларов на помощь бедным.

Р. Рейган: Я знаю, что кое-кто задается таким вопросом. Если принять во внимание все факторы, то правда состоит в том, что Советский Союз имеет прочный запас превосходства, во всяком случае, достаточный, чтобы представлять опасность. То есть существует то, что я имел случай назвать «окном уязвимости». Я думаю, что замораживание для нас было бы не только невыгодным и, я бы сказал, опасным, учитывая это их превосходство, но оно могло бы послужить для Советского Союза аргументом для отказа от переговоров по сокращению...

Э. Томас: Значит ли это, что в случае атомного нападения мы уязвимы уже сейчас, сегодня?..

Р. Рейган: ... Колоссальное преимущество Советского Союза состоит в том, что в случае нашей ядерной атаки он может нанести нам ответный удар...*

Это «колоссальное преимущество» входило составным элементом в «стратегию лопатной обороны». Предполагалось, что американцы клюнут на удочку кошмарных видений, мучивших Ти Кея, и заглотнут все сразу — и крючок, и леску, и поплавок, а анекдотическая «нехватка лопат» была весомым доказательством того, что Советский Союз порывается нанести первый удар и принять ответный удар американцев. По представлению Рейгана, американцы должны были поверить во всю эту чушь. Многие американские специалисты по военным вопросам недоуменно пожимали плечами, выслушивая вымыслы о советском превосходстве в атомных вооружениях и средствах доставки. Они не отрицали, что Советский Союз предпринимает усилия для качественного скачка и установления стратегического паритета с американскими вооружениями по единицам разрушительной мощи и скорости средств доставки. Многие из них прекрасно понимали, что память о 20 миллионах погибших и о колоссальных разрушениях во время войны еще слишком свежа в памяти русских и слишком глубоко живет в их сердцах, чтобы пер-

---

* Sheer R. Op. cit., p. 75.

спектива ядерной войны могла пробудить в них иное чувство, кроме отвращения. И более того, возможность проиграть такую войну вполне реальна. Официальная позиция Советского Союза ясна: если такая война начнется, то может погибнуть весь мир и победителей в ней не будет.

В Соединенных Штатах подъем движения борцов за мир заставил правящие круги прибегнуть для его подавления к самым гнусным мерам. Движение против ядерной войны наметило одну из своих самых крупных акций, Неделю атомной бомбы, на середину мая 1982 года. Агентство по контролю над вооружениями и разоружению с подачи Ростоу и Нитце сделало все, чтобы сорвать эту широкую манифестацию. В редакции газет и других средств массовой информации негласно было разослано предписание убедить людей не принимать участия в этой акции. Газета «Вашингтон пост» 9 мая написала об этой операции следующее:

«Экземпляр уведомления, подготовленного Ростоу, поступил в редакцию «Вашингтон пост» анонимно, однако его существование было Агентством подтверждено. Пресса, радио и телевидение, предписывалось в нем, должны изливать поток демагогических эмоций, в то время как журналисты — забрасывать вопросами заплаканных матерей и добропорядочных, выражающих возмущение служителей культа,— все это на фоне ужасающего атомного гриба...» Агентство признавало, что вопросы ядерной войны все больше волнуют общественное мнение, но, валя с больной головы на здоровую, утверждало, что «к этому движению примкнули такие уже надоевшие всем элементы, как пацифисты, экологисты, сторонники левых сил и различные прокоммунистические элементы...»

Ростоу был по-своему прав, избрав своей мишенью участников марша мира, которых Рейган и его оруженосцы были преисполнены решимости заставить замолчать: за туманным предупреждением участникам антивоенных манифестаций непременно последуют репрессии, и кому, как не Ростоу, руководить ими.

Другими словами, «набожные чудовища» — как иначе назвать богомольцев из ядерной когорты Рейгана, именующих советских людей «безбожными чудовищами»?— самой логикой их мышления не могли не стать участниками гигантского «крестового похода» (за

чистоту веры?). Движение сторонников мира объединило людей различных политических, идеологических и религиозных убеждений, представляющих интересы большинства населения Америки. И Ростоу это прекрасно понял. Для начала Рейган (вот уж «набожное чудовище») должен был объявить «вне закона» любого члена своей администрации, ежели он посмеет представить в неприглядном свете политику ядерной войны. Ростоу убедил также Рейгана задуматься над «консолидацией союза против русских». По мнению этого идеолога антисоветизма, опасения американцев и граждан других стран «свободного мира» по поводу ядерной катастрофы были только на руку Кремлю. «Советский Союз,— заявлял он,— уже использует или попытается использовать ядерную проблему и опасность ядерных вооружений для подрыва нашей солидарности и может поставить ее под угрозу» *.

Рейган либо игнорирует, либо рассматривает как доказательство слабости то, что побуждает Советский Союз поддерживать движение сторонников мира и отстаивать свою позицию отказа от ядерной войны. Рейгана и Ростоу привела в бешенство крупнейшая в истории Соединенных Штатов манифестация, состоявшаяся в Нью-Йорке: тогда около 750 тысяч человек собрались, чтобы выразить свой протест против применения ядерного оружия. Манифестация стала свидетельством позорного провала интриги Ростоу, пытавшегося саботировать Неделю атомной бомбы. Массовые манифестации состоялись также в мае 1982 года в Великобритании, Западной Германии, Японии и в ряде других стран. Выходит, «безбожные чудовища» из Советского Союза взяли верх. Остается задать вопрос: за кого же все-таки был бог? Что касается Рейгана, Буша и К°, ответ вряд ли требуется.

Весной 1982 года Рейган положил немало усилий на то, чтобы путем очковтирательства и клеветы, завладеть помыслами рядовых американцев, и «Нью-Йорк таймс» приобщила его к числу «безумцев». Это случилось, когда в одном из своих интервью Рейган попытался обосновать свои требования выделить 4,3 миллиарда долларов на гражданскую оборону, чтобы уравновесить сумму, якобы выделенную Советским Союзом на те же

* Sheer R. Op. cit., p. 87.

цели. Его просто-напросто уличили в вульгарной лжи.

Итак, 3 апреля 1982 года «Нью-Йорк таймс» опубликовала передовую, в которой не только критиковалась гражданская оборона, но и ставилась под сомнение позиция администрации Рейгана о возможности успешного ведения ядерной войны. В статье выражалось сомнение в возможности по состоянию гражданской обороны судить о том, какая из сторон начнет и какая выиграет ядерную войну, и, кроме того содержался призыв к укреплению паритета ядерных вооружений и средств гражданской обороны, а также к достижению соглашения о сохранении этого паритета. В ней говорилось буквально следующее:

«Поддерживать всеми силами идею о возможности всеобщей ядерной войны и о возможности выжить в ней — это не просто безответственно, это безумие...

Чей это светлый ум решил, что в такое можно поверить? И кем выбран именно этот момент, когда сам президент предпринял наконец попытку успокоить общественное мнение, встревоженное проблемами ядерного оружия, для того, чтобы выдвинуть подобную идею? Этих людей следовало бы отстранить от занимаемых должностей...»

Напечатанные в такой читаемой газете, как «Нью-Йорк таймс», эти суждения стали известны многим. Роберт Шеер, которого я уже неоднократно цитировал, без обиняков уточнил, о чьем «светлом уме» шла в данном случае речь: «Все не так просто, ибо «светлый ум» это не Т. К. Джонс, что законней всего было бы предположить, и не Ричард Пайпс, откровенно ратующий за уничтожение Советского Союза. К этому времени их скандальные выступления стали слишком известны и основательно подорвали авторитет обоих. «Светлый ум», требовавший увеличения расходов на гражданскую оборону, и человек, которого «Нью-Йорк таймс» считала не иначе как «безумцем» и предлагала выпроводить в отставку, был сам Рональд Рейган»*.

Если Рейган считал, что по ту сторону океана расположена «империя зла», можно с еще большим основанием сказать, что американский президент явно намеревался превратить Америку в «империю апокалипси-

---

* Sheer R. Op. cit., p. 108.

са». И эту реальность не в состоянии скрыть ни его клеветнические выпады, ни его безумие!

Что же нас всех ждет?

Некоторое представление дает доклад Международного института стратегических исследований в Лондоне. Его автор Десмонт Бол считается в этом институте специалистом по оценке разрушительных последствий ядерной войны. Доклад был опубликован осенью 1981 года в виде книги, носящей название «Можно ли управлять войной?». В главе, где речь идет о выборе Соединенными Штатами объектов для нанесения «первого удара» или для ведения «затяжной войны», можно узнать о следующем:

«Двести крупнейших городов Советского Союза, поскольку там расположены и промышленные и военные объекты, а также 80 % городов, население которых превышает 25 тысяч жителей, взяты в американских военных планах на учет. Для большинства этих городов выделено минимум десять ядерных боезарядов. На Москву должно быть сброшено около 60 ядерных бомб. Центральная часть Москвы испытает воздействие ударной волны такой силы, что ни одно здание и ни одно дерево не уцелеет».

Бол считает, что потери Советского Союза составят 100 миллионов убитыми и 30 миллионов ранеными. А это значит, что все медицинские учреждения будут уничтожены и погибнет все население страны, так как оставшиеся в живых после ядерного удара будут обречены на медленную и мучительную смерть. Рейган-евангелист будет править «империей апокалипсиса», где безраздельными хозяевами будут устойчивые к радиации, прямокрылые тараканы и другие насекомые, которые, перелетая с мертвых на еще живых, будут переносить смертоносные инфекции. Рейган прекрасно понимает, что медицинского обслуживания как такового существовать не будет, так как врачи и сестры будут уничтожены, а раненые смогут рассчитывать только на помощь родных и близких. Роберт Шеер, удивляясь спокойствию, с которым фанатики ядерной войны в академических томах сопоставляют возможные потери Советского Союза в случае «первого удара» и в случае «затяжной войны», пишет: «При тесном общении с людьми типа Ростоу, Нитце или Пайпса меня поражало странное расхождение между их достой-

ными вампиров речами и очевидной неспособностью представить себе материальные и физические последствия того, за что они ратуют.

Я хочу этим сказать только то, что категоричные рассуждения о жестокости в конечном счете выглядят абсурдными (если не сказать — гнусными) и абстрактными, когда эти «мыслители» дискутируют о возможном массовом уничтожении людей, как если бы все это не имело ничего общего с конкретным куском металла, разрывающим человеческую плоть, не касалось человеческих тел, превращенных радиоактивными излучениями в пепел, не затрагивало миллионы и миллионы людей, погибающих в ослепительном взрыве или в немыслимой, нескончаемой агонии... Я пишу это не для того, чтобы укрепилось впечатление, что эти «ястребы» только и ждут ядерной войны. Это не демоны, стремящиеся уничтожить мир. Это не глупцы и не бесчувственные болваны. Им хорошо известно, какие последствия несет ядерная война народу, за который они ответственны. Безысходно то, что они превратились в рабов своей собственной риторики, своего крайне сомнительного подхода к событиям, они стали рабами навязчивой идеи советской угрозы.

Они не больше меня хотят воевать. Но для них нет другого исхода, кроме войны, пока они не перестанут противиться любому компромиссу с Советским Союзом *.

Вечером, сидя в уютном кресле с коктейлем в руках, предаваясь абстрактным мыслям о ядерной войне, их не оставляют два вопроса — как лучше уничтожить Советский Союз и какую цену должны заплатить Соединенные Штаты в зависимости от избранного средства нападения. Такая постановка вопроса диаметрально противоположна подходу Советского Союза. И нравственно и идеологически здесь проходит граница как американо-советских разногласий, так и раскола общественного мнения внутри самих Соединенных Штатов. Кто же все-таки «чудовище»? Соединенные Штаты или Советский Союз? Кто больше думает о своем народе с точки зрения гуманизма и с точки зрения ответственности за окружающий нас мир?

В тот год, когда Рейган стал президентом, свет уви-

---

* Sheer R. Op. cit., pp. 120—121.

дела книга, написанная ответственными специалистами, рассказывающая о цене, которую придется заплатить за реализацию планов избранного президента (о ней должен знать он сам и должен знать американский народ). Эта книга называется «Последняя эпидемия: врачи и специалисты говорят о ядерной войне». Над книгой работала группа из 21 известного ученого и социолога. Среди них Герберт Сковилл, виднейший специалист в области ядерных вооружений, занимавший в свое время видные посты в ЦРУ и в военном министерстве. Он разоблачает имеющиеся иллюзии о том, что «первый удар», нанесенный Соединенными Штатами, может лишить Советский Союз возможности ответного удара.

«Первый и самый легкий способ парировать удары, которым может воспользоваться Советский Союз,— это корректировка оружия на четверть миллиметра, чтобы оно автоматически «пришло в действие по тревоге».

Как только системы оповещения предупредят, что мы запустили ракеты, Советский Союз за 15 минут, необходимых американским снарядам для достижения цели, успевает выпустить свои. Когда же американские ракеты достигнут цели, они поразят уже пустые шахты. Это верный и дешевый способ, гарантирующий сохранение ракет. Его единственным недостатком является то, что он представляет собой большую опасность для Соединенных Штатов».

Можно, конечно, выиграть несколько минут до подачи сигнала тревоги. Вероятно также, что советская система оповещения может действовать по иным принципам. Еще до того, как Сковилл написал эти строки, имели место три инцидента. Американцы приняли стаю птиц за советские ракеты «первого удара». Ошибка была вовремя обнаружена и ответного удара не последовало. Советская система оповещения, возможно, не столь совершенна, и в аналогичной ситуации кнопку для нанесения фатального ответного удара могли бы и нажать. Что же тогда? Артур Логан, известный профессор медицины, в той же книге «Последняя эпидемия...» подробно рассказывает о том, что, например, может произойти с Сан-Франциско, несомненно занесенным Советским Союзом в список объектов для нанесения «ответного удара». Вначале, ссылаясь на официальные до-

кументы, он пишет: «Агентство по контролю над вооружениями и разоружением произвело расчеты для всех городов Соединенных Штатов с населением свыше 25 тысяч жителей применительно к различному по мощности оружию — бомбам от 25 килотонн (что приблизительно в четыре раза мощнее бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки) до 20 мегатонн (мегатонна равна тысяче килотонн). Агентство подсчитало, что в Сан-Франциско ударная волна от взрыва одного боезаряда мощностью в одну мегатонну может уничтожить 640 тысяч человек и тяжело ранить или вывести из строя еще 306 тысяч, а один взрыв мощностью в 20 мегатонн уничтожит 1,538 миллиона человек и нанесет тяжелые ранения еще 780 тысячам. Далее автор доказывает, что эти прикидки неточны (а значит, занижены), поскольку не учитывается фактор времени и места, то есть не учитывается, где в момент атаки будут находиться люди — на работе, в транспорте, дома и т. д. Не учитываются также последствия неизбежного при этом «колоссального пожара в результате взрыва», как это было в Хиросиме. Логан пишет: «Правильнее было бы при этих подсчетах количества убитых и тяжелораненых сделать поправку в сторону увеличения на 25 %, и тогда цифры выглядели бы следующим образом:

а) взрывной волной от бомбы в одну мегатонну будет уничтожено 780 тысяч человек (или 22 % населения города в районе залива) и тяжелые ранения получат еще 382 тысячи человек (или 10,5 %), что в целом означает треть жителей Сан-Франциско;

б) взрывной волной, вызванной бомбой в двадцать мегатонн, будет уничтожено 1,923 миллиона человек (53 % населения города в районе залива) и тяжелые ранения получат еще 874 тысячи человек (24 %). Общие потери составят 2,797 миллиона человек, то есть 77,4 % населения города.

Подсчеты свидетельствуют о беспрецедентном характере возможной трагедии. За всю историю человечество не переживало еще катастрофы, когда бы одновременно был уничтожен сразу миллион человек и никогда и нигде сразу не было 400 тысяч тяжелораненых».

Можно было бы добавить, что во второй мировой войне за четыре года жестоких сражений, охвативших обширные территории Советского Союза, было унич-

тожено больше 10 % многомиллионного населения этой огромной страны!

Далее Логан пишет и о трудностях оказания помощи тяжелораненым в случае возникновения ядерной войны, используя пример Сан-Франциско. «После взрыва бомбы в одну мегатонну из четырех тысяч врачей Сан-Франциско, возможно, останется только половина; что касается больничных коек, то из 4657 их останется всего несколько штук.

После взрыва бомбы в двадцать мегатонн во всем районе Сан-Франциско, Аламеды, Марина, Сан-Матео, Контра-Косты останется в живых всего несколько тысяч врачей... Самый тщательный подсчет по одному из американских городов показал, что на одного врача падут заботы о 1700 тяжелораненых. При этом учитываются врачи всех возрастов, всех специальностей, независимо от их собственного состояния здоровья и нахождения в момент атаки. Даже если предположить, что на одного врача окажется по 1000 тяжелораненых, что для установления диагноза и оказания помощи каждому раненому будет выделено по 10 минут, что врачи будут работать по 20 часов в сутки, то понадобится не меньше восьми дней, чтобы хотя бы один раз все раненые были осмотрены врачом. А это значит, что большинство из них так и умрут, не дождавшись медицинской помощи. И большинство погибнет еще до того, как им будут даны лекарства, облегчающие страдания.

Если вдуматься во все это, то понимаешь, что последствия этого кошмарного абсурда вовсе не являются проблемой медицинского обслуживания».

Нарисованная картина действительно абсурдна... Цифры несоизмеримы ни с чем, настолько они превосходят данные по Хиросиме и Нагасаки. И как можно говорить о том, что каждый оставшийся в живых врач сможет работать по двадцать часов в сутки?!

* *
*

Мне не раз приходилось слышать, как благонамеренные люди принимались наводить критику в адрес Советского Союза. Они, например, не могли понять, почему в Советском Союзе не проводятся массовые манифестации протеста против производства новых ви-

дов ядерного оружия, предназначенных для поддержания паритета с Соединенными Штатами. Один из моих друзей-социалистов сказал как-то в сердцах: «А-а, все они одинаковы — и те и другие». Я обнаружил, что эта точка зрения широко распространена. Но она ошибочна. Как можно стремление к обладанию ядерным оружием во все больших количествах, а его уже предостаточно, чтобы уничтожить все человечество несколько раз, сравнивать с точно сформулированными намерениями о его сокращении? Как Советский Союз, потерявший 20 миллионов человек в войне, которая шла на его собственной территории, и теперь выступающий за переговоры, можно поставить рядом с Соединенными Штатами, на территории которых не погиб ни один человек и президент которых, окруженный авторитетными советниками, открыто провозглашает своей целью уничтожение целой страны и ее идеологии с помощью атомного оружия? С одной стороны, сила нужна, чтобы защищаться, но, с другой, ведь ее хотят применить для уничтожения всего сущего!

Совершенно очевидно, что Советский Союз ни экономически, ни социально, ни морально не заинтересован в наращивании ядерных вооружений и не провозглашает воинственных доктрин. Об этом было емко сказано в ответах министра обороны СССР Дмитрия Устинова на вопросы корреспондента ТАСС, опубликованных 31 июля 1983 года. Он заявил: «Было бы совершенно недопустимым с нашей стороны в условиях возрастания военной угрозы подвергать риску мирный труд народов стран социалистического содружества... Мы обязаны принять меры и ответить на возрастание ядерной угрозы... Советский Союз примет все меры для отражения ядерной опасности, усиливающейся с каждым днем. Мы полны решимости защищать плоды мирного труда стран социалистического содружества». Выдавать такие заявления за воинственные выпады со стороны «безбожных чудовищ», как это обычно и делают Рейган и его советники,— значит проявлять полную безответственность и откровенное безумие.

Сегодня большинство людей на планете начинают осознавать, что между агрессивными намерениями и интересами обеспечения обороны ничего общего нет и быть не может.

За все эти годы, когда между великими державами

шли переговоры о сохранении паритета, о сокращении и контроле над вооружениями, когда стороны в поисках решения вопроса переходили от конфронтации к компромиссам, я не один раз бывал и в социалистических и в несоциалистических странах. Примерно равное время я прожил по обе стороны от «линии раздела». Встречи с государственными и политическими деятелями, с дипломатами, учеными и журналистами привели меня к следующим выводам. В социалистических странах я видел только тревогу за будущее и ничего, кроме отвращения к одной лишь мысли о возможности ядерной войны. Там я уяснил, убедился, что Советский Союз будет всегда отстаивать свою позицию об отказе от ядерного оружия как средства решения споров и обеспечит сохранение примерного паритета в области стратегических вооружений с Соединенными Штатами, служащего для укрепления его международных позиций и защиты социалистических стран. В этих странах я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь высказывал мысль о нанесении «первого удара» по Соединенным Штатам. По другую сторону «линии раздела» мнения людей разделились — одни спорили о выборе момента для «первого удара» по Советскому Союзу, другие — выражали опасения по поводу ответных мер. В основном их высказывали люди, знающие о возможных последствиях ядерного конфликта. Но даже среди тех, кто с бо́льшей, чем другие, опаской относился к Советскому Союзу, я не встретил никого, кто бы мог привести хотя бы одно формальное доказательство того, что Советский Союз планирует «нанесение первого удара» по Соединенным Штатам или по любой другой стране. Все они признавали лишь тот факт, что Советский Союз готов дать энергичный отпор.

Оправдана ли его позиция? При ответе на этот вопрос мнения разделялись.

Может ли быть победитель в ядерной войне? Проблематично! Во что она выльется для обеих сторон? Это превзойдет представления о самых ужасных, о самых неисчислимых бедствиях!

Это представить невозможно!

ОБ УИЛФРЕДЕ БЭРЧЕТТЕ: ЕГО ЖИЗНИ И МИРНЫХ СРАЖЕНИЯХ

Судьба книги, с которой вы, читатель, только что познакомились, как и судьба ее автора, судьба большинства его репортажей и корреспонденций, документальных магнитофонных записей и кинолент, необычна. Первые ее строки были написаны 34-летним корреспондентом английской газеты «Дейли экспресс», прошедшим огненные дороги второй мировой войны от первого дня и до ее дня последнего, 3 сентября 1945 года, передавшим с еще не остывших атомных пепелищ Хиросимы репортаж с впечатанными между строк тенями погибших от ядерного удара. Слова из того репортажа: «Пусть больше никогда не повторится Хиросима!»— стали боевым лозунгом массовых выступлений за мир, призывом, с которым и сегодня выходят на манифестации миллионы людей во всех уголках нашей планеты. Последние главы Уилфред Бэрчетт, уже прикованный к больничной койке, писал, понимая, что эта книга может стать его завещанием...

Последние фразы ложились на бумагу спустя 38 лет после войны, в дни, когда тень испепеленной ядерным взрывом Хиросимы нависла реальной угрозой над тысячами городов: претендующий на мировое господство американский империализм обуреваем чудовищными планами «звездных войн», о которых заявил 23 марта 1983 года президент США Р. Рейган. Предупреждая о нависшей над человечеством, над всей планетой опасности полного уничтожения, У. Бэрчетт бьет в набат, призывает сделать все, чтобы не допустить всеобщего апокалипсиса. Об этом последние строки его книги-завещания, вышедшей посмертно летом 1984 года в Париже. Через нее красной нитью проходит простая мысль о том, что сегодня нет задачи важнее, чем борьба за прекращение гонки вооружений и разоружение, за недопущение милитаризации космоса — за мир. И напоминает нам об этом не бесстрастный человек, а активный борец, все послевоенные годы сражавшийся за чистое небо над Землей.

О нашем друге, старшем товарище, с которым за последние три десятилетия много раз нас сводила судьба в «горячих точках» планеты, на различных форумах, а также в буднях нашего беспокойного времени, мы решили рассказать не статейным отжатым слогом, а в форме свободного разговора двух журналистов. Этот диалог не претендует на полноту освещения жизненного пути У. Бэрчетта. Тем не менее он поможет представить беспокойную жизнь и — не побоимся этих слов — подвиг одного из видных журналистов и репортеров нашего времени. Эту беседу ведут сотрудница газеты французских коммунистов «Юманите» Мадлен Риффо и корреспондент газеты «Правда» в Париже Иван Щедров (ушедший ныне из жизни.— *Изд.*)

С балкона парижского корпункта «Правды» открывается вид на огромный зеленый двор и многоэтажное современное здание штаб-квартиры ЮНЕСКО. Чуть левее — массивные, прошлых веков корпуса знаменитой Военной школы, а еще дальше — кружевные очертания парижской «пастушки облаков» на Сене — Эйфелевой башни. У широкого, во всю стену окна — стол, за которым в гостях не раз сиживал Уилфред Бэрчетт. На столе стопки его книг на разных языках. Самая ранняя, 1941 года, на английском: «Тихоокеанский остров сокровищ». Последняя — «Вновь Хиросима» — вышла на французском в 1984 году. Более тридцати книг. На титульных листах авторские дружеские обращения. «Через несколько часов,— перечитываем одно из них, — я вылетаю снова в Ханой. Какая радость, какое счастье!» В тот раз, в 80-х, француженка Мадлен Риффо провожала его в Париже, а русский Иван Щедров — встречал в Ханое...

Все трое мы знакомы с середины 50-х. В середине 60-х были первыми среди зарубежных корреспондентов, добравшихся до освобожденных районов Южного Вьетнама: сначала туда попал Уилфред Бэрчетт, затем Мадлен, а потом приехал Иван.

Магнитофон включен. Разговор начинает Мадлен...

М. Риффо: Уилфред Бэрчетт родился в Австралии в 1911 году. Прежде чем в конце 30-х в Юго-Восточной Азии стать фронтовым репортером армейской газеты, куда попал по воле случая, он окончил не один «уни-

верситет» жизни, о которых вспоминать не любил...

И. Щедров: Годы скитаний для него начались в тридцать лет. Великий кризис 20-х годов поразил и Австралию. Без постоянной работы и средств к существованию он исколесил страну вдоль и поперек. Голодал, бродяжничал. Кем только не довелось ему быть: рассыльным, каменщиком, плотником, продавцом, агентом страховой компании...

М. Риффо: Да, а потом была военная служба. Попал в армейскую газету — первый журналистский причал, ставший судьбой. Будни фронтового репортера в Бирме, на островах Тихого океана. Было отступление, были в конце войны и крупные завершающие операции союзников на Дальнем Востоке. Япония. В сорок четвертом у 33-летнего репортера выходят сразу две книги — «Бомбы над Бирмой» и «Уингейская авантюра». В 1945-м пробьет час его вошедшего в историю репортажа из изувеченной ядерным взрывом Хиросимы. Придет время волнующих и поныне корреспонденций о послевоенном, оказавшемся не таким радужным и простым, как мечталось, мире. Об этом расскажет он в книгах, вышедших одна за другой в первые послевоенные годы,— «Демократия с автоматом», «Народная демократия», «Течение меняется», «Китай, сбросивший оковы».

И. Щедров: Когда Вашингтон развязал вооруженную интервенцию в Корее, втянув в нее и некоторые другие страны, в том числе Австралию, австралийский прогрессивный журналист Уилфред Бэрчетт передавал репортажи из фронтовых районов, разоблачая империалистическую авантюру, рассказывая правду о сражающемся за свободу и независимость корейском народе. Правда глаза колет. Под нажимом Вашингтона австралийские власти пошли на открытую расправу: Уилфреда Бэрчетта «за клевету», «антипатриотизм» лишили гражданства. Отобрали паспорт. Пройдет четверть века, пока демократические силы не добьются, чтобы была восстановлена справедливость.

О переживаниях человека, не имеющего родины, он расскажет в документальной книге «Паспорт», вышедшей в 1969 году. Во время нашей последней встречи в Ханое он однажды с болью говорил о том, как австралийские власти не разрешили ему приехать даже на похороны отца.

В марте 1954 года из Кореи Уилфред Бэрчетт через Китай пробирается в охваченные освободительной войной джунгли Северного Вьетнама. Он пересылает оттуда уникальные репортажи о заключительном сражении у Дьенбьенфу, где колониальной Францией была окончательно проиграна «грязная война», а также корреспонденции из партизанских районов. Затем — Женева, где летом 1954 года были подписаны Женевские соглашения по Индокитаю. И снова Бэрчетт возвращается во Вьетнам и оттуда передает репортаж о вступлении в Ханой овеянных славой передовых частей вьетнамской Народной армии...

На протяжении четверти века, куда бы ни забрасывала его журналистская судьба, он будет часто возвращаться сюда — во Вьетнам, в Лаос и Кампучию.

М. Риффо: С Уилфредом я познакомилась в Женеве летом 1954 года. Потом мы вместе работали корреспондентами в только что освобожденном Северном Вьетнаме. Жили по соседству в Ханое. Я тогда представляла парижскую «Ви увриер», Уилфред Бэрчетт писал во многие англоязычные газеты и журналы. Тогда вместе с нами там работали и советские спецкоры — Борис Стрельников, Сергей Зыков...

Впрочем, мое знакомство с Уилфредом состоялось несколько раньше, заочно. К журналистике я приобщалась в парижской вечерней газете «Се суар». В ту пору ее директором был Луи Арагон. Он-то и обратил мое внимание на корреспонденции с фронтов Кореи австралийского журналиста У. Бэрчетта, которые перепечатывали тогда газеты и журналы самых разных направлений многих стран. Их отличала объективность и в то же время бескомпромиссное осуждение империалистической интервенции. И мне, молодой, пробующей перо журналистке, грезилось: может, и мне когда-нибудь удастся вот так, с места событий, из самой гущи, передавать репортажи, очерки, за которыми будут следить миллионы и у которых будет такое же звучание...

И. Щедров: Я пережил нечто подобное, хотя не готовился в корреспонденты и такого поворота

в своей судьбе не предполагал. Тогда на моем счету востоковеда было только несколько научных статей и две научно-популярные книги об Индокитае. В Ханое, а затем Москве вышли первые книги У. Бэрчетта об Индокитае — «Севернее 17-й параллели», «Вверх по Меконгу». За ними появились и другие, где глубина анализа дополнялась удивительной образностью, живыми красками, переживаниями очевидца событий. Когда же я познакомился с автором, в его облике меня поразили простота, интеллигентность, полное отсутствие даже намека на напористость или лихость — черты, которыми я мысленно наделял этого боевого, уже известного и в других странах и у нас первоклассного журналиста, бесстрашного репортера. Это был первый в кругу моих знакомых мастер журналистского «цеха», на которого, став газетчиком, я неосознанно всегда держал равнение. Мы встречались и в Москве, и в Ханое, в Пекине и Гаване, в разных городах и странах. Но это первое впечатление сохранилось навсегда.

М. Риффо: В Уилфреде меня восхищало многое. И широта его мышления, и размах его деятельности. Это были вторая мировая война, в частности, на ее заключительном этапе (Хиросима) и возникновение стран народной демократии, становление социалистического содружества и борьба революционных и национально-освободительных сил с колониализмом и империализмом в Корее и Индокитае, на Кубе и Юге Африки. Он много писал об антивоенном движении и активно сам в нем участвовал. Но вновь и вновь он возвращался к теме Хиросимы, к истокам этой трагедии. Она навсегда оставила след в его журналистской работе, подобно тому как взрыв атомной бомбы навечно отпечатал на мосту Айок тени испепеленных людей.

И. Щедров: Однажды в 79-м мы вместе с Уилфредом — ему тогда было под семьдесят — ночью оказались в одной машине, на которой из Ханоя добирались в какое-то селение в дельте Красной реки. Квадратные чеки безбрежных рисовых полей были изуродованы бомбовыми воронками. Было душно и влажно. В ночь ехали по тревожному сигналу: сбит самолет без опознаватель-

ных знаков, появившийся со стороны моря. Однако наш разговор в этом краю, который мы хорошо знали по трудным военным годам, был обращен к будущему, к лучшим временам. Уилфред говорил, что считает для себя очень важной работу над книгой о Хиросиме и антивоенными документальными кинолентами. В этом был весь Бэрчетт. Он живо откликался на происходившие вокруг события. Его резкое обличение кровавых преступлений Пол Пота в Кампучии обошло печатные органы многих стран мира. Долгие годы дружеских отношений связывали Бэрчетта не только с Нородомом Сиануком, но и некоторыми лидерами «красных кхмеров». Он бывал в Пекине, очень любил китайский народ, Китай. Его там всегда хорошо принимали. Но он не мог молчать, он выступил с осуждением вооруженного вторжения Китая во Вьетнам. Его мнение было весомо, к нему прислушивались. И он свое слово сказал — открыто, прямо. Не всем оно понравилось. Некоторые из «друзей» перестали его замечать, здороваться. Но он оставался верным себе, верным правде. «Напишу Хиросиму,— говорил он,— и тогда сяду писать книги о Болгарии и о Советском Союзе. Давно собираюсь».

М. Риффо: С Болгарией его связывало многое — он долго жил в этой стране и, главное, это была родина его верного товарища и друга — жены. С Весой Осиковской, болгарской корреспонденткой агентства БТА, он познакомился в начале 50-х в Корее. Вскоре она стала его женой. Есть расхожий стереотип «журналиста», образ этакого Дон Жуана, созданный бойкими авторами авантюрных повестей и кинобоевиков. Уилфред Бэрчетт явно не подходил под этот стандарт. Он был очень привязан к семье.

С Весой они встретились, как я уже говорила, в Корее: оба были фронтовыми корреспондентами. Там родился их первенец Петя. Точнее сказать, он родился в автомашине, когда Веса под бомбами по опаленным напалмом дорогам выбиралась в Китай. Дочка Аня появилась в Москве, где одно время жили Бэрчетты. А третий — Жорж — в Ханое. Он родился весной 56-го, когда Северный Вьетнам покидали последние французские подразделения.

В шестьдесят пятом, когда вместе с Уилфредом мы пробрались к партизанам в освобожденные районы Южного Вьетнама, семейные фотографии иметь при себе строго «не рекомендовалось». А их-то ему очень недоставало: он часто вспоминал Весу, рассказывал о детях...

Из чисто человеческих качеств Уилфреда хотелось бы отметить еще одно. Боевой репортер, многие десятилетия работавший во фронтовой обстановке, на войне, он тем не менее не сделал ни одного выстрела. Нет, он не был пацифистом. Уилфред Бэрчетт был борцом за справедливость, против империализма и колониализма. Его главным оружием — и он хорошо знал его силу — было слово, кинокадр. Он не просто осуждал агрессию, насилие, господство богатых над бедными, он был настоящим борцом, никогда не сдавая своих позиций на баррикадах и в мирных сражениях.

И. Щедров: Помню, Уилфред всегда резко давал отпор тем, кто хотел обвинить его в «необъективности» и «предвзятости». «Да,— говорил он,— я не «объективен», как необъективен любой человек. Но не более. Я член общества, и мне не безразлично происходящее вокруг меня. Прежде всего я человек. Если бы при мне убивали ребенка, я не смог бы остаться в стороне. Я не смог бы, скажем, и фотографировать, а всеми средствами попытался бы остановить негодяя». «Возможно,— добавлял он,— репортер, снявший расправу, и добьется профессионального успеха, но этот поступок перечеркнет в нем человека».

М. Риффо: Это были не просто слова, таким он был в жизни. Мне привелось видеть его в подобной ситуации в Южном Вьетнаме. На деревенской окраине осколком американской ракеты был убит ребенок. Люди нуждались в помощи, утешении, они нашли их у Бэрчетта-человека, а фото- и кинокамеры Бэрчетта-репортера бездействовали.

И. Щедров: Для меня Уилфред Бэрчетт был образцом во многих отношениях. Я имею в виду прежде всего его высокий профессионализм, хотя специально он этому нигде не обучался. Он прекрасно владел не только пером, но фото-

аппаратом, магнитофоном и кинокамерой. В век телевидения, в век современных средств массовой информации Уилфред Бэрчетт наилучшим образом справлялся с поставленной задачей. Это был эталон. Попадая в исключительные обстоятельства — а это случалось нередко,— он, несмотря ни на что, всегда давал яркую и глубокую картину увиденного и услышанного, точным словом, емким образом, документальностью съемки и записи, донося до многомиллионных аудиторий через печать, радио и телевидение правду действительности. И еще одна немаловажная черта — серьезный подход ко всему, о чем он собирался писать. Чаще всего это и обеспечивало ему успех заранее, так как помогало вести поиск на главном направлении.

Уилфред не только говорил, но и писал на нескольких языках — английском, русском, французском... Он был мастером очерка, репортажа и яркой аналитической корреспонденции.

В Индокитае, где мне довелось много лет кряду жить и работать с ним рядом, Бэрчетт практически не расставался с магнитофоном, фотоаппаратом и кинокамерой, считая основой всех основ документальность, правдивость и образность того, о чем он собирался сообщить.

Жизнь и дела Уилфреда Бэрчетта незримо присутствуют при нашем разговоре. И если есть расхожее представление о журналисте — особенно в литературе и кино — как о напористом, хитром, неразборчивом в средствах...

М. Риффо: ...и из арсенала «желтой» прессы — о циничном и беспринципном человеке...

И. Щедров: ...то Бэрчетта отличали деликатность и сдержанность, простота и душевность, уважение, внимание к собеседнику. Они чаще всего порождали ответное доверие и откровенность. Лихость и грубый натиск ему были чужды. Глубокие знания и душевное благородство — вот что обеспечивало ему успех. Он сам кропотливо собирал информацию и только после этого садился за машинку. И тогда работал неистово, не отдыхая, пока хватало сил.

М. Риффо: Это требовало огромной воли, энер-

гии, выносливости, полной отдачи всего себя. Уилфреду Бэрчетту было пятьдесят четыре, однако в неимоверно трудных условиях партизанского края на оккупированной территории Южного Вьетнама он работал, не изменяя своим привычкам,— даже после утомительнейших ночных бросков через джунгли пешком, когда ноги были сбиты в кровь, под непрерывными бомбардировками и артобстрелами. Тогда он потерял в весе шестнадцать килограммов за два месяца, и это нас не удивило.

И. Щедров: Он всегда был верен правде, до которой старался «докопаться», «дойти» сам и от которой не отступал, даже если конъюнктурные соображения диктовали иной подход. В этом одна из причин того, что его репортажи, книги, киноленты оказались долговечными, выдержали испытание временем. В этом еще одно проявление профессионализма Бэрчетта, его настоящей, а не видимой объективности. Эти качества были присущи подлинным документалистам, во все времена — Марку Твену с его очерками об Индии, Джону Риду, написавшему хронику «Десять дней, которые потрясли мир», Михаилу Кольцову, поведавшему миру историю гражданской войны в Испании...

М. Риффо: Бэрчетт своими репортажами еще раз доказал лживость мнения о том, что работы газетчиков, журналистов — скороспелки, что они ненадежны, хрупки и преходящи, что новая эпоха, новый взгляд их перечеркивают. Увиденное и рассказанное У. Бэрчеттом миллионам людей не потеряло своей подлинности и останется документом эпохи. Он не только описывал события и излагал факты, но анализировал и разъяснял их суть. Если речь шла о войне, то как и почему она была развязана, кто ее начал.

Если бы У. Бэрчетт не был журналистом, он стал бы историком, исследователем. Фактически он работал, используя методы обеих профессий. Он, например, очень глубоко интересовался аграрной проблемой, в частности ее социальным аспектом. Он «перелопатил» огромную литературу по сельскому хозяйству, что-то «довыяс-

нил», углубил и сопоставил в непосредственных контактах с крестьянами и другими сельскими жителями, со специалистами, с определенными общественными и политическими деятелями. Все это вылилось в яркие по форме и глубокие по содержанию репортажи и очерки с мест.

Рассказ о нашем товарище, об авторе книги «Вновь Хиросима» нам хотелось бы закончить еще одним воспоминанием. Когда У. Бэрчетт работал во Вьетнаме, он гордился партизанской кличкой, под которой работал в освобожденных районах на оккупированной территории Южного Вьетнама. Его звали Ань Ба. По вьетнамской традиции детей в семье называли по номерам. Первым всегда был отец. Старшего родного сына звали Ань Хай (Старший второй). А вот имя Ань Ба (Старший третий) давали самому уважаемому человеку.

И сегодня он, Старший третий брат, в строю. Жизнь Уилфреда Бэрчетта — пример служения людям, служения высоким идеалам. Сам он образец журналиста и борца, сражающегося за лучшее будущее человечества.

Мадлен Риффо, Иван Щедров

Париж — Москва,
февраль 1986 года

СОДЕРЖАНИЕ

40 к.

«То, о чем я пишу, должно послужить предостережением для всего человечества».

Этими словами начинался репортаж, который 3 сентября 1945 года, четыре недели спустя после атомной бомбардировки, передал из Хиросимы австралийский журналист Уилфред Бэрчетт. Тогда ему было 34 года. Он умер в 1983 году, в возрасте 72 лет. Уже больной он заканчивал книгу и не успел выправить две последние главы. В этих главах он изобличает американский империализм, вынашивающий планы «звездных войн», которые несут угрозу атомного испепеления всего человечества.

Издательство »Прогресс«